

Книга об американских индейцах

Хамлин Гарланд

The Book of the American Indian

Written by Hamlin Garland

Pictured by Frederic Remington

Содержание

[КНИГА АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[ВАХИЯ — СПАРТАНСКАЯ МАТЬ](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[НИСТИНА](#)

[ЖЕЛЕЗНАЯ ХИВА](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[НОВЫЙ ДОМ МЕДИЦИНЫ](#)

[ВОСХОДЯЩИЙ ВОЛК — ПРИЗРАЧНЫЙ ТАНЦОР](#)

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕКИ](#)

[СТАРАЯ ГВАРДИЯ ОДИНОКОГО ВОКА](#)

[БОЛЬШОЙ МОГГАСЕН](#)

[РЕБЕНОК БУРИ](#)

[II](#)

[ЖАЖДА КРОВИ](#)

[РАСКАЯНИЕ ВАУМДИСАПЫ\[2\]](#)

[УКАЗ СОВЕТА](#)

[БЛУЖДАЮЩИЙ ЖУРАВЛЬ](#)

[ИСТОРИЯ ВЫЛАЮЩЕГО ВОКА](#)

[II](#)

[БЕЗМОЛВНЫЕ ПОЖИРАЮЩИЕ](#)

[I НАЧАЛО ВЛАСТИ](#)

[II ПОЛИТИКА И СОВЕТ](#)

[III БИТВА У БИГ-ХОРН](#)

[IV ТЕМНЫЕ ДНИ ЗИМЫ](#)

V ВОЖДЬ СДАЕТСЯ

VI В ПЛЕНУ

VII ОН ПРОТИВОВОСТОЯЛ ВСЕМ ДОГОВОРАМ

VIII ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУХОВ

IX ПОСЛАНИЕ КИКИНГ БЕРА

X НАЧАЛО ТАНЦА

XI РАЗРУШЕНИЕ ТРУБЫ МИРА

XII ВОЖДЬ ПРЕДЛАГАЕТ ИСПЫТАНИЕ

XIII ВОЖДЬ ПЛАНИРУЕТ ПУТЕШЕСТВИЕ

XIV СМЕРТЬ ВОЖДЯ

СНОСКИ:

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга Проекта Гутенберга «Книга об американских индейцах»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Книга об американских индейцах

Автор: Хэмлин Гарланд

Иллюстратор: Фредерик Ремингтон

Дата выпуска: 20 января 2025 г. [электронная книга № 75161]

Язык: английский

Оригинальное издание: Нью-Йорк: Harper & Brothers Publishers, 1923

Благодарности: Аарон Адриньола, Тим Линделл, Джон Кэмпбелл и команда онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «КНИГА АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ» ***

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИБАТОРА

Ссылка на сноски обозначена ^[номер], а сноски размещены в конце книги.

Некоторые незначительные изменения в тексте отмечены в [конце книги](#).

КНИГА ОБ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦАХ

Индийский разведчик

Иллюстрация из книги «A BUNCH OF BUCKSKINS» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано R. H. RUSSELL, 1901

КНИГА ОБ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦАХ

Автор: Хэмлин Гарланд

Член Американской академии искусств и литературы

Иллюстрации ФРЕДЕРИКА РЕМИНГТОНА

Издательство Harper & Brothers

Нью-Йорк и Лондон

КНИГА ОБ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦАХ

Авторское право, 1923
Автор: Хэмлин Гарланд
Напечатано в США

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
<u>ВАХИЯ — СПАРТАНСКАЯ МАТЬ</u>	1
<u>НИСТИНА</u>	15
<u>ЖЕЛЕЗНАЯ ХИВА</u>	25
<u>НОВЫЙ ДОМ МЕДИЦИНЫ</u>	39
<u>ВОСХОДЯЩИЙ ВОЛК — ТАНЦОР-ПРИЗРАК</u>	51
<u>ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕКИ</u>	67
<u>СТАРАЯ ГВАРДИЯ ОДИНОКОГО ВОЛКА</u>	77
<u>БОЛЬШОЙ МОГГАСЕН</u>	87
<u>РЕБЕНОК БУРИ</u>	95
<u>КРОВОЖАДНОСТЬ</u>	105
<u>РАСКАЯНИЕ ВАУМДИСАПЫ</u>	113
<u>УКАЗ СОВЕТА</u>	121
<u>ДРЕЙФУЮЩИЙ ЖУРАВЛЬ</u>	127
<u>ИСТОРИЯ ВОЮЩЕГО ВОЛКА</u>	135
<u>БЕЗМОЛВНЫЕ ПОЖИРАТЕЛИ</u>	159
<u>I</u> НАЧАЛО ВЛАСТИ	159
<u>II.</u> ПОЛИТИКА И СОВЕТ	168
<u>III.</u> БИТВА ПРИ БИГ-ХОРН	173
<u>IV.</u> ТЕМНЫЕ ДНИ ЗИМЫ	189
<u>V.</u> ВОЖДЬ СДАЕТСЯ	195

<u>VI.</u>	В ПЛЕНУ	204
<u>VII.</u>	ОН ВЫСТУПАЛ ПРОТИВ ВСЕХ ДОГОВОРОВ	215
<u>VIII.</u>	ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУХОВ	219
<u>IX.</u>	ПОСЛАНИЕ КИКИНГ БЕАРА	226
<u>X.</u>	НАЧИНАЕТСЯ ТАНЕЦ	232
<u>XI.</u>	РАЗРУШЕНИЕ ТРУБКИ МИРА	239
<u>XII.</u>	ВОЖДЬ ПРЕДЛАГАЕТ ИСПЫТАНИЕ	252
<u>XIII.</u>	ВОЖДЬ ПЛАНИРУЕТ ПУТЕШЕСТВИЕ	264
<u>XIV.</u>	СМЕРТЬ ВОЖДЯ	270

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Индийский разведчик	<i>Фронтис.</i>	
Девушка из племени киова	<i>Напротив стр.</i>	<u>8</u>
Посылка краснокожего	»	<u>9</u>
Ковбой, посетивший индейскую деревню	»	<u>30</u>
Индеец апачи	»	<u>31</u>
В агентстве по делам индейцев апачей	»	<u>42</u>
Романтическое приключение жены Старого Солнца	»	<u>43</u>
Сигнал знахаря	»	<u>54</u>
Танец призраков	»	<u>55</u>
В индейской резервации	»	<u>72</u>
В сильном течении	»	<u>73</u>
Современный индеец команчи	»	<u>80</u>
Группа индейцев племени пиган в горах	»	<u>81</u>
Следы на снегу	»	<u>98</u>
Джеронимо и его банда возвращаются с набега в Мексику	»	<u>99</u>
Храбрый индеец	»	<u>116</u>
В индейском лагере	»	<u>122</u>
Индейцы племени кроу стреляют в агентство	»	<u>123</u>
Индийский траппер	»	<u>138</u>
Сомнительное товарищество	»	<u>139</u>

АРЕСТ РАЗВЕДЧИКА	”	<u>152</u>
ИНДИЙСКАЯ ДУЭЛЬ	»	<u>153</u>
РАЗВЕДЧИКИ ПЛЕМЕНИ ШАЙЕНН ПАТРУЛИРУЮТ ЛЕСА СЕВЕРНОЙ КАНАДЫ, ОКЛАХОМА	”	<u>174</u>
ИНДЕЙЦЫ ВЕДУТ РАЗВЕДКУ С ВЕРШИНЫ ГОРЫ	”	<u>175</u>
ХРАБРЫЕ ШАЙЕНЫ БЕЖАЛИ ПО ЗАМЕРЗШИМ ХОЛМАМ	”	<u>186</u>
ПОХОД ЗИМОЙ	”	<u>187</u>
ИНДЕЙЦЫ КАК СОЛДАТЫ	»	<u>200</u>
ИНДИЙСКАЯ МЕЧТА	»	<u>201</u>
СЖИГАЯ ПРЕРИИ	»	<u>212</u>
СТАРИННЫЙ ИНДЕЕЦ СЕВЕРНЫХ РАВНИН	”	<u>213</u>
ВОЖДЬ ИНДЕЙЦЕВ	”	<u>226</u>
ФАНТАЗИЯ ИЗ ТАНЦА ПОНИ-ВОЙНЫ	»	<u>236</u>
ЧИ-ЧИ-ЧАШ РАЗВЕДЧИК НА ФЛАНГАХ	»	<u>237</u>
РАЗВЕДЧИКИ	”	<u>260</u>
НА РЕКЕ ЛИТЛ-БИГХОРН	»	<u>261</u>

БАХИА — СПАРТАНСКАЯ МАТЬ

КНИГА ОБ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦАХ

БАХИА — СПАРТАНСКАЯ МАТЬ

I

С поверхностной точки зрения, индейское агентство в Дарлингтоне было скучным и обыденным, если не сказать унылым. Солнце палило на дороге, пролегавшей между лицензированными магазинами, офисом и распределительным пунктом. По дороге бродили тощие собаки. Несколько оборванных краснокожих женщин с платками на головах тихо разговаривали на крыльце магазина. Группа воинов в тени кузницы обсуждала какую-то давнюю кампанию, а время от времени клерк в рубашке с закатанными рукавами, с руками, заваленными бумагами, пересекал площадь, ускоряя шаг под палящим солнцем.

Немного в стороне от улицы на лужайке мрачно возвышалось здание школы, по обе стороны от которого стояли еще более неприветливые общежития — все гудящие невидимой жизнью. На другом берегу реки — единственном приятном и милом месте — среди зеленых ив возвышались пожелтевшие конические палатки шайенов, а далеко за ними, на красивом бархатно-зеленом прерии, паслись их непривязанные пони.

Для невнимательного наблюдателя эта деревня казалась одинокой, отталкивающей; для сочувствующего ума она была местом драматических событий, потому что там сталкивались страсти, предрассудки, наследственная любовь и ненависть двух рас.

Там человек из эпохи полированного камня пытался, жалко и трагично пытался, принять образ жизни расы, опередившей его на десять тысяч лет, а там несколько преданных квакеров пытались привести кочевников на путь людей, возделывающих землю.

Шайенны, в то время практически военнопленные, дали лишь номинальное согласие на образование своих детей, и многие открыто выступали против этого. В большинстве своем ученики школы носили рубашки из оленьей кожи и были бродягами и сиротами племени, заброшенными и тупыми. Прекрасные, смелые сыновья главных вождей не хотели отказываться от своей свободы, и их презрение к тем, кто это сделал, выражалось в крике: «Ахья! Белый человек, белый человек!»

Похоже, что проблема, стоящая перед учителем школы шайенов и арапахо в те дни, заключалась не только в том, чтобы управлять учениками в классе, но и в том, чтобы убедить таких людей, как Томачам и Тонтонава, отправить своих храбрых и красивых сыновей. С большим природным остроумием и проницательностью Сегер, новоназначенный учитель, сказал агенту: «Наша точка атаки — это ребенок. Краснокожие очень любят своих детей. Мы также должны убедить матерей. Они — консервативная сила».

Молодой учитель Сегер уже завоевал много друзей среди вождей благодаря своей неизменной готовности помочь и сочувствию к их обычаям, и, не довольствуясь несколькими учениками, он ходил по вигвамам, убеждая отцов в необходимости образования в присутствии матерей.

Старики слушали его серьезно и в основном вежливо, не перебивая, взвешивая каждое слово. Некоторые из них признали обоснованность его доводов. «Мы думаем, что вы говорите нам правду, — сказали они, — но наши сердца не позволяют нам пойти с вами по этому пути. Мы любим старые вещи. Нам не нравятся эти новые вещи. Мы презираем одежду белых людей — мы не хотим, чтобы наши сыновья стриглись под ирокез, как чернокожие. Мы оставили тропу войны — и никогда не вернемся на нее. Что нас ждет впереди, мы не знаем, — но мы еще не готовы отдать наших детей в ваши руки». А сидящие рядом женщины аплодировали и говорили: «Да, да!»

Сегер возразил: «Что вы будете делать? Буйволы исчезли. Лоси и олени исчезают. Ваши сыновья не могут жить охотой — они должны жить так, как живет белый человек, — возделывая землю».

«Все это странно», — мрачно ответил Томачам. «Мы такие, какими нас создал Великий Дух. Мы не можем измениться. Если Великий хотел, чтобы мы были белыми, почему Он не создал нас такими с самого начала?»

Тем не менее, слова Сегера глубоко засели в ушах Томачама и его жены Вахии, и однажды вождь появился у дверей школы, приведя с собой своего сына Атокана, великолепного четырнадцатилетнего юношу, красивого, как изображение Хиаваты, с бахромой на штанах, рубашкой, украшенной бисером, блестящими, заплетенными волосами и раскрашенными щеками. Сзади — на большом расстоянии — шла мать.

«Видите, я привел своего сына», — начал вождь после радостного приветствия Сегера.

«Это хорошо. Он станет прекрасным человеком».

Лицо вождя помрачнело. «Я не привел его, чтобы он стал таким, как эти», — и он указал на пару тупых мальчиков с коротко стриженными волосами, которые стояли и глазели на него. «Я привел своего сына, чтобы он научился читать и писать, но его нельзя стричь и одевать в одежду белых людей. Он может следовать вашим обычаям, не теряя своих волос. Наша одежда нам нравится больше».

Сегер был упрям. «Я не возьму его. Если он придет, он должен делать то же, что и остальные, и он должен меня слушаться!»

Старый вождь молча смотрел на своего сына, чья грация и достоинство трогали даже неэстетичный ум учителя, и его глаза затуманились пророческой печалью. Мать подошла ближе, и Томачам повернулся к ней и рассказал ей, что сказал белый человек.

«Нет, нет!» — завывала она.

Тогда Томачам принял решение: «Нет, мой друг, я не могу этого сделать. Позволь мне оставить его еще на один день. Я не могу вынести мысли, что сегодня он станет белым человеком. Смотри, вот его мать, она ждет, плачет; пусть он останется маленьким краснокожим храбрецом до завтра. Я дал слово; я приведу его».

С некоторым пониманием боли в сердце вождя Сегер согласился, и Томачам позволил своему молодому воину остаться дома еще на один день, как раньше.

Сегер не знал, какие печальные церемонии происходили в том задымленном вигваме, но на следующий день вождь пришел снова; он был очень печален и очень нежен, но лицо мальчика было угрюмым, голова опущена.

Медленно отец сказал: «Друг мой, я всю ночь думал о том, что ты мне сказал. Мать поет печальную песню в нашем вигваме, но мы приняли решение. Мы отдаем нашего мальчика в твои руки; научи его пути».

И, тихо сказав несколько слов своему сыну, героический краснокожий мужчина повернулся и ушел, чтобы скрыть дрожащие губы. Это было так, как будто он отдал своего сына чужому племени, чтобы больше никогда его не увидеть.

Когда на следующий день мать увидела своего мальчика, она разрыдалась от обиды и боли. Вся его дикая, свободная грация исчезла. Его подстриженные ножницами волосы выглядели гротескно. Неуклюжий серый пиджак сдавливал ему плечи, брюки были нелепо короткими, а ботинки — жесткими и неудобными. Он притаился у костра, как избитая собака, и не поднимал головы даже в ответ на вопросы. Томачам курил, чтобы сдержать слезы, но его решение было принято, слово дано. «Мы в пути — мы не можем повернуть назад», — сказал он, хотя ему было больно видеть, как его орленок превратился в домашнюю птицу.

II

К этому времени Сегер привел школу в некоторое подобие порядка, и ученики быстро учились; но прогулы продолжали превращать его дневные занятия в фарс, потому что, как только они пообедали, многие дети убегали в лагерь через реку и оставались там на весь день. Другие не обращали внимания на звонок, а играли до изнеможения, прежде чем возвращаться в школу. Во всем этом бунте лидером был Атокан, и Сегер, долго размышляя, решил применить форму дисциплины, которая могла бы потрясти командира кавалерийского полка. Он решил применить розги.

Это может показаться мелочью, но это было не так; это было очень важное решение. На самом деле это было самое опасное заявление, которое он мог сделать воинственному племени, раздраженному ограничениями, потому что краснокожие люди — очень любящие родители и очень редко поднимают руку на своих детей или даже говорят с ними грубо. До этого момента ни один белый человек никогда не наказывал краснокожего ребенка, и когда Сегер поговорил об этом с агентом, он не получил никакой помощи; напротив, старый квакер сказал:

«Друг Сегер, я считаю тебя очень опрометчивым молодым человеком и боюсь, что ты втянешь нас всех в кровавое восстание». Затем он добавил: «Не можешь ли ты придумать что-нибудь другое?»

«Я должен поддерживать дисциплину, — argumented Сегер. — Я не могу позволить своим ученикам выставить меня дураком. Только четверо или пятеро из них нуждаются в порке, и если ты дашь мне разрешение, я заставлю их подчиниться; в противном случае я уволюсь».

«Ты можешь идти, — раздраженно воскликнул агент. — Но ты видишь, в каком положении мы находимся. У нас нет войск. Ты также знаешь, что я не одобряю применение силы; и все же, — добавил он, задумавшись, — мы потерпели неудачу в школе — только ты, кажется, имеешь какой-то контроль над учениками. Не мне это критиковать. Продолжай свой путь, но я не буду нести ответственности за любые неприятности, которые ты можешь навлечь на себя».

«Я приму все, что будет, — ответил Сегер, прошедший школу Гражданской войны, — и не буду вовлекать вас в какие-либо беспорядки».

В тот вечер Сегер сделал объявление: «Отныне каждый ученик должен подчиняться моему звонку и немедленно возвращаться в класс. Те, кто не будет этого делать, будут подвергнуты порке».

Дети смотрели на него, как будто он сошел с ума.

Он продолжил: «Идите домой и расскажите своим родителям. Попросите их подумать над этим, но не забудьте прийти сюда на закате, и после этого каждый звонок должен выполняться немедленно».

Дети сразу же побежали в лагерь, и новость распространилась, как невидимый пар, и вскоре все в агентстве, и краснокожие, и белые, были взволнованы. Метисы (известные своей робостью) поспешили предупредить бесстрашного школьного учителя: «Не делай этого. Они убьют тебя». За ними последовали старые разведчики и мужчины-индейцы: «Молодой человек, ты не мог бы придумать ничего хуже — лучше брось эту затею и уходи».

«Я буду поддерживать дисциплину, — сказал Сегер, — или отшлепаю каждого мальчика, который у меня есть».

Вскоре после этого он встретил Томачама и Тонтонаву, обоих очень влиятельных людей. После вежливого приветствия Томачам сказал:

«Я слышал, что ты сказал, что будешь бить наших детей. Это правда?»

«Да!» — коротко ответил Сегер.

«Это очень неправильно и очень глупо», — возразил Тонтонава. «Мы не отдавали наших детей на ваше попечение, чтобы вы били их палками, как солдаты бьют мулов».

«Если дети ведут себя как мулы, я буду их бить», — настаивал Сегер. «Я наказываю только плохих детей, хороших я не бью».

«У нас нет обычая бить детей. Думаете, мы позволим белым людям так поступать?» — спросил Тонтонава, тяжело дыша.

Приняв вид великого и торжественного раздумья, Сегер сказал, используя язык жестов, чтобы подкрепить свои слова: «Идите домой и подумайте об этом. Великий Отец построил эту школу для ваших детей. Он дал им теплую одежду и хорошую еду. Он дал им кровати, на которых они могут спать, и доктора, который помогает им, когда они болеют. А теперь слушайте. Миокани говорит. Пока они пользуются всем этим, они обязаны меня слушаться. Они должны слушаться меня, своего учителя», — и он повернулся и оставил двух стариков стоять на месте, изумленных и возмущенных.

В ту ночь все лагеря были заполнены обсуждением этого удивительного события. Угроза Сегера была официально принята мужчинами на совете и неофициально — женщинами. Этот вопрос наказания был ключевым — он означал их окончательное подчинение белому человеку.

«Если мы потеряем наших детей, то, безусловно, мы обречены на вымирание», — сказал Томачам.

«Давайте сражаться!» — воскликнул яростный Унко. «Какой смысл сидеть здесь, как прикованные цепями волки, пока мы не умрем от голода? Давайте выйдем против этого белого человека и погибнем с честью». И несколько человек аплодировали ему.

Но более серьезные мужчины советовали терпение и мир.

«Мы не боимся смерти, но мы не хотим, чтобы нас связывали и отправляли в таинственные жаркие земли, где томится наш народ».

«Тогда давайте пойдем в школу и напугаем «Джонни Курильщика», чтобы он не смел бить детей», — воскликнул Унко.

На это Томачам ответил: «Джонни Курильщик» — мой друг. Я не хочу причинять ему вреда. Давайте снова встретимся с ним и посоветуемся с ним».

«Нет», — ответил Унко. «Давайте поговорим с ним и прикажем ему оставить наших детей в покое. Если он ударит моего ребенка, он должен умереть».

И на это многие женщины закричали пронзительными носовыми голосами: «Ах, это хорошо — сделайте это!»

Но Вахиа, мать Атокана, смотрела в землю и молчала.

III

Когда ученики в следующий раз собрались, они были скромны, как перепела, и Сегер понял, что родители предупредили их, чтобы они не вызывали недовольство учителя; но Атокан смотрел в сторону, гордо подняв голову. Рядом с ним сидел красивый мальчик, на два года младше, сын Унко, и было ясно, что они оба готовы к бунту.

Учитель осознал всю серьезность момента. Если он не накажет учеников, как обещал, они будут презирать его, и его дисциплина будет разрушена; а избить этих энергичных мальчиков из племени — значит пригласить смерть, и он знал это лучше, чем любой белый человек мог ему объяснить. Провоцировать бунт было бы колоссальным преступлением, но он был упрямым человеком — упорным, как бульдог, — способным пожертвовать собой ради воплощения своей теории. Когда поздно ночью пришел дружественный метис и предупредил его, что в лагере обсуждают, убивать его или нет, он просто сказал: «Скажи им, что я выполняю волю Великого Отца в Вашингтоне и не боюсь. То, что они со мной сделают, долетит до Вашингтона так же быстро, как летит свет, и солдаты вернутся так же быстро».

Сразу после открытия школы на следующее утро несколько родителей детей быстро вошли и заняли места, как они обычно делали, вдоль задней стены за учениками. Они были серьезнее, чем обычно, но в остальном не проявляли гнева и оставались прилично тихими. Среди них был Вахиа.

Учитель продолжал с твердым голосом и готовой улыбкой утреннюю работу, хорошо понимая, что испытание его авторитета наступит после перерыва, когда он позвонит в колокол, чтобы вернуть свою маленькую команду к занятиям.

Когда дети выбежали играть, все старики последовали за ними и заняли места в тени здания, молчаливые и бдительные. Помощница учителя, маленькая храбрая женщина, побледнела от волнения, когда Сегер взял колокольчик примерно через десять минут и лично подошел к двери, чтобы дать сигнал к возвращению. Он звонил так же весело, как будто звал на праздник, но многие сотрудники вздрогнули, как будто это был их смертный приговор.

Большинство детей прибежали, стремясь продемонстрировать свою послушность, но группа из пяти или шести мальчиков осталась на месте, как будто звук колокола их не достиг. Сегер позвонил еще раз и лично позвал: «Идите, мальчики, пора работать».

Тогда трое других отделились от мятежной группы и медленно пошли к нему, но Атокан и сын Унко повернулись к реке.

Девушка из племени киова

О том, что индейские родители очень гордятся успехами своих детей, свидетельствует их стремление отправлять сыновей и дочерей в школы, открытые правительством в различных индейских резервациях. Девушка из племени киова, изображенная на этой фотографии, — одна из многих индейских девочек и мальчиков, которые все чаще пользуются возможностью получить образование и таким образом подготовиться к тому, чтобы занять свое место в цивилизованном обществе.

Иллюстрация из книги «Запад из окна вагона» Ричарда Хардинга Дэвиса

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 14 мая 1892 г.

Посылка краснокожего

Иллюстрация из книги «Пилигрим на Гиле» Оуэна Вистера

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, ноябрь 1895 г.

Сегер произнес небольшую приятную речь перед послушными учениками и закончил: «Я знаю, что в будущем мы будем такими же хорошими друзьями, как и в прошлом», но когда

он вышел, с суровым лицом и решительным выражением, чтобы вернуть прогульщиков, по школе прошел легкий трепет.

Жена Унко поднялась и поспешила уйти, чтобы поднять тревогу, но Вахиа стояла, прикрыв губы рукавом, как будто пытаюсь сдержать крик. Томачам тихо курил, ожидая развязки.

Тем временем Атокан прогуливался по тропинке, стреляя из лука по мелким предметам на земле, по-видимому, не обращая внимания на торопливые шаги своего учителя.

Когда он оказался в пределах слышимости, Сегер позвал: «Ты знаешь правила, Атокан. Почему ты не отвечаешь на звонок?»

Атокан не ответил, и Сегер был готов схватить его за руку, но для этого пришлось бы устроить погоню, а кроме того, он был слишком мудр, чтобы показывать свой гнев. Он пошел за мальчиками, уговаривая их, пока Атокан не обернулся и не сказал: «Уходи. Я скоро приду».

«Ты должен прийти сейчас!»

«Ты будешь меня бить?»

— Да!

— Тогда я не пойду.

После получаса этих унижительных переговоров Сегер испытал сомнительное удовлетворение, увидев, как прогульщик направился к школьной комнате — ведь Атокан знал, что его ждут отец и мать, и в его сердце зародилось желание проверить мужество «Джонни Курильщика». С наглым медлительным шагом он прошел мимо группы старших, в школьную комнату, за ним следовали двадцать пять или тридцать шайенов и арапахо. Некоторые из мужчин были вооружены, и все были суровы. Лица женщин были одновременно кислыми и грустными. Было ясно, что для решения этой ситуации необходимо применить нечто большее, чем грубая сила. Сегер знал этих людей. Внезапно повернувшись к Томачаму, он спросил:

«Друг мой, зачем ты посылаешь своих детей в школу?»

Застигнутый врасплох, вождь замялся. «Чтобы научились читать, писать и говорить, как белые люди».

«А как ты думаешь, зачем я здесь?»

«Чтобы показать нашим детям путь», — неохотно ответил он. «Но не для того, чтобы наказывать их».

Сегер обращался к женщинам через вождя. «Думаете, я смогу учить ваших детей, если они будут охотиться на птиц?»

«Нет, не думаю».

«Как вы думаете, будет ли честно, если я буду брать плату за обучение ваших детей и позволять им все время бегать в лагерь?»

«Нет, я считаю, что дети должны оставаться в школе, но вы не должны их бить».

Сегер повернулся к Унко. «Какого человека вы хотите, чтобы учил ваших детей — лжеца?»

«Нет, лжец — это плохо для них».

Унко понял, к чему клонит Сегер, и занервничал, из-под одеяла выглянул ствол его пистолета.

Тогда Сегер громко сказал: «Я не лжец!» — и повторил это жестами. «Я сказал вашим детям, что буду бить их, если они не будут меня слушаться, и теперь я это сделаю! Вы меня знаете; я не говорю «я ваш друг», а потом делаю зло вашим детям. Джек, иди сюда!» Маленький мальчик медленно поднялся, подошел и встал рядом со своим учителем, который продолжил: «Это сирота. Он умирал в вигваме своей бабушки, когда я пришел к нему. Я взял его, ухаживал за ним, сидел у его постели много ночей, когда вы спали. Дженни, — снова позвал он, — подойди ко мне!». Застенчивая маленькая девочка с израненным лицом на цыпочках подошла к своему любимому учителю. «Эта девочка пришла ко мне, покрытая язвами, и выглядела ужасно. Я помыл ее — она была почти слепа. Я вернул ей зрение. Я делал это много раз. Здесь нет ни одного ребенка, которому я не помог. Я не хвастаюсь — это мой долг, это работа, которую Великий Отец поручил мне. Моя работа также заключается в том, чтобы ваши дети слушались меня. Я друг всех краснокожих. Я ел в ваших хижинах. Я участвовал в ваших советах. Я не лжец. Мой долг — наказывать непослушных детей, и я буду это делать. Атокан, иди сюда!»

Мальчик поднялся и подошел, в его черных глазах тлел огонь. Когда Сегер положил руку ему на плечо и взял кнут, Вахиах издал дрожащий стон. По комнате прошел зловещий шепот. Власть белого человека была готова подвергнуться окончательному испытанию. В сердце Вахиаха шла мощная борьба. Любовь и гордость за сына требовали, чтобы она положила конец порке, но ее чувство справедливости, любовь к Сегеру и убеждение в том, что мальчик поступил неправильно, заставляли ее стоять неподвижно и молчать, хотя ее губы дрожали, а по лицу текли слезы. Широкая грудь Томачама вздымалась от страсти, но и он тоже молчал.

«Ты будешь меня слушаться?» — спросил хозяин.

Не получив ответа, он крепко схватил Атокана за воротник и обратился к зрителям. «Маленький Унко моложе Атокана. Он был увлечен им. Поэтому я дам обе порки Атокану», — и он опустил шипящую плеть на плечи мальчика. Снова по комнате прошел стон невольного протеста. Никогда прежде белый человек не бил ребенка из племени шайеннов и не оставался безнаказанным за свою дерзость — и никто другой, даже сам агент, не смог бы нанести этот удар и выжить под гневом Томачама.

Атокан вцепился зубами в лацкан своего пальто и сильно прикусил его, чтобы подавить любой стон боли, который мог вырваться из него от удара плети. У него было сердце воина, потому что, хотя плеть свистела с большой скоростью, он не издал ни звука, и когда прут износился до обрывка, он оставался молчаливым, как статуя, отказываясь отвечать ни словом.

Сегер, убежденный, что наказание не достигло своей цели, если не сломило виновника, взял еще одну ивовую пруть и износил ее на нем, но безрезультатно — бросив взгляд на лежащие на полу обрывки, мальчик улыбнулся презрительно, как будто говоря: «Я воин, я не плачу!»

Поняв свою неудачу, Сегер схватил его борцовским приемом, бросил его через колено и стал бить ладонью. Неожиданность этого нападения, стыд за свое поведение, добавившийся к уже испытываемой боли, сломили гордый дух мальчика. Он разрыдался, упал на пол и лежал, скуля как ребенок.

Выпрямившись, учитель огляделся, ожидая увидеть возбужденную и готовую к бою группу воинов. Все женщины и дети дико стонали и рыдали. Мужчины с суровыми и

печальными лицами молча боролись, сдерживая слезы. Решительный маленький белый человек победил своей логикой, справедливостью и храбростью.

«Атокан, ты будешь меня слушаться?» — спросил он.

«Да, сэр», — ответил мальчик, сломленный духом.

Обращаясь к матери, Сегер очень мягко сказал: «Я не люблю это делать, Вахиа; это ранит мое сердце так же, как и твое, но это было необходимо. Томачам, когда-то я был солдатом — как и ты. Меня учили подчиняться. Вы можете убить меня за это, но Великий Отец в Вашингтоне скажет: «Миокани умер, выполняя свой долг». Я знаю, как вам трудно пахать, жать и делать то, что делают белые люди, но это необходимо, иначе вы умрете. Ваши дети ничего не смогут делать, пока не научатся говорить на этом языке. Я здесь для того, чтобы сделать эту работу. Дети должны оставаться в школе. Они должны подчиняться мне. Я не бью хороших детей, которые слушаются, — только тех, кто плохо себя ведет. А теперь вы, старики, идите домой и обдумайте то, что я сказал, а мы вернемся к нашим урокам».

И тогда произошло нечто удивительное, невероятное! Томачам встал, взял Сегера за руку и молча пожал ее в знак согласия. Но Вахиа, мать Атокана, со слезами, все еще текущими по щекам, сжала руку учителя обеими руками и посмотрела ему в лицо, как будто хотела что-то сказать, но не смогла; затем она схватила символы свободы своего сына, его лук и стрелы, сломала их на колене и растоптала осколки на глазах у всей школы. «Повинуйтесь Миокани», — приказала она со спартанской энергией и, быстро повернувшись, вышла, а за ней последовал печальный и молчаливый вождь.

НИСТИНА

НИСТИНА

В хижинах народа Солнцеделателя раздавались плачи, потому что белые солдаты отобрали оружие у молодых воинов Ястреба, и теперь их собирались отправить в земли плена. Скучившись в больших повозках, молодые люди сидели понурые и угрюмые, стесняясь плакать, но задыхаясь от горя и отчаяния.

«Если бы я знал об этом, — сказал Ястреб капитану эскорта, — я бы умер в бою», — и эти вызывающие слова он произнес суровым, гулким голосом деревенского глашатая. Их услышали все в лагере, и старухи разразились плачущими боевыми песнями, от которых пальцы спокойных старых мудрецов сжались в кулаки.

Но солдаты в синих мундирах, выстроившись в строй и готовые к бою, стояли с заряженным оружием в руках, спокойно наблюдая, а полковник сидел на лошади неподалеку, готовый дать сигнал к отправлению.

Хоук, молодой, красивый и безрассудный, из-за какого-то хулиганства, совершенного над ним бандой скотоводов, организовал рейд в отместку, и за этот выпад правительство отправляло его и его банду во Флориду — жаркую, странную землю, далеко на юге. Он, как непокоренный лидер, сидел связанный и беспомощный в одном из головных вагонов, с ногами, прикованными к пруту, и руками, скованными железом, которые работали, как когти орла.

Трудно было сидеть так перед лицом своего отца и матери, но еще труднее было знать, что Нистина, дочь Солнцеделателя, с одеялом на лице, сидела и плакала у двери хижины своего отца. Все девушки стонали, и никто не знал, что Нистина любила Ястреба — никто, кроме ее неразлучной подруги Макосы, дочери Журавля.

Ястреб знал об этом, потому что они часто встречались утром на берегу реки, когда она приходила за водой.

Теперь они должны были расстаться без единого слова любви, без прикосновения рук, чтобы больше никогда не увидеться, потому что было хорошо известно, что те, кто уходил в ту далекую страну, никогда не возвращались — дыхание большой соленой воды отравляло их.

Наконец полковник произнес команду. Прозвучал сигнал рожка. Пронзительные крики осиротевших женщин раздались снова, дикие и душераздирающие: хлестали кнуты, как выстрелы из пистолетов, мулы напрягли плечи, и голубые колесницы с их безнадежными пленниками медленно двинулись через прерию.

Хоук повернул голову и бросил последний взгляд на Нистину, которая подняла к нему лицо, накинула на голову плащ и упала лицом вниз на землю, раздавленная, сломленная и отчаявшаяся.

Стиснув зубы, как гризли, молодой вождь напрягся, пытаясь вырваться из веревок, жаждая сражаться и умереть перед лицом своего племени, но жестокие цепи белых людей

были слишком крепкими. Он упал назад, измученный, слишком ошеломленный отчаянием, чтобы обратить внимание на насмешки белого солдата, ехавшего рядом с колесом, циничные, богохульные и издевательские.

И пока молодой пленник сидел так, склонив голову и опустив руки, маленькая деревня его народа исчезла из виду, скрытая ивами на берегу реки.

В последующие месяцы лагерь Солнцеделателя вернулся к своему обычному ритму обязанностей и удовольствий. Младенцы резвились на траве, старики спокойно курили в своих советах и планировали следующую охоту на бизонов; дети с неохотой ходили по утрам в школу агентства и вечером мчались домой. Все казалось спокойным, как пруд, в который погрузился самоубийца, но Нистина, с лица которой не сходила тень, не получала никаких известий. Она никогда не была веселой девушкой, как Макоса. Даже в детстве она была застенчивой, молчаливой и мечтательной, и по мере того как месяцы шли без вестей от Ястреба, она выполняла свои обязанности, тихая как тень. Когда снова наступила весна, Макоса нашла себе другого любовника, смеялась и говорила: «Они забыли нас, этот Лось и Ястреб».

У Нистины было много поклонников, ведь она была дочерью Солнцедела, к тому же высокой и красивой. Озорная Макоса даже после своей свадьбы хранила секрет подруги, но не могла удержаться от того, чтобы дразнить ее, когда они оставались наедине. «Ястреб — плохой молодой человек, — говорила она. — К этому времени он уже нашел другую девушку. Почему ты не слушаешь Киаса?» На такие вопросы Нистина не отвечала.

Через год даже Солнцетворец, будучи интроспективным человеком, не мог не заметить ее одиночество. «Дочь моя, почему ты такая грустная? Многие молодые люди поют тебе сладкие песни, но ты не слушаешь их. Пора тебе подумать об этих вещах».

«Я не хочу выходить замуж», — ответила она.

Тогда старый отец опечалился, потому что боялся, что его любимая влюбилась в какого-нибудь белого солдата, и однажды он позвал ее к себе и сказал: «Дочь моя, Великий Дух постановил, что на земле должны быть люди разных цветов кожи. Он назвал каждого хорошим на своем месте, но нехорошо, когда они вступают в брак друг с другом. Если белый человек придет, чтобы шептать тебе нежные слова на ухо, отвернись. Он принесет зло, а не добро. Почему ты не выберешь мужа из своего народа, как делают другие, и не будешь довольна? Ты в том возрасте, когда девушки выходят замуж».

На что она ответила: «Мое сердце не принадлежит ни одному белому человеку, и я не хочу выходить замуж. Позволь мне остаться с тобой и помогать тебе в твоём доме».

Голос старика дрожал, когда он сказал: «Дочь моя, с тех пор как ушел мой сын, ты — моя опора. Мне приятно видеть тебя в нашей хижине, но я не хочу видеть тебя грустной».

Тогда она притворилась, что смеется, и сказала: «Я не грущу», — и убежала.

Когда она ушла, Солнцедел позвал Веткору и рассказал ей о том, что произошло. Она курила трубку, которую он ей подал, и терпеливо слушала. Когда он закончил говорить, она сказала:

«Она придет в себя. Все девушки разные. Со временем появится та самая, и тогда ты увидишь, как она изменится. Скоро она будет жить в своей хижине».

Но Санмейкера беспокоили частые визиты его дочери в агентство на другом берегу реки и ее близость с Нитой, дочерью Хако, которая уехала учиться в школу и вернулась сильно изменившейся, не будучи ни белой женщиной, ни красной.

Она жила одна в маленькой хижине на берегу реки и не была подходящей женщиной для посещений Нистины.

Он не мог знать, что его дочь ходила туда, потому что Нита умела читать газеты белых людей и могла узнать, если что-нибудь случилось с Хоком. Никто также не знал, что Нистина хитро спрашивала о том, как научиться читать. Она смеялась, когда задавала эти вопросы, как будто это было неважно. «Сколько времени тебе понадобилось, чтобы научиться читать? Трудно ли научиться писать?»

«О нет, это очень легко», — хвастливо ответила Нита, и когда Нистина ушла, ее глаза были очень задумчивыми.

Она несколько раз возвращалась, прежде чем смогла решиться попросить Ниту пойти с ней к директору школы.

Нита засмеялась. «О! Ты идешь в школу? Тебе придется ходить, наклонившись над пальцами ног, потому что ты будешь среди самых маленьких девочек».

Нистина не колебалась. «Пойдем, пойдем со мной».

С улыбкой на лице Нита провела его в кабинет директора. «Профессор Мортен, я привела вам нового ученого».

Мортен, высокий мужчина с серьезным лицом, поднял глаза от своего стола и сказал: «Да это же Нистина! Доброе утро, Нистина».

«Доброе утро», — ответила она, как могла.

«Она хочет пойти в школу, да? Ну, лучше поздно, чем никогда», — добавил он с улыбкой.

«Скажите ему, что я хочу работать и зарабатывать деньги», — сказала Нистина.

Когда Нита перевела эти слова, учитель воскликнул: «Ну и ну! Это просто поразительно! Я думал, она ненавидит обычаи белых людей!»

«Я думаю, она хочет выйти замуж за белого человека», — заметила Нита.

Мистер Мортен холодно посмотрел на нее. «Надеюсь, что нет. Ты очень умная девочка, Нита, но мне не нравится, как ты себя ведешь».

Нита широко улыбнулась, совершенно не смущаясь. «Я теперь успокоилась — больше не буду развлекаться. Я веду хозяйство».

«Ну, постарайся оставаться такой же. Я не понимаю, что произошло с Нистиной, но скажи ей, что я поручу ей заботиться о миссис Мортен, и мы сделаем для нее все, что в наших силах. Но скажи ей, чтобы она прогнала всех этих белых мужчин; скажи ей, чтобы она не слушала их».

Нисте Нита сказала: «Он говорит, что позволит тебе помогать его жене, и она научит тебя читать и писать».

Сердце Нистины замерло, когда она услышала это, потому что она много раз видела миссис Мортен и слышала много тревожных историй о ее жестокости. Она была высокой, широкоплечей женщиной с пронизательными серыми глазами и громким голосом.

Наконец мистер Мортен повернулся и сказал: «Нистина, ты можешь прийти сегодня после четырех часов, и мы все уладим. Я рад, что ты собираешься отказаться от индейских обычаев, которые очень плохи. Будь хорошей девочкой, и ты будешь счастлива».

Когда Нита перевела ему его слова, Нистина тихо заплакала, закрыла лицо одеялом и убежала.

«Ты ее больше не увидишь», — злобно сказала Нита. «Ей больше нравятся индейские обычаи».

Но Нистину двигал более глубокий импульс, чем могла понять непостоянная Нита. Несколько дней назад из Флориды вернулся больной мальчик — бедный умирающий мальчик — и он принес Нистине весть от молодого Ястреба. «Я учусь, чтобы уметь писать слова на бумаге, как белые люди», — гласила весть. «Со временем я пошлю тебе белое слово».

Это сообщение мгновенно проникло в ее душу, хотя Нистина не показала этого. Она была более застенчивой, чем обычно бывают девушки ее племени, и ей было больно, что даже это неопределенное сообщение было передано ей через посредника.

Девушка долго думала. Она хотела отправить сообщение своему возлюбленному, но несколько дней не могла заставить себя довериться Ните. Проходили дни, а ее решение так и не было принято. Почти каждый вечер она ходила к Ните, но всегда теряла смелость, и тогда ей приходила в голову мысль: «Я тоже научусь писать и читать, и тогда я смогу сказать ему, как сильно я его люблю, и что я буду ждать его, пока не состарюсь, и не полюблю никого другого».

Среди краснокожих женщин ходило много слухов. «Она выйдет замуж за белого солдата, эта Нистина», — говорили они. «Она работает, чтобы заработать деньги на красивые бусы и ткани».

«Возможно», — сказала ее мачеха. «Она не открывает мне своего сердца. Она говорит не больше, чем сова».

Учителя удивлялись тупости Тины в арифметике и ее поразительным успехам в письме. За невероятно короткое время она научилась писать записки своему возлюбленному. Это было странное маленькое письмо, написанное с мучительной точностью, в подражание тетрадам:

Я слышала слова, которые ты послал. Это были хорошие слова. Мое сердце обрадовалось словам Черного Лиса, которые он принес. Я все время жду тебя. Никто другой не занимает мои мысли. Это письмо я написала сама, в одиночестве — никто мне не помогал. Никто не знает, что я положила его в коробку. Я посылаю могасуны.

Нистина.

С этим письмом, запечатанным и адресованным, и пакетами с мокасинами она поспешила с бьющимся сердцем в магазин, в углу которого находилась почта. Там она кружила, как куропатка над гнездом, приходя и уходя, пока не представился благоприятный момент. Она точно знала, что делать. Она прорепетировала все в уме сотни раз, и когда она опустила письмо в щель, она положила пакет на окно и улетела, чтобы наблюдать и ждать вести из далекой страны.

Прошли недели, и ее сердце стало грустным и тяжелым. Она не смела просить письмо, но задерживалась в магазине, пока продавцы не стали шутливыми и, наконец, фамильярными, и ее сердце озлобилось на всех белых людей.

В отчаянии она пошла к Макосе, которая теперь была замужней женщиной, матерью крепкого сына, и попросила ее пойти на почту и поинтересоваться, нет ли для нее письма.

«Письмо!» — воскликнула она. «Кто же тебе напишет письмо?»

После долгих уговоров она согласилась пойти, но вернулась с пустыми руками. Она только наполовину прислушалась к просьбе Нистины, но когда у ее подруги на глаза навернулись слезы, она поверила, и все доброта ее сердца пробудилась, и она сказала:

«Не плачь. Я буду ходить туда каждый день и спрашивать, если ты хочешь».

Трудно ждать письмо, когда это письмо — единственное в жизни, чего стоит ждать, и Нистина все время была очень молчаливой и очень грустной, и ее хозяйка удивлялась этому; но ее вопросы не вызывали никакого ответа у девушки, которая продолжала усердно писать, упорно отказываясь отвлекаться на другие вещи. Она, казалось, не хотела разговаривать — только писать в каждое свободное мгновение, и с каждым днем ее почерк становился все красивее, пока не стал почти таким же красивым, как печатный.

Наконец она написала еще одно письмо:

Хоук. Мой друг. Я не получаю от тебя вестей. Если ты болен, ты не пишешь. Мое сердце сейчас очень грустно. Может быть, ты уже умер. Я долго жду здесь. Каждый день я стою и жду твоих слов. Никто меня не любит, кроме тебя. Вернись домой, уезжай поскорее, потому что я все время жду.

Нистина.

После того как она отправила это письмо, Нистина внезапно потеряла всякий интерес к учебе и вернулась в хижину своего отца. В душе она сказала: «Если он не ответит мне, я пойду на холм и буду плакать, пока не умру. Мне не хочется жить, если он не придет ко мне».

Она заняла свое место в хижине отца, как и раньше, не давая никаких объяснений ни о своем уходе, ни о причине своего возвращения. Добрый старый вождь курил и смотрел на нее с грустью, и наконец мягко сказал:

«Дочь моя, ты грустна и молчалива. Раньше ты смеялась и пела, когда шила. Что с тобой случилось? Моя дочь имеет мрачное лицо».

«Я стала старше. Я больше не ребенок», — сказала она без улыбки.

И наконец, в середине третьей зимы, когда белые люди дарили друг другу подарки, Нистине пришло письмо и маленькая посылка, и Макоса прибежала с ними.

«Вот твой говорящий листок», — сказала она. «Теперь, я думаю, ты снова будешь смеяться. Прочитай его, потому что мне очень любопытно».

Но Нистина схватила драгоценную посылку и побежала в свою хижину, чтобы побыть наедине со своей радостью.

Это было чудесно. Там было письмо — синее — с ее именем, написанным большими буквами, *Нистина*, но она сначала открыла посылку. В ней был блестящий мешочек, а в мешочке — ожерелье из чудесных бус, которых она никогда не видела, и фотография ее возлюбленного в одежде белого человека. Как странно он выглядел с коротко стриженными волосами! Она едва его узнала.

Ее сердце билось сильно и громко, когда она открыла письмо и прочитала первые слова: «Нистина, я люблю тебя». После этого она растерялась, потому что Хоук не умел писать так же хорошо, как она, и ей было трудно читать, но конец она поняла: «Я возвращаюсь домой».

Она встала и пошла к хижине своего отца, где сидел Макоса. Она вошла с гордо поднятой головой, держа письмо в руке. Ее глаза сияли гордостью.

«Это письмо от Хока», — тихо сказала она. «Он возвращается домой».

Услышав это, Макоса и Веткора закрыли рты в знак невыразимого удивления.

Солнцеделец продолжал курить с невозмутимым лицом, пока не начал все понимать; затем он сказал: «Дочь моя, ты согреваешь мое сердце. Сядь рядом со мной и расскажи мне об этом чудесном событии».

Тогда она заговорила, и ее рассказ стал для него сладким облегчением от забот. «Это хорошо», — сказал он. «Белые люди, безусловно, способны творить чудеса».

ЖЕЛЕЗНАЯ ХИВА

ЖЕЛЕЗНАЯ ХИВА

I

На протяжении бесчисленных поколений кроткий коричневый народ жил высоко на вершине плоскогорья — далеко в пустыне. Их дома возвышались, как природные образования из песчаника, на гребне скалистых холмов — казалось, что они действительно являются частью самих утесов.

Присоединиться к старушкам, поднимающимся по крутому пути с бутылками из козьей кожи, наполненными водой, смешаться с мальчиками, гоняющими коз домой, и слушать болтовню девочек на крышах — все это заставляло забыть о современной Америке. Чувствительная натура, сталкиваясь с такими сценами, дрожала от тонкого восторга, подобного тому, который испытывали путешественники в Египте до того, как англосаксонские странники превратили его в банальное место. Этот пуэбло был тысячелетним, и добраться до него было настоящим приключением. Поэтому, пока великая долина Миссисипи была заселена, эти простые люди жили отдельно.

Они были на картах Аризоны, но об этом они не знали и не заботились. Некоторые из них даже не испытывали любопытства увидеть белого человека, который покрывал таинственную землю за пустыней. Таинственные люди в племени, жрецы и предсказатели, глубоко возмущались любопытством и шумной наглостью случайных ковбоев, которые пересекали пустыню, чтобы увидеть некоторые из их торжественных обрядов со змеями и совами.

Белые люди становились все более могущественными за горизонтом, но они не просили у них никаких милостей. Они сажали кукурузу в песке, где протекали наводнения, охраняли свои выносливые дыни и собирали свои корявые и ржавые персики из года в год так же довольны, как и любой другой народ, воспевая благочестивые молитвы и песни благодарения божествам, которые властвуют над облаками и плодородной землей. Они не просили о крышах из гофрированного железа для домов, которые построило для них официальное правительство, и не просили о маленькой школе, которую настойчивый миссионер построил у подножия их мезы.

Они были добрым народом — маленьким, круглым и смуглым, мирным и дружелюбным. Мужчины, возвращаясь с полей вечером, обычно брали своих детей на руки — и было любопытно и красиво видеть, как они сидели так на крышах своих домов, ожидая ужина, с кричащими младенцами на коленях. Такое поведение нарушало все предвзятые представления о жителях пустыни.

У них были свои правители, свои мудрецы, свои врачи. Рождения и смерти сопровождались той же радостью и печалью, что и у других людей в более зеленых землях. Они не жаловались на свою пустыню. Они любили ее, и когда на рассвете они смотрели на сапфировые туманы, покрывавшие ее как море, на их губах появлялась песня, и они отправлялись на работу, напевая как жаворонки.

Правда, время от времени их настигали эпидемии и засухи, но они принимали это как наказание за какие-то проступки со своей стороны и удваивали свои ревностные песнопения. Они не сомневались, что их образ жизни превосходит образ жизни их соседей, тинне; и их традиции испанцев, которые посещали их несколько веков назад (), не были приятными — они вкладывали в свои песни слова горячей благодарности за то, что «люди из железа» больше не приезжали.

Но этот новый белый человек — всадник в широкой шляпе, который посылал бледнолицых женщин в пустыню, чтобы научить их новому виду песен и поклонению новому божеству — этот беспокойный, пронизательный и решительный *американо* с каждым годом приходил все в большем количестве. Он настаивал, что все обычаи пуэблы были неправильными — только его были правильными.

В конце концов он построил Железную Хиву у подножия тропы и разослал весть всем народам Пуэбло, чтобы они пришли и посмотрели на этот дом, привели своих детей и оставили их там, чтобы они научились обычаям белых людей.

«Мы не хотим учиться обычаям белых людей», — ответили старейшины деревни. «У нас есть свои обычаи, которые подходят нам и нашей пустыне, обычаи, которые мы полюбили. Мы боимся перемен. Мы всегда жили таким образом на этой же скале, посреди этого песка. Мы всегда носили такую одежду — мы не просили вас приехать — мы не просим вас остаться и учить наших детей. Мы рады приветствовать вас как гостей — мы не хотим, чтобы вы были нашими хозяевами».

«Мы пришли, чтобы научить вас новой религии», — сказал миссионер.

«Нам не нужна новая религия. Почему мы должны меняться? Наша религия хороша. Мы ее понимаем. Наши отцы передали ее нам. Ваша религия хороша для вас — мы не просим вас переходить в нашу. Мы готовы позволить вам идти своим путем — почему вы настаиваете, чтобы мы приняли ваш?»

Тогда брови мужчин в черных пальто стали очень суровыми, и они сказали:

«Если вы не сделаете, как мы говорим, и не пошлете своих детей в наш Железный Дом, чтобы они изучали нашу религию, мы приведем сюда воинов в синих мундирах, чтобы заставить вас это сделать!»

Тогда маленькие смуглые люди отступили к своей скале и сказали: «Железные люди древних времен вернулись в новом обличье», и они были очень печальны, и глубоко в своих пещерах-храмах в скалах они молились и пели, чтобы это проклятие прошло и оставило их в покое.

Тем не менее, среди них были и смелые сердца, люди, которые говорили: «Давайте умрем, защищая наши дома! Если мы отступим от путей наших отцов из-за страха перед этими свирепыми чужаками, наши боги презирать нас».

Эти смельчаки проникли вглубь своих хив, откопали сломанные копья и давно неиспользуемые боевые дубинки, перетянули свои грубые луки и заточили стрелы, в то время как печальные старые мудрецы пели скорбные песни в священных подземных храмах, а дети, перестав смеяться, ползали стайками, как испуганные перепела, боясь чего-то, чего они не знали.

Затем белые люди ушли, и на время жители Пуэблы ликовали. К ним вернулась мирная жизнь их предков. Мужчины снова ездили на закате на пурпурную равнину, напевая песни. Старухи, стоная и бормоча, спускались к источнику за водой. Искусные гончары

возобновили свое ремесло, а девушки, болтая и весело смеясь, штукатурили дома или плели циновки. В каждом жилище слышался звук помола кукурузы.

Но были и те, кто был вдали, за равниной, и видел, откуда пришли эти тревожные захватчики — они все еще сомневались — они ждали, говоря: «Мы боимся, что они придут снова! Они как зимний снег, суровый и не поддающийся словам».

II

Однажды они пришли снова — эти свирепые, неумолимые белые люди — впереди них ехали воины в синем, на больших лошадях — лошадях, в десять раз больше ослов, и все они были улыбчивы, как дикие кошки, и они разбили лагерь возле Железной Хивы, и военачальник послал весть всем мужчинам с холма, чтобы они собрались, потому что он намеревался поговорить с ними. «Ваш Маленький Отец тоже здесь и хочет вас видеть».

Всю ночь отцы обсуждали этот властный призыв, и наконец решили, что шесть стариков — шесть седых дедов — должны спуститься и выслушать, что скажет военачальник.

«Мы можем умереть всего за несколько дней до своего времени, — сказали они. — Если они увезут нас на Восток, чтобы пытаться, — это будет не надолго. Наши старые кости скоро развалятся».

Итак, пока все жители деревни сидели на крышах своих домов, наблюдая в тишине и страхе, старики, морщинистые, седые и полуслепые, печально направились к роще мира, в которой сверкали белые хижины воинов из племени Антилоп (). Неуклонными шагами, ведомые главным жрецом клана Антилоп, они подошли и молча встали перед военачальником синих мундиров, который вышел им навстречу. Говоря через переводчика Тинне, он сказал:

«Великий Отец, мой вождь, послал меня, чтобы сказать вам следующее. Вы должны делать то, что говорит этот человек», — и он указал на человека в черном. «Он ваш учитель. Он пришел, чтобы собрать ваших детей в этот Железный Дом и научить их обычаям белых людей. Если вы не послушаетесь — если вы начнете войну — то я выступлю против вас со своими воинами и моими ружьями, которые стреляют бум, бум, бум, сто раз, и я уничтожу вас. Таковы приказы моего вождя».

Когда старики вернулись с этим страшным сообщением, народ охватило отчаяние. «Снова настали злые времена», — восклицали они. «Наверняка эти железные люди еще страшнее, чем раньше».

Они всю ночь долго спорили и наконец решили сражаться, но ранним утром на равнине раздался страшный шум, и когда они бросились посмотреть, что происходит, то увидели, как воины в синем мчатся туда-сюда на своих лошадях, кричат и стреляют из своего ужасного оружия. Было ясно, что они исполняют военный танец, демонстрируя свою безграничную силу, и выглядели они настолько страшно, что сердца маленьких людей стали как воск. «Мы ничего не можем сделать против таких людей; они демоны; они держат гром в своих ладонях. Давайте подчинимся; может быть, они устанут от жары и песка и уйдут. Может быть, они будут скучать по своим женам и детям и оставят нас. Мы подождем».

Другие говорили: «Давайте пошлем наших детей — какая разница? Мы сможем присматривать за ними, они будут рядом с нами, и мы сможем следить, чтобы они не забыли наших учений. Наша религия не исчезнет из их умов».

Итак, старейшины снова пошли к вождю и, склонив головы и дрожащим голосом, сказали: «Мы сдаемся. Ты могущественен в некромантии, а мы бедны и слабы. Наши дети пойдут в Железную Хиву».

Тогда военачальник протянул им руку, улыбнулся и сказал: «Я не веду войну с удовольствием. Я рад, что вы подчинились приказам моего великого вождя. Живите в мире!»

III

В течение двух лет дети почти ежедневно ходили в Железную Хиву и полюбили одну из тех, кто их учил — белую женщину с кротким лицом, — но человека в черном пальто из шерсти овцы « », который говорил детям, что религия их отцов злая и глупая, — его они ненавидели и горько презирали. У него было кислое лицо и страшный голос. Он кричал так громко, что дети боялись — у них не хватало дыхания, чтобы ответить, когда он обращался к ним.

Но даже к этому существу они привыкли, и жизнь деревни не была сильно нарушена. Правда, дети начали говорить на странном языке и петь глупые песни, которые не причиняли большого вреда — на самом деле они были забавными, и, кроме того, когда приходили скотоводы и хотели купить корзины и одеяла, эти умелые дети могли говорить на их варварском языке — и однажды молодой Копели взял своего сына, который освоил этот шипящий язык, и уехал далеко торговать, а потом привез много ценных вещей. Он побывал в доме Маленького Отца и в форте.

Короче говоря, жители Пуэблы примирились с Железной Хивой и белыми людьми, и несколько лет прошло так мирно, с такими небольшими изменениями в их жизни и мыслях, что только самые дальновидные выражали опасения по поводу грядущих бедствий — но однажды ночью дети пришли домой в панике — задыхаясь и бурля от возбуждения.

В Железный дом прибыл незнакомец в сопровождении высокого старика, который утверждал, что имеет над ними власть — человек, который жил в городе большого белого человека — и они сказали учителю: «Мы хотим, чтобы шестеро детей уехали с нами на Восток».

Для жителей утеса это было невероятно, и они ответили: «Вы ошиблись, вы не поняли. Они не придут, чтобы вырвать наших детей из наших рук».

Ковбой в гостях у индейцев

Задолго до появления поселенцев, в те ранние дни, когда каждый мужчина должен был бороться за свое право на проход, американский ковбой путешествовал по пустынным сотням миль тогда еще далекого Запада. Как настоящий солдат удачи, он отправлялся в приключения с дерзкой беспечностью, всегда готовый к войне, но не к любви; ведь в индейских деревнях, которые он посещал, не было женщины, которую такой мужчина, как он, мог бы полюбить.

Иллюстрация из книги «Эволюция ковбоя» Оуэна Вистера

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, сентябрь 1895 г.

Индеец апачи

В 80-х годах апачи обитали в горах Сьерра-Мадре в Аризоне. Когда их преследовали, апачи всегда уходили в горы. Они были ужасно жестокими. Поселенцы испытывали страшный ужас перед этими грабительскими бандами, набеги которых были настолько внезапными, что их никогда не видели. Когда они нападали, все, что можно было увидеть, — это вспышка винтовки, надежно прицеленной из-за кучи камней или валуна, за которым скрывался убийца с окровавленными руками.

Иллюстрация из книги «Некоторые индейские всадники» полковника Теодора Айро Доджа, США.

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, май 1891 г.

Но малыши дрожали от страха и не хотели возвращаться на равнину. Они стонали и плакали всю ночь, а на рассвете старики пошли в Железный дом и сказали:

«Наши малыши пришли домой прошлой ночью и плакали. Они сказали, что вы угрожали увезти их на Восток; что это значит?»

Тогда незнакомцы сказали: «Это правда. Мы хотим забрать шестерых ваших детей в школу. Мы не сделаем им ничего плохого. Они будут жить в большом доме, у них будет теплая одежда, они не будут ни в чем нуждаться. Мы ваши друзья. Мы хотим научить ваших детей обычаям белых людей».

Дедушки ответили с жаром: «Мы не хотим слышать об этом. Наши дети счастливы здесь, их сердца разбиты, если вы их заберете. Мы не подчинимся этому. Мы будем сражаться и умрем вместе».

Тогда старый белый человек, который говорил, пришел в ярость. Его голос был резким и свирепым. «Если вы не отдадите детей, я заберу их. Вы все глупцы — ваша религия злая, и вы не годны учить своих детей. Моя религия, мой Бог — единственный истинный и праведный Бог, и я заберу ваших детей, чтобы вы могли научиться истинному пути и стать такими же, как белые люди».

Затем старики поспешно удалились, сжав губы в мрачной линии. Их возвращение — их доклад — заморозило каждое сердце. Так это было правдой — эти безжалостные люди с Востока планировали увести их детей в плен. Новость быстро разнеслась, козы были загнаны в загоны, мешки с водой наполнены, склады пополнены. «Мы не пойдем на равнину. Наши дети больше не пойдут в Железный Дом. Если они заберут их, то только тогда, когда все наши воины будут мертвы».

Итак, когда агент и миссионеры поднялись по тропе на плато, они наткнулись на баррикаду из камней и людей с луками и боевыми дубинами, мрачно стоящих на страже. Они мало разговаривали — они просто сказали: «Идите своей дорогой, белые люди, и оставьте нас в покое. Идите смотрите за своими сыновьями и дочерьми, а мы позаботимся о своих. Мир на Востоке огромен, возвращайтесь туда».

Агент сказал: «Если вы не пошлете своих детей в школу, я позову своих воинов и убью каждого человека с боевым дубиной в руках».

На это молодой Копели, вождь войны, ответил: «Мы умрем, защищая наш дом и наших детей. Мы были готовы отправить наших детей в Железную Хиву — до сих пор — но теперь, когда вы угрожаете похитить их и увезти далеко в плен, где мы никогда больше не сможем их увидеть, мы восстаем. Мы будем сражаться! Какая ценность жизни без наших детей? Ваш великий вождь не будет просить нас об этом. Если он это сделает, то получит наш ответ».

Тогда белые люди с мрачными лицами ушли и послали гонца через пустыню, и через три дня часовые на самой высокой крыше увидели, как снова приближаются воины в синих мундирах. Воскресив дикую песню, боевую песню клана, люди со скал поспешно возобновили свою оборону. Они вытащили большие камни из уступов и установили их так, чтобы они могли обрушиться на головы захватчиков. Они построили более высокие баррикады. Они отполировали свои стрелы и заточили серпы. Каждый мужчина и мальчик был готов сражаться и умереть, защищая свое право на жизнь, свободу и свой каменный дом.

IV

И снова победили трусы; они сказали: «Посмотрите на этого ужасного белого человека, его оружие самое смертоносное. Он может сидеть там, где он есть, в безопасности, и посылать свои снаряды на наших незащитных детей. Он слишком велик. Давайте заключим с ним мир».

Итак, в конце концов, в третий раз старейшины пошли поговорить с завоевателями и сказали: «Что мы можем сделать, чтобы заключить с вами мир?»

Тогда высокий старик сказал: «Если вы отдадите нам двух своих самых умных сыновей, чтобы они ушли на Восток, мы не будем просить больше ничего, но ваши остальные дети должны будут каждый день возвращаться в Железный Дом, как и раньше».

Старейшины удалились, и новость разлетелась по пуэбло, и каждая мать с внезапным ужасом посмотрела на своего самого красивого сына, а мужчины собрались в яростную дискуссию. Сторонники войны с горьким криком воскликнули: «Давайте сражаться и умирать! Мы устали от того, что нас гоняют, как волков». Но наконец поднялся старый Хозро и сказал: «У меня есть сын — вы его знаете. Он хороший сын, у него быстрые ноги и готовый язык. Он не драчун. Его любят учителя. Теперь, чтобы нас оставили в покое, я отдам своего сына».

Его короткая и страстная речь была встречена с удивлением и одобрением, потому что мальчик Лело был образцовым юношей, а Хозро — гордым отцом. «Что скажет мать?» — подумали все мужчины, сидевшие в совете.

Тогда седой старик Супела, главный жрец и мудрец, медленно поднялся и сказал: «У меня нет сына, но у меня есть внук. Я посвящу его, хотя он — часть моего сердца. Я отрежу его, потому что люблю мир и ненавижу войну. Потому что, если белый человек разгневается на нас, он убьет всех».

Пока они еще обсуждали, некоторые подслушивавшие мальчики ускользнули и разнесли весть среди женщин и детей. «Лело и Сакони будут связаны и отданы белым людям».

В домах раздался плач, как будто их снова поразила чума, и матери мальчиков страстно протестовали против жертвования своих сыновей, но все было тщетно. Военный вождь пришел сказать им, чтобы они готовились. «Утром мы должны отвести мальчиков к их похитителям».

Но когда наступило утро, их не было на привычных местах, они бежали в пустыню на запад. Тогда, пока лучшие следопыты искали их следы, отцы племени пошли и рассказали об этом белому вождю. Он сказал:

«Я не верю, вы меня обманываете».

«Пойдите и посмотрите», — сказал Хозро и повел их вокруг мезы к месту, где следопыты медленно отслеживали путь беглецов.

«Они бегут», — сказал молодой Кли. «Они очень напуганы».

«Возможно, они идут в Ораиби», — сказал один из священников.

«Мы послали гонцов во все деревни. Нет, они направляются к великой пустыне».

Они следовали за ними, не надеясь найти воду, — в пустыню, где солнце палило, как огненный поток, и росла только редкая скунсовая трава, — и наконец зоркие глаза обнаружили два темных пятна на склоне дюны из желтого песка.

«Вот они!» — крикнул Кли, следовавший за ними.

Суровый старый белый человек пришпорил своего коня — солдат-вождь сделал то же самое, — но Кли обогнал всех. Он быстро преодолел песчаную дюну, но там остановился и неподвижно смотрел вниз.

Наконец он медленно спустился по склону и, встретив белого человека, агента и солдата, сказал с угрюмым, обвиняющим лицом и с горьким презрением:

«Вот они; идите за ними; моя работа сделана!»

С удивлением на лицах преследователи подъехали к вершине холма и на мгновение остановились, глядя вниз; затем тощая рука старого Хозро поднялась и указала на небольшую впадину. «Вот они лежат — измученные!»

Но Кли повернулся и сказал: «Они не спят — они мертвы! Я чувствую это».

С внезапным хриплым криком отец бросился вниз по холму и упал на тело своего сына.

Когда белые люди подошли к нему, они увидели, что тела мальчиков лежали в темном пятне собственной крови, как в одеяле. Они были мертвы, убиты собственными руками.

Тогда старый Хозро поднялся и сказал: «Белый человек, это твоя работа. Возвращайся домой. Разве твоя жажда не утолена? Выпей кровь моего сына и возвращайся к белым волкам, которые послали тебя. Оставь нас с нашими мертвыми!»

В тишине, с поникшими головами и стыдливymi лицами, вождь и суровый старый белый человек вернулись в свой лагерь, оставив героического отца и деда одних в пустыне.

В ту ночь великая меса была холмом песен, местом скорби. Хозро и Супела были как люди, ошеломленные внезапным ударом. Старый дед плакал, пока его плач не превратился в стон, но Хозро, осознав всю тяжесть своей потери, стал агрессивным.

Взяв лошадь, он яростно мчался по улицам. «Ну, будете ли вы сражаться, трусы, прерийные собачки? Сообщите во все деревни — соберите наших воинов — хватит разговоров, давайте сражаться!»

Но когда наступило утро, оказалось, что палатки белых солдат были сняты, и когда старейшины вышли на переговоры, вождь солдат сказал:

«Вам не нужно отправлять своих детей прочь. Достаточно, если они придут сюда, в Железный Дом. Я справедливый человек; я не буду сражаться с вами, чтобы забрать ваших детей. Я пойду к Великому Отцу и буду ходатайствовать против этого человека и его поступков».

«Итак, наши сыновья не погибли напрасно», — сказал Супела Хозро, когда они встретились на вершине мезы.

«Да, но они мертвы!» — яростно ответил Хозро. «Уход белого человека не вернет их».

И потрясенные матери сидели с изможденными лицами и невидящими глазами; они не находили утешения в том, что неумолимый белый человек бежал вместе с воинами в синих мундирах.

НОВЫЙ ДОМ МЕДИЦИНЫ

НОВЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ДОМ

Весна была холодной и дождливой, и пневмония была распространенным явлением на всей территории резервации Роузбад, но квалифицированная медсестра, которую правительство направило руководить маленькой школьной больницей, почти не имела работы.

Она была суровой и добросовестной, но не вызывала симпатии. Мужчины не считали ее подходящей для семейной жизни, и трагическая меланхолия омрачала ее худое, непривлекательное лицо, а одиночество добавляло жесткости и отталкивающего характера к ее преданной натуре. Она считала себя мученицей, увезенной в далекие страны из-за любви к кроткому Галилеянину. Она никогда не жаловалась вслух, но ее сгорбленная походка, опущенные глаза и часто прикушенные губы ясно показывали ее недовольство краснокожим, которые инстинктивно интерпретируют такие признаки.

«Почему она пришла сюда?» — спросил задумчивый старик Та-Ю, мудрец лагеря на Роузбаде.

«Она приходит, чтобы делать вам добро, давать вашим детям лекарства, когда они болеют», — ответил помощник агента, говоря жестами.

«Она несчастна. Отправь ее прочь. Она нам не нужна. Я — целитель».

«Я не могу этого сделать. Ее послал Вашингтон. Она должна остаться. Она выглядит несчастной, но она вполне довольна. Когда ваши дети заболевают, вы должны отправлять их к ней».

На это Та-Ю медленно ответил. «На протяжении многих поколений мы ухаживали за своими больными по-своему», — сказал он. «Я не думаю, что Вашингтон должен требовать от нас отказаться от всех наших традиций. Скажите Вашингтону, что мы способны ухаживать за своими больными».

Только позже агент обнаружил, что маленькая больница, гордость его глаз, с самого начала была запрещена племенем из . На первый взгляд этого не было видно. Каждое утро дети шли туда парами и с улыбкой принимали профилактические лекарства, потому что они были сладкими на вкус, а ежедневный поход был для них церемонией. Их учитель воспользовался случаем, чтобы показать им чистые белые стены и широкие мягкие кровати, и сказал им, чтобы они рассказали своим родителям, что этот красивый маленький домик предназначен для всех, кто болен.

Все они слушали с терпеливой покорностью, которая является их наиболее заметной чертой, и некоторые старики приходили, смотрели на «лекарский домик» и разговаривали с «лекаркой», и хотя они не проявляли энтузиазма, они и не высказывали открытого несогласия.

Все это сменилось скрытой, решительной неприязнью после того, как один из сотрудников умер в этом месте. Медсестра, окутанная железом своих собственных суеверий, не могла понять изменения в отношении краснокожих. Не было ее делом уступать их чувствам или даже принимать их во внимание. Если они были больны, она настаивала,

чтобы заведующий немедленно приводил их в ее комнаты и привязывал к ее кроватям с болезненной аккуратностью (). Противодействие стариков она подавляла, если необходимо, штыком.

Группа стариков пришла к агенту и сказала: «Друг, в доме медицины умер белый человек. Это плохо. Мы не позволяем никому пользоваться хижинкой, в которой умер человек — мы сжигаем ее и все, что связано с умершим. В одежде человека, умершего от болезни, есть что-то злое. Мы не хотим, чтобы наши дети входили в этот дом медицины».

«Кроме того, — сказал Та-Ю, — в доме стоит много бутылок, и они очень сильно воняют — нам становится плохо, даже когда мы заходим туда на несколько минут. Нашим детям нехорошо спать там, когда они болеют.

«Более того, — продолжил Та-Ю, подсказанный другим, — «знахарка пьет виски по ночам, и наши дети не должны видеть, что их знахарка — пьяница».

Медленно и с трудом мистер Уильямс объяснил, что после смерти человека все постельные принадлежности очищаются, а комната убирается. Также он объяснил, что запах бутылок не вреден. Что касается знахарки и ее пьянства, то они ошибались. Она пила лекарство от кашля.

«Мы не верим в то, что нужно держать дом, в котором умирают люди», — повторил Та-Ю. «Духи и злые силы витают вокруг такого места. Они плачут по ночам и ухудшают состояние больного ребенка. Они очень одиноки. Лучше, чтобы они возвращались в вигвам, когда заболевают. Дети сейчас напуганы, и мы хотим, чтобы вы пообещали, что когда кто-то из них заболеет, вы не будете отправлять его в этот одинокий дом, который осквернен смертью».

Лицо агента ожесточилось. Он знал, что разговор пойдет об этом. «Послушайте, друзья. Вашингтон дает образование вашим детям. Он кормит их. Он также послал знахаря и знахарку, чтобы они ухаживали за вами, когда вы болеете. Я построил для вас хороший чистый дом, где вы можете лежать, когда болеете. Когда ваши дети болеют, они должны идти туда. Я не соглашусь на то, чтобы они возвращались в вигвам».

Это был обычный и неизбежный конец каждой беседы. Каждое желание краснокожих было обязательно пресекаемо — ведь это явно был способ их цивилизовать. Они молча, печально, с терпеливой покорностью, которой они научились, поднялись и вышли, оставив агента с подспудным, жгучим чувством, что он был совершенно не прав.

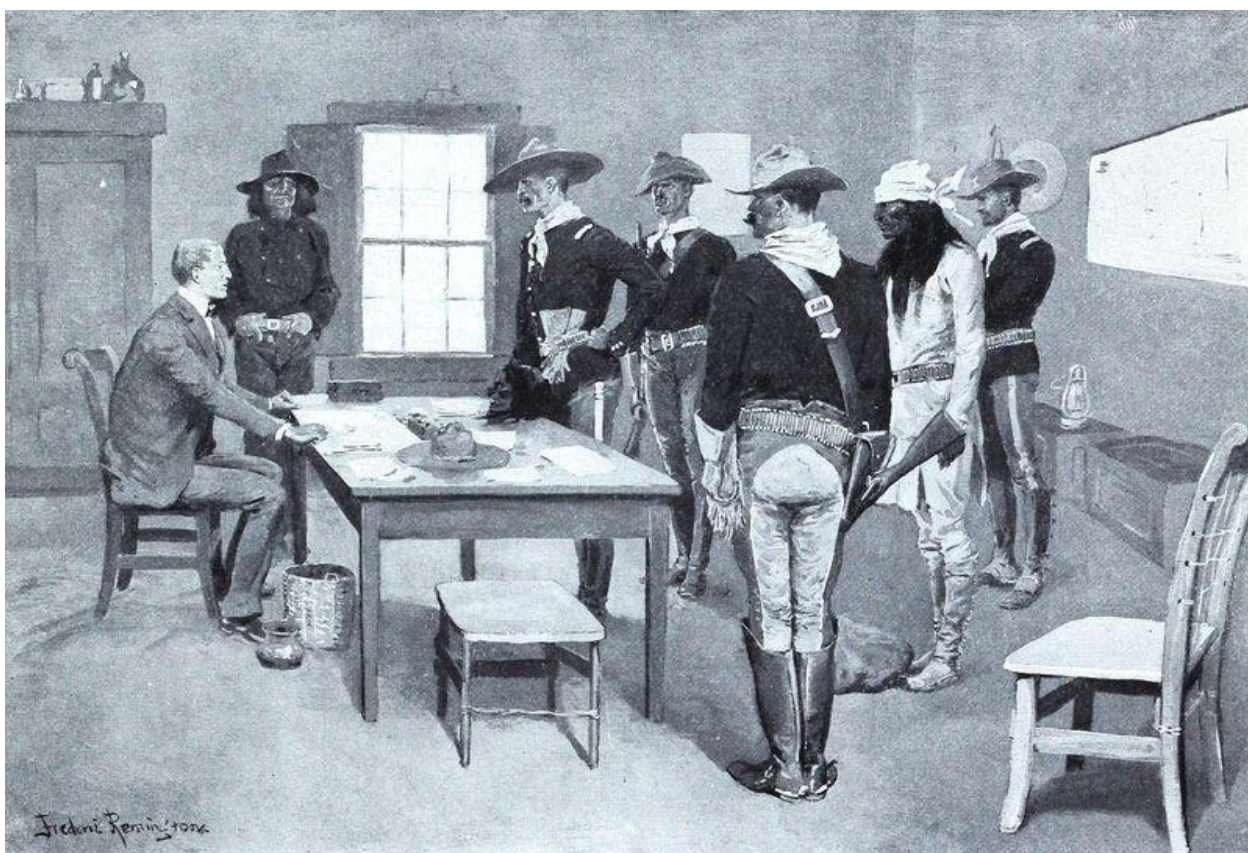
В последующие недели маленькая самодовольная больница стояла пустая, потому что ни один больной из лагеря даже не смотрел в сторону ее стеклянной двери. Дети больше не смеялись, выстраиваясь в очередь за лекарством. Медсестра сидела и читала у окна, не имея никаких обязанностей, кроме ухода за своей кроватью. Она вызывала явное сочувствие у всех тех, кто имеет острый нюх на суеверия других людей, но совершенно не обращает внимания на свои собственные. Она считала, что «правительство должно заставить этих индейцев прийти и пройти лечение».

А что касается Та-Ю, то люди этой веры были единодушны в том, что он был самым злым индейцем в племени, и именно его влияние мешало лечебным курсам знахарки и препятствовало плану превратить их в христианских граждан. «Власть этих знахарей должна быть сломлена», — сказал преподобный Алонзо Джонс.

Иногда ребенка заставляли оставаться на ночь в страшных, гладких маленьких комнатах больницы, но каждый из них сбегал при первой же возможности. В одном случае, когда больная оказалась сиротой, ее сделали яркой приманкой, баловали и кормили

деликатесами, достойными дочери миллионера, чтобы ее восторженные отзывы о смородиновом желе и курином бульоне смягчили сердца ее товарищей по тяжелой судьбе, заключенных в маленькой тюрьме с твердыми стенами и эхо-коридорами, где звучала песня « ». Но это не сработало. Она рассказала о запахах, об ужасной тишине и одиночестве, о кислой медсестре, которая делала много загадочных вещей глубокой ночью, и другие девочки задрожали, нервно засмеялись и сказали: «Когда мы заболеем, мы сбежим и уедем в лагерь». Противостояние углубилось и расширилось.

Борьба началась, когда заболел Роберт, первый сержант школы, капитан бейсбольной команды. Он был красивым, уравновешенным, веселым двадцатилетним парнем, хорошо сложенным и хорошо учился. Он свободно говорил на английском и был ярким примером того, что может дать школа в резервации. Суперинтендант безоговорочно доверял ему и считал его незаменимым в управлении школой, фермой и садом, а агент часто приглашал его в свой дом, чтобы познакомить с гостями.

В

агентстве по делам индейцев апачей

Этот инцидент произошел в дни так называемого «Индийского кольца», когда Министерство внутренних дел назначало индейскими агентами людей, единственной целью которых было обогатиться, крадя имущество своих диких подопечных. В результате их безрассудных действий между этими агентами и военными постоянно возникали трения.

Иллюстрация из книги «НАТЧЕЗС ПАСС» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, февраль 1901 г.

Приключение жены Старого Солнца

Когда она была еще простой служанкой, вождь индейцев гро-вентре похитил ее, крепко привязал к себе и увез в свою деревню. Когда их цель была уже видна, девушка ударила его ножом и убила. Этот подвиг не только дал ей право носить три орлиных пера, но и привел к тому, что Старый Солнце, богатый и могущественный вождь индейцев северных черноногих в Канаде, взял ее в жены.

Иллюстрация из книги «CHARTERING A NATION» Джулиана Ральфа

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, декабрь

1891 г.

Роберт, проработав весь холодный дождливый день за плугом, простудился и закашлялся, что беспокоило его несколько дней. Он ничего не говорил об этом и продолжал работать, хотя должен был лежать в постели, потому что боялся больницы и старался не обращать внимания на все свои плохие симптомы, но однажды утром он не смог встать, и доктор объявил, что он очень болен — «Еще один случай пневмонии», — сказал он.

Роберт молчал, когда его переносили через дорогу в мужскую палату маленькой больницы, но его глаза, блестящие от лихорадки, казалось, просили о чем-то, и когда агент наклонился, чтобы спросить, не нужно ли ему чего-нибудь, мальчик прошептал: «Останься со мной».

«Хорошо, Роберт, я буду с тобой сегодня ночью. Сейчас я должен уйти, но вернусь в полдень».

Это был долгий день для больного мальчика, который смотрел и слушал, не обращая внимания на медсестру, которая без устали заботилась о его потребностях. Он точно знал, что происходило каждую минуту. Он слушал, когда прозвенит колокол, собирающий всех в семь часов. Он мог видеть мальчиков в униформе, выстраивающихся в коридорах. Теперь они шли в часовню. Они пели первую песню — он мог их слышать. Теперь они слушали небольшую речь суперинтенданта — и все было тихо.

Наконец, они с криками отправились играть в игры перед сном, и ему было тяжело лежать там, слышать их и быть одиноким и забытым. «Учителя придут ко мне, — думал он, — и некоторые мальчики». Но они не пришли. Наконец начало темнеть, и молчаливая медсестра зажгла дымящуюся лампу и села читать. Когда она задавала ему вопрос, это звучало как рычание кошки, но ее руки были нежными и ловкими. О, как трудно было быть больным и лежать так долго!

Когда пришел агент, мальчик сказал: «Майор, скажите моей матери. Пусть она придет. Скажите ей, что я очень болен, майор!»

«Хорошо, Роберт. Я при первой же возможности пошлю ей сообщение. Но она далеко, ты знаешь. Я слышал, что она уехала в старый лагерь Та-Ю. Но я буду дежурить с тобой, мой мальчик. Засыпай и отдыхай».

Ночью состояние мальчика сильно ухудшилось, и в временном бреде он жалобно звал мать на своем родном языке, и агент попросил одного из полицейских передать матери, «женщине из племени пауни», что ее сын болен. «Скажите ей, что мы делаем для него все, что можем, и что ему ничего не угрожает», — добавил он.

Этот день был долгим для Роберта, днем, наполненным моментами бреда, как июньский день наполнен тенью облаков. Каждый час отдалял его от религии белых людей и медицины белых людей — только его добрый агент утешал его; он цеплялся за него все более слабеющими пальцами. Врач агентства, усердный до предела своих сил (за восемьсот долларов в год невозможно купить большую ученость), отвлек агента в сторону и сказал: «Мальчик находится в осаде, майор. Несмотря ни на что, у него поднимается температура. Сегодня ночью за ним нужно внимательно наблюдать».

«Я буду следить за этим», — сказал Уильямс. Несмотря на усталость, он снова дежурил вторую ночь, потому что мальчик не отпускал его, и его сердце было очень нежно к нему.

На следующее утро, сидя в своем маленьком кабинете, он услышал быстрый мягкий стук мокасин в коридоре и робкий стук в дверь. «Войдите!» — крикнул он, и, не успев обернуться, увидел, как в комнату вбежала женщина из племени шайеннов. Ее милое лицо было омрачено трагическими чертами горя, и она рыдала, а слезы заливали ее щеки. Она положила одну руку на плечо агента, а другой показала: «Отец, мой сын умирает. Ваша работа и ваш домик убили его. Пожалейте его!» Показывая это, она с разбитым сердцем рыдала: «Он умрет».

«Вытри слезы», — ответил он, — «он не умрет. Две ночи я бодрствовал рядом с ним. Я сам дал ему сильное лекарство. Ему уже лучше».

Она стонала, как будто вся надежда была потеряна. «Нет, нет. Он очень болен, отец. Он меня не узнает. Его глаза похожи на глаза мертвого мальчика. О, сжался! Пойдем со мной. Пойдем и помоги ему».

Чтобы утешить ее, уставший мужчина вернулся в больницу, и когда они вошли, мать сделала дикий жест отвращения и сказала медсестре: «Уходи, собачья женщина! Ты убиваешь моего сына».

Уильямс тщетно пытался объяснить ей, насколько верна была медсестра. Она не хотела слушать.

«Отец, позволь мне забрать сына в домик. Тогда он поправится».

Он покачал головой. «Нет, это не пойдет. Он умрет по дороге. Пусть остается здесь, пока не поправится. Мы с тобой будем присматривать за ним здесь. Тогда ему ничего не угрожает. Посмотри, какая у него хорошая и чистая постель, какая уютная комната. В лагере будет холодно и ветрено, ему станет хуже. Пусть остается, пока не сможет встать на ноги. Тогда его можно будет безопасно увезти».

Приложив все свои силы убеждения, он утешил и успокоил обезумевшую мать, и она села в больнице; но весть о том, что она хочет, чтобы знахарь Та-Ю посетил мальчика, подул на него и спел ему, разнеслась по школе и агентству, и миссионеры и медсестра были в ярости.

«Только подумать, что этот противный старый язычник придет в больницу!» — сказала медсестра одному из учителей. «Если он придет, я уйду — и все!»

Доктор рассмеялся. «Старый проклятый может ему помочь. Кто знает?»

Преподобный Джонс умолял Уильямса: «Не позволяйте этого. Это развратит всю школу. В глубине души они все верят в старого знахаря, и если вы уступите им, это отбросит их всех на десять лет назад. Не позволяйте им увести Роберта в лагерь под каким бы то ни было предлогом. Все, что они хотят, — это курить и бормотать над ним бессмысленные заклинания».

На эти страстные призывы Уильямс мог только ответить: «Я не могу запретить им это делать. По действующему закону они свободные граждане, и я не имею над ними абсолютного контроля. Если они настаивают на том, чтобы взять Роберта в лагерь, я не могу их остановить».

Мистер Джонс ушел с горьким намерением подать какую-то жалобу на кого-то, на что-то — он не мог окончательно решить, на кого.

Затем подошел старый Та-Ю, очень серьезный и очень мягкий, и сказал: «Отец, в начале Великий Дух создал и белого человека, и красного человека. Когда-то я думал, что мы не можем быть друзьями и жить на одной земле. Теперь я стар и мудр в вещах, о которых раньше ничего не знал. Теперь я вижу, что белый человек знает много хорошего, и я также знаю, что красный человек ошибается во многих других вещах. Поэтому мы должны положить наши лекарства рядом, и когда мы выберем лучшее, выбросить бесполезное. Я пришел, чтобы положить свои лечебные амулеты и мази рядом с амулетами и мазями белого знахаря. Я буду учиться у него, а он будет учиться у меня. Этот больной мальчик — мой внук. Он очень болен. Я прошу вас позволить мне войти к нему, посмотреть на него, покурить священную трубку, подуть на него и исцелить его сильным отваром из корней».

На это Уильямс ответил: «Та-Ю, я не могу удовлетворить твою просьбу. Этот дом медицины был построен для белого доктора людьми, которые не верят в то, во что веришь ты. Те, кто дал деньги, будут очень злы на меня, если я впущу тебя».

Лицо старика померкло, и его губы зашевелились, когда он наблюдал за жестами белого вождя.

«Да будет так», — ответил он, вставая. «Сердце белого человека жестоко. Его глаза — глаза волка. Он дает только по-своему. Он заставляет всех людей идти по его пути. Он убьет моего сына и будет смеяться».

Уильямс тоже поднялся. «Не ожесточай свое сердце ко мне, друг. Я знаю, что большая часть твоей медицины хороша. Я не говорю, что ты не должен лечить мальчика. Завтра, если ему не станет лучше, ты можешь отвести его в лагерь. Я не могу этому помешать, но если ты это сделаешь и он умрет, я не буду виноват».

Лицо старика смягчилось. «Теперь я вижу, что вы наш друг. Я доволен».

Преподобный мистер Джонс снова набросился на агента, а медсестра и учителя (хотя они не осмеливались ничего сказать) выглядели крайне недовольными. Казалось, что опоры, на которых держалось их небо, шатались, но Уильямс спокойно сказал: «Если мальчик умрет в больнице, это принесет нам гораздо больше вреда, чем если его будет лечить Та-Ю. Вы когда-нибудь были молоды? Не помните ли вы, что значило, когда ваша старая бабушка приходила к вам, давала вам чай из костянки и сидела у вашей постели? Роберт такой же, как и все мальчики; он скучает по своему старику-деду и успокоится и отдохнет, вернувшись в вигвам. Я не пожертвую мальчиком ради вашей миссии. Я не возьму на себя такую ответственность».

«Переезд убьет его», — сказала медсестра.

«Я в этом не так уверена. В любом случае, в конечном счете, эти люди, согласно действующим правилам департамента, являются гражданами, и я не имею права заставлять их делать то или это. Я дала свое согласие на их план — и на этом вопрос закрыт».

Рано утром следующего дня отец и мать вместе с бабушкой нежно укутали Роберта в одеяло и унесли его в лагерь, и весь день миссионеры слышали звук раттала знахаря и его тихое пение, когда он пытался изгнать злые силы, и некоторые из них были чрезвычайно огорчены, а вождь большого дома знахарей был очень печален, потому что казалось, что его работа была напрасной.

Так случилось, что лагерь Та-Ю стоял на изгибе глубокой маленькой реки, и вигвамы были построены на пахучей траве, и когда больной мальчик открыл глаза после обморока, он увидел мерцание теней листьев на пожелтевших конических стенах хижины своей матери и услышал песню пересмешника в дубах. Доброе, морщинистое лицо его деда, знахаря, склонилось над ним, а любящие руки его матери лежали на его шее. Он снова был дома! Его сердце забилося от радости, а затем его глаза закрылись, его охватила сладкая слабость, полное удовлетворение, и он заснул под гудящую песню Та-Ю, уносящую его все дальше от мира беспокойств и тревог белого человека.

На следующий день, когда Уильямс поднял дверной козырек и вошел, Та-Ю сидел, довольный, куря. Мать, которая шила мокасины, подняла глаза с счастливой улыбкой на лице и сказала: «Он почти здоров, мой сын».

«Я рад», — сказал Уильямс.

Та-Ю выпустил клубы дыма из своей трубки и сказал с искрой глубокого юмора в глазах:

«Белые люди очень умны, но есть вещи, которых они не знают. Ты — ты наполовину краснокожий; это объясняет твое доброе сердце. Видишь ли, мое лекарство очень сильное».

Уильямс рассмеялся и повернулся к мальчику, который лежал, глядя на дорогой ему мир большими, непоколебимыми глазами. «Роберт, как ты?»

Медленно губы мальчика произнесли шепотом: «Лучше».

«Когда ты болен, нет места лучше дома и матери, Роберт. Поправляйся поскорее. Ты мне нужен».

Когда Уильямс уходил, мать поднялась, взяла его за руку и воскликнула с болью: «Ты добрый. Ты вернул мне моего сына. Ты спас его от жестокой знахарки. Не позволяй ей делать нам злое лекарство».

«Я не позволю никому причинить ему вред. Будь спокойна».

Тогда лицо матери озарилось чудесной улыбкой. Она стояла в тишине с вздымающейся грудью, пока ее белый вождь уходил. «Он добрый», — сказала она. «Он наш брат».

На это спокойный старый Та-Ю кивнул: «Он знает, что моя медицина очень сильна, потому что он наполовину краснокожий».

ВОСХОДЯЩИЙ ВОЛК — ПРИЗРАЧНЫЙ ТАНЦОР

ВОСХОДЯЩИЙ ВОЛК — ПРИЗРАЧНЫЙ ТАНЦОР

Он сидел в тени хижины и курил трубку. Его лицо было худым, острым и очень выразительным. Его кожа была приятного светло-коричневого цвета, а волосы, волнистые от долгого ношения в косах, блестели, как крылья черного дрозда. На шее у него был желтый платок — желтый был его «лечебным» цветом — и он держал загрязненную белую одежду вокруг бедер. Ему было около пятидесяти лет, но он выглядел моложе сорока.

Он с любопытством изучал меня, пока я сообщал ему о своем желании услышать историю его жизни, и со смехом бормотал какие-то шуточные замечания своей молодой красивой жене, которая сидела рядом с ним на одеяле, занятая рукоделием. Юмористическое выражение исчезло с его лица, когда он задумался, тени удлинились на горячей сухой траве, а на гладких склонах холмов солнце стало желтым.

После долгой паузы он поднял голову и начал говорить тихим и приятным голосом. Он не жестикулировал, а его взгляд был похож на взгляд человека, который видит что-то маленькое на далеком холме.

«Я хорошо воспитан», — были его первые слова. «Мой отец был главным знахарем ш своего племени и знал все истории своего народа. Я был его самым любимым сыном, и он включил меня в танцы воинов, когда мне было три года. Я нес в руке одно из его боевых перьев и был раскрашен, как большие воины.

Когда мой отец хотел подарить лошадь людям из племени «Перерезанные горла» или «Ожженные бедра», которые приезжали к нам в гости и танцевали с нами, он давал мне в руки маленькую палочку, которая считалась лошадью, и я шел рядом с ним по кругу и передавал палочку нашему другу. Тогда моя мать гордилась мной, и я был рад видеть ее улыбку.

Мой отец делал мне лучшие луки, а мать шила мне красивые мокасины « », украшенные яркими бусинами и окрашенными иголками дикобраза. У меня были пони, на которых я ездил, и свой маленький вигвам, в котором я играл в вождя.

Когда я стал немного старше, я любил сидеть рядом с отцом и стариками и слушать их рассказы о былых днях. Рассказы моего отца были для меня лучшими, а движения его рук — самыми красивыми. Я мог сидеть весь день и слушать. Больше всего мне нравились рассказы о волшебных деяниях.

Однажды мой отец заметил, как я прислушиваюсь к разговору, и вечером сказал мне: «Сын мой, я вижу, что ты станешь знахарем. Ты не будешь воином. Когда ты станешь старше, я научу тебя секретам моего пути, и ты пойдешь по моим стопам».

«С тех пор я наблюдал за всем, что делали знахари. Я подкрадывался к ним и слушал их слова. Я следил за ними глазами, когда они отходили в сторону, чтобы помолиться. Где творилось волшебство — там был и я. На танце я видел, как мой отец бросал живых белок из своей пустой руки. Я видел, как он дышал дымом на тело мертвой птицы, и она проснулась, подбежала к раненому человеку, вырвала гниющую плоть и исцелила его. Я видел, как

мышь оживала таким же образом. Я видел, как волшебный пузырь двигался, когда никто его не трогал; и я видел человека, похороненного и покрытого большим камнем, который не могли поднять даже четверо мужчин, и я видел, как он вышел, словно камень был одеялом.

Я видел, что есть много способов стать знахарем. Один человек ушел на высокую гору, стоял там и плакал весь день и всю ночь, говоря:

«О Великий Дух!

Я бедный человек.

Я хочу быть мудрым.

Я хочу быть великим знахарем.

Помоги мне, Великий Дух!

Я хочу, чтобы мой народ уважал меня.

Помоги мне получить одеяла, лошадей.

Помоги мне вырастить моих детей.

Помоги мне жить долго,

уважаемым среди своего народа».

«Так он пел много часов, без еды и воды, а еще было холодно. Наконец он упал в сон и увидел сон. Когда он вернулся домой, у него было лекарство. Большая птица рассказала ему много секретов.

Другой пошел в потную хижину, чтобы очиститься. Он пробыл там всю ночь, взывая к Великому Духу. Ему тоже приснился сон, но он не рассказал о нем.

Третий мужчина пошел в свой вигвам на холме возле лагеря и там, не имея ничего, чтобы поесть или попить, сидел и плакал, как и два других, и наконец заснул, и ночью в вигвам раздались голоса, которые не исходили из его уст, и я, который слушал незаметно, испугался, и его женщины тоже испугались. Вскоре он стал великим знахарем; и я пошел к своему отцу и сказал:

«Сделай меня знахарем, как Пятнистый Лось».

Он посмотрел на меня и сказал:

«Сын мой, ты слишком молод».

Тем не менее я настаивал, и он пообещал, что, когда мне исполнится шестнадцать лет, он поможет мне стать таким же, как Пятнистый Лось. Это меня порадовало.

«По мере того как я рос, я запоминал все истории, которые мой отец знал о нашем народе. Я всегда слушал, когда старики разговаривали. Я наблюдал за знахарями, когда они курили в честь Великих Духов мира. Я подкрадывался поближе и слышал, как они взывали к Великому Духу над головой и к Тёмному, который живет под землёй. Я всё время слушал, и благодаря этому я стал мудрым, как старик.

Я знал все чудесные истории о койоте и гремучей змее. Я знал, что сказал орел своей подруге, и я знал силу великого медведя, который сидит прямо, как человек. Я был охотником, но я следил за дичью, чтобы узнать ее повадки. В те дни мы питались мясом бизонов. Мы не ели рыбу, птиц, кроликов и мясо медведя. Наши женщины измельчали

дикие вишни и делали из них лепешки, которые мы иногда ели, но всегда питались мясом буйвола, и мы были здоровы и сильны, не так, как сейчас.

Я научился делать свои собственные луки, а также мокасины, хотя это была женская работа, и я не шил бисер и не раскрашивал иголки дикобраза. Я хотел знать все — дубить шкуры, рисовать картины — все.

«Со временем настал момент, когда я должен был стать знахарем. Мой отец отвёл меня к Пятнистому Лосю, величайшему из всех знахарей, который мог создавать птиц из кусков мяса и мышей из желудей.

Мой отец сказал ему: «Мой сын хочет стать великим знахарем. Поскольку ты стар и мудр, я привел его к тебе. Помоги мне дать ему мудрость».

Затем они отвели меня в вигвам на холме, далеко от лагеря, сели со мной и запели старые, старые песни нашего племени. Они взяли еду и принесли ее в жертву Великим Духам, которые жили в шести направлениях, начиная с юго-востока. Затем они курили, всегда начиная с юго-востока. Они научили меня делать это и петь молитву каждому из них. Затем они закрыли вигвам и оставили меня одного.

«Всю ночь я взывал к Великим Духам:

«Услышь меня, о, услышь меня!

Вы рядом со мной.

Вы здесь, в вигваме.

Услышьте меня, ибо я беден и слаб.

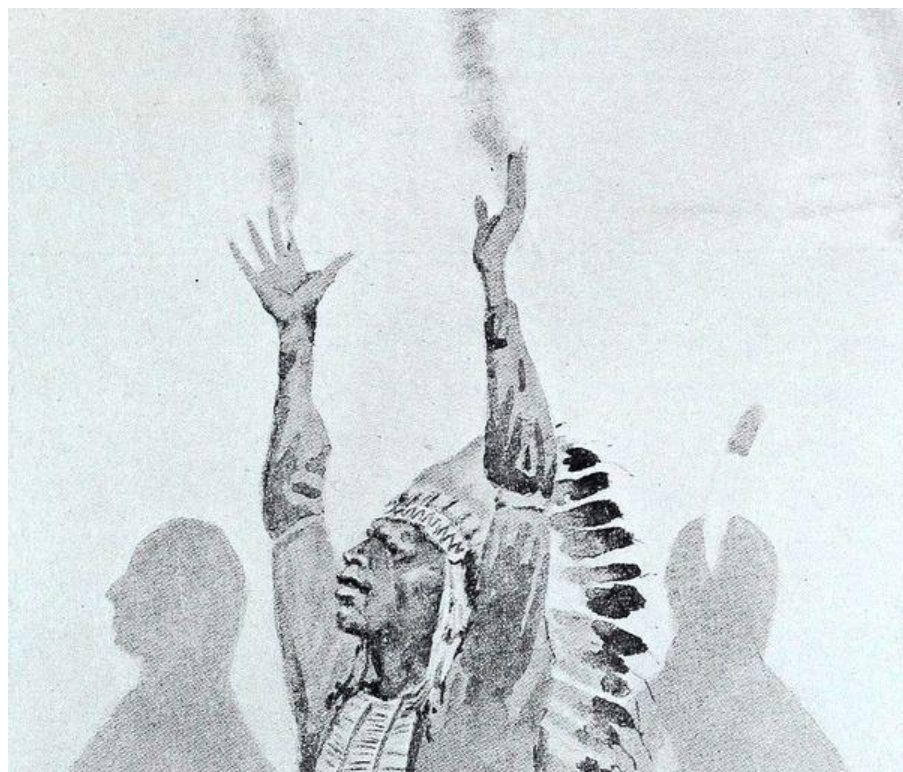
Я хочу стать великим знахарем.

Мне нужны лошади, одеяла. Я мальчик.

Я хочу быть великим и богатым.

Услышь меня, о, услышь меня!

«Всю ночь и весь следующий день я плакал. Постепенно я проголодался и замерз. Я заснул, и во сне ко мне пришел лис, открыл пасть и заговорил со мной. Он сказал мне наполнить ласку кожу лекарством, надеть лисью шкуру на голову, и это сделает меня великим знахарем. Затем он ушел, и я проснулся.

Сигнал знахаря

Иллюстрация из книги «Вспышка восстания сиу в Южной Дакоте» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 24 января 1891 г.

Танец

призраков племени огаллала-су в агентстве Пайн-Ридж, Дакота, декабрь 1890 г.

Иллюстрация из книги «Новый индейский мессия» лейтенанта Мариона П. Мауса, США

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 6 декабря 1890 г.

«Я был очень голоден, открыл вигвам и вышел наружу, и было уже восхождение солнца. Мой отец спал на земле, и когда я дотронулся до него, он быстро проснулся и сказал:

«Сынок, я рад тебя видеть. Я слышал голоса, которые не были твоими, в типи, и испугался».

«Все в порядке, — сказал я. — Дай мне поесть».

Когда я наелся, я взял лук и стрелы и пошел убить ласку. Когда я остался один, я сел и помолился Великим Духам шести сторон света, закурил, начиная с юго-востока, и в моем ухе раздался голос, который сказал: «Я буду вести тебя». Вскоре я наткнулся на большую спящую ласку; она была белая, как снег, хотя еще была осень. Я убил ее, снял шкуру и натянул ее на плоскую палку, чтобы сделать мешок. Затем я искал лекарство, которое можно было бы положить в него. Что это было, я не скажу, но в конце концов мешок был наполнен, и тогда я убил большую рыжую лису и сделал из ее меха шапку.

Каждую ночь я входил в свой вигвам один, чтобы курить и петь, и каждую ночь ко мне приходили странные птицы и животные, разговаривали со мной и учили меня мудрости. Затем появились голоса моих предков, которые научили меня лечить больных и очаровывать бизонов и лосей. Тогда я начал помогать отцу лечить больных людей и стал пользоваться уважением среди своих товарищей; и когда я поймал девушку, которая шла к источнику, она не сопротивлялась; она была рада поговорить со мной, потому что у меня был прекрасный вигвам, шесть лошадей и много одеял.

Я стал искусным. Я мог делать многое, чего белые люди никогда не видели. Я мог быть погребен глубоко в земле, а на меня катили огромный камень, который могли поднять только шесть человек. Тогда в темноте, когда я взывал к Великим Духам, они быстро пришли, прикоснулись руками к камню и отбросили его далеко, и я поднялся и пошел, и люди удивлялись. Я исцелил многих людей своими руками и великой магией, подобной этой: у меня была сухая мышь, и однажды, когда принесли человека, который был окоченевшим и холодным, с дырой в боку, я сказал: «Положите его передо мной».

Когда они сделали, как я велел, я взял мышь и положил ее перед мертвым человеком, подул дымом на мышь и сказал: «Великие Духи, помогите мне совершить это великое волшебство». Тогда мышь ожила, подбежала к мертвому человеку, вставила клюв в рану, вытащила гнилую плоть, рана затянулась, и человек поднялся.

Я совершил эти чудесные дела и стал богатым. У меня был красивый большой вигвам, много лошадей, шкур и одеял. Люди говорили: «Смотрите, вот идет Восходящий Волк. Он молод, но у него много лошадей». Поэтому меня стали называть «Много Лошадей», но у меня была только одна жена, Парящий Ястреб. Я заботился только о ней».

Красивое лицо вождя давно стало серьезным и задумчивым. Теперь оно внезапно стало мрачным. Его маленькая жена беспокойно шевельнулась на сиденье рядом с ним, и он посмотрел на нее странным взглядом. Между ними прокралась тень смерти Парящего Ястреба.

«Однажды, когда я сидел с Парящим Ястребом в моем вигваме, с запада прилетело большое черное облако, как орел, и из него вырвался красный огонь, который убил мою жену и поджег мой вигвам. Мое сердце было как лед, когда я поднялся и увидел мертвую Парящего Ястреба. Я схватил ружье. Я много раз стрелял в облако. Я кричал на него в ярости. Глаза у меня горели. Я был как сумасшедший. Наконец я ушел, но моя жена была мертва, а мое сердце пустое, как пепел. Я не ел много дней и больше не заботился о Великих Духах. Я больше не молился. Я не мог курить, но сидел всю ночь у места, где лежала моя Плавающая Ястребица, и никто не осмеливался подойти ко мне. Мое сердце было полно гнева ко всем и ко всему. Я не мог видеть конца своего пути. Перед мной все было черным.

В то время мой народ жил на своих землях. Большая война с «Длинноволосыми» закончилась, и мы снова жили в мире, но буйволы тоже исчезали, и мы боялись и удивлялись.

«Затем пришли белые люди со своими солдатами, построили здесь, в жаркой и сухой стране, загон, загнали нас туда и сказали: «Если вы выйдете наружу, мы вас застрелим». Вскоре мы стали бедными. У нас не осталось ни одного бизона. Нас кормили плохой говядиной, и мы были вынуждены носить одежду белых людей, которая нам не подходила. Мы не могли ходить на охоту в горы, а земля была безводной и очень жаркой летом, а зимой мы замерзали. Тогда многие заболели, но белые люди прислали доктора, и он смеялся надо мной и приказал мне не приближаться к больным. Это сделало мое сердце черным и

печальным, потому что белый человек давал странные белые порошки, которые были очень горькими на вкус, и люди после этого умирали.

Но много раз, когда он уходил, я заходил и делал сильное заклинание и лечил больных, а он думал, что это его белые порошки. Тем не менее, все больше и больше моих людей начинали верить в белого человека, и поэтому я стал очень беден и был вынужден получать пайки, как и все остальные. Это было черное время для меня.

Однажды ночью к нам пришел посланник Змея с длинным хвостом. «Далеко на западе, — сказал он нам языком жестов, — появился чудесный человек. Он говорит на всех языках и является другом всех краснокожих. Он белый, но не такой, как другие белые люди. Белые прибили его гвоздями к дереву. Я видел дыры в его руках. Он учит новому танцу, который должен собрать всех индейцев на совет. Он хочет, чтобы несколько вождей всех племен встретились с ним там, где большие горы, в месте, где озеро окружено скалами с рисунками. Там он научит нас, как творить могущественную магию, прогнать белых людей и вернуть бизонов».

Мы долго размышляли над всем, что он нам рассказал, и я сказал: «Хорошо, я пойду к этому человеку. Я научусь его танцу».

«Обо всем этом агент не знал, и наконец, когда пришло время, четверо из нас ночью отправились в долгое путешествие. На третий день к нам присоединились два вождя племени Змеи и четверо из племени Обжженные Бедрa, а затем четверо из племени Перерезанные Горла, и мы все путешествовали в мире. Наконец мы пришли к озеру у скал с рисунками, где находятся три снежные горы.

«Там было много индейцев. Были там Большие Животы с севера; и Черноногие, и Сороки, и Ткачи, и Люди с юга, которые бегают вокруг скал, и Черные люди из гор — все они были там. Мы собрали совет и разговаривали жестами, и все начали спрашивать: «Где Великий Помощник?» Прошел день, а он не приходил; но однажды ночью, когда мы сидели на совете, обсуждая его учения, он внезапно вошел в круг. Он был темнокожим, но не таким темным, как мы. У него были длинные волосы на подбородке и длинные каштановые волосы на голове, разделенные посередине. Я искал раны на его запястьях, но не увидел ни одной. Он двигался как великий вождь, высокий и быстрый. Он мог говорить на всех языках. Он говорил на языке дакота, и многие его понимали. Я понимал язык народа «Перерезанные горла», и вот что он сказал:

«Мой народ, до прихода белых людей вы были счастливы. У вас было много буйволов, которых вы ели, и высокая трава для ваших лошадей. Вы могли приходить и уходить, как ветер. Когда было холодно, вы могли уходить в долины на юге, где были целебные источники, а когда становилось тепло, вы могли возвращаться в горы на севере. Пришел белый человек. Он выкопал кости нашей матери, земли. Он разорвал ее лоно сталью. Он построил большие тропы и поставил на них железных лошадей. Он сражался с вами, побеждал вас и помещал вас в бесплодные места, где погибла бы рогатая жаба. Он сказал, что вы должны оставаться там; вы не должны охотиться в горах.

«Затем он изрыгнул свой яд на бизонов, и они исчезли. Они исчезли в земле. В один день они покрывали холмы, а на следующий остались только их кости. Хотите избавиться от белого человека? Хотите, чтобы бизоны вернулись? Слушайте, и я расскажу вам, как сотворить великое волшебство. Я научу вас мистическому танцу, а потом пусть все пойдут домой и танцуют. Когда трава станет зеленой, наступит перемена. Пусть все танцуют четыре дня подряд, и на четвертый день белые люди исчезнут, а бизоны вернутся; наши мертвые вернутся вместе с бизонами.

«Земля старая. Она обновится. Новый и счастливый мир наложится на старый, как правая рука накрывает левую.

«Вы забыли обычаи отцов, поэтому на вас обрушилось великое бедствие. Вы должны отбросить все, что принес вам белый человек. Вернитесь к одежде отцов. Вы должны использовать священные цвета, красный и белый, и священную траву, и весной, когда ивы станут зелеными, наступит перемена.

«Не причиняйте никому вреда. Не сражайтесь друг с другом. Живите в мире. Не лгите. Когда умирают ваши близкие, не плачьте, не сжигайте их вигвамы, не режьте себе руки и не убивайте лошадей, потому что вы снова увидите умерших».

Его слова обрадовали мое сердце и согрели мою грудь. Я вспомнил светлые дни, когда я был мальчиком, а белые люди были далеко, когда бизоны были как полынь на равнинах — их было так много. Я встал. Пошел к нему. Наклонил голову и сказал:

«О, отец, научи нас танцу!» И все сидящие вокруг сказали: «Хорошо! Научи нас танцу!»

«Тогда он научил нас песне и танцу, которые белые люди называют «танцем призраков», и мы все вместе танцевали, а пока мы танцевали рядом с ним, он сидел, склонив голову. Никто не осмеливался с ним разговаривать. Огонь освещал его. Вдруг он исчез. Никто не видел, как он ушел. Тогда мы опечалились, потому что хотели, чтобы он остался с нами. Мне пришлось в голову выступить с речью, поэтому я встал и сказал:

«Друзья, давайте теперь пойдем домой. Наш отец дал нам могущественный магический танец. Давайте пойдем домой и научим всех наших людей, и будем танцевать четыре дня, чтобы белые люди ушли, а бизоны вернулись. Все наши отцы вернутся. Старики станут молодыми. Слепые снова будут видеть. Мы все снова будем счастливы».

«Им это показалось хорошей идеей, и мы все курили трубку, пожали друг другу руки и разошлись по своим путям. Черноногие пошли на север, Люди, которые щелкают языками, пошли на запад, а Сороки, Резники и Змеи вместе отправились на восток. Обгоревшие Бебра продолжали идти, а Сороки и Резники повернули на северо-восток.

Наконец мы добрались до дома, и я устроил большой танец, и на танце « » я рассказал людям о том, что я видел, и они были очень рады. «Научи нас танцу», — кричали они мне.

«Будьте терпеливы, — сказал я. — Подождите, пока все остальные вернутся домой. Когда трава станет зеленой, а луна — круглой, тогда мы будем танцевать, и все красные люди будут танцевать одновременно; тогда белый человек наверняка исчезнет, а буйволы выйдут из земли, где они прячутся, и снова будут бродить по лугам».

Тогда они сделали, как я велел, и когда луна стала круглой, как щит, мы забили в барабаны и позвали людей танцевать.

Тогда белый человек очень возбудился. Он призвал больше солдат со всех сторон, чтобы остановить танец, как я слышал потом. Но люди не обратили на это внимания, ведь белый человек был беден и слаб благодаря магии танца, не так ли?

«Затем мы развели пять костров, по одному в каждом направлении света и один в центре. Мы надели наши лучшие наряды. Мы раскрасили наши лица и тела в память о наших предках, которые были могущественными воинами и охотниками. Мы взяли луки и стрелы, томагавки и боевые дубинки в память о временах до появления оружия белых людей. Наши лучшие певцы преклонили колени вокруг барабана, а женщины сели рядом, чтобы помочь им петь. Когда барабан зазвучал, наши сердца наполнились радостью. Среди нас были

сороки и резаки, но мы все были друзьями. Мы танцевали между кострами, а барабанщики пели мистическую песню:

«Отец, сжался над нами.

Мы плачем от жажды —

Все пропало!

Нам нечего есть,

Отец наш, мы бедны —

Мы очень бедны.

Буйволы исчезли,

Все пропали.

Пожалей нас, о Отец!

Мы танцуем, как Ты желаешь,

Потому что ты нам приказал.

Мы танцуем усердно —

Мы танцуем долго.

Пожалей нас!

«Агент пришел посмотреть, как мы танцуем, но нам было все равно. Он был хорошим человеком, и нам было жаль его, потому что он тоже должен был исчезнуть вместе с другими белыми людьми. Он слушал наши плачи, долго смотрел, и его переводчик сказал ему, что мы молим Великих Духов уничтожить белых людей и вернуть бизонов. Затем он поманил меня рукой, и, поскольку он был хорошим человеком, я подошел к нему. Он спросил меня, что означает этот танец, я ответил ему, и он сказал: «Это должно прекратиться». «Я не могу это прекратить», — сказал я. «Великие Духи так сказали. Это должно продолжаться».

Он улыбнулся, ушел, а мы танцевали. На третий день он пришел снова и, как всегда, смеялся. Он сказал: «Продолжайте. Вы большие глупцы. Вы увидите, что бизоны никогда не вернуться, а белые люди слишком сильны, чтобы их можно было смести. Танцуйте до четвертого дня, танцуйте усердно, но я буду за вами наблюдать».

«На четвертую ночь, пока мы танцевали, солдаты спустились с холмов, и их вожди в блестящих белых шляпах пришли посмотреть на нас. Всю ночь мы молились и танцевали. Мы молились в наших песнях.

Великий Дух, помоги нам.

Ты рядом в темноте.

Услышь нас и помоги нам.

Убери белых людей.

Верни нам бизонов.

Мы бедны и слабы.

Мы ничего не можем сделать в одиночку.

Помогите нам стать такими, какими мы были когда-то,
счастливыми охотниками на бизонов.

Но агент улыбнулся, а солдаты белых вождей сидели неподалеку с ружьями в руках, луна прошла, на востоке засияло, мы были очень уставшие, и мое сердце было тяжелым. Я смотрел, как красный цвет появлялся на востоке. «Когда солнце появится над холмами, тогда это произойдет», — сказал я своим друзьям. «Белый человек станет как дым. Ветер сметет его».

Когда солнце приблизилось, мы все танцевали с усердием. Мой голос почти пропал (). Мои ноги онемели, ноги ослабели, но мое сердце было большим.

«О, помогите нам, Великие Духи», — воскликнули мы в отчаянии.

«Отец, утренняя звезда,

Отец, утренняя звезда,

Посмотри на нас!

Взгляни на нас, ибо мы танцевали до рассвета;

Посмотри на нас, ведь мы танцевали до рассвета.

Пожалей нас,

О Отец, утренняя звезда!

Покажи нам дорогу —

Наши глаза ослепли.

Покажи нам наших умерших.

Мы плачем и держимся за тебя,

О утренняя звезда.

Мы протягиваем к тебе руки и плачем.

Помоги нам, о Отец!

Мы пели до утра

Громкую песню.

Но взошло солнце, солдаты выстрелили из большой пушки, и военачальники рассмеялись. Тогда агент обратился ко мне:

«Ваш Великий Дух ничего не может сделать. Ваш Мессия солгал».

Тогда я накрыл голову одеялом, убежал далеко и упал на вершине высокого холма. Я долго лежал там, думая о смехе белого человека. Ветер свистел грустную песню в траве. Мое сердце горело, и дыхание было тяжелым.

«Может быть, он был прав. Может быть, посланник был двуличным и обманул нас, чтобы белые люди могли смеяться над нами».

«Я пролежал там весь день, укрыв голову. Я не хотел видеть солнечный свет. Я слышал, как затихли барабаны и прекратилось пение. Наступила ночь, и тогда на холмах я услышал плач моего народа. Их сердца были разбиты. Их кости были измучены.

Когда я встал, было уже утро. Я сбросил с себя одеяло и посмотрел вниз, на долину, где стояли вигвамы белых солдат. Я слышал их барабаны и их музыку. Я принял решение. Тропа белого человека была широкой и пыльной из-за множества прошедших по ней ног, но она была длинной. Тропа моего народа закончилась.

Я сказал: «Я пойду по следам белых людей. Я сделаю их своими друзьями, но не буду склонять голову перед их бременами. Я буду хитрым, как койот. Я попрошу его помочь мне понять его обычаи, а затем подготовлю путь для своих детей. Может быть, они обойдут белого человека в его же обуви. В любом случае, есть только два пути. Один ведет к голоду и смерти, другой ведет туда, где живет бедный белый человек. За ним лежат счастливые охотничьи угодья, куда белый человек не может попасть».

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕКИ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕКИ

Мы посещали лагерь Большого Лося на Вашитай и отдыхали в вигваме самого вождя, когда солнце садилось. Вокруг нас слышался смех детей и тихое гудение женщин, беседующих за работой. Собаки и младенцы боролись друг с другом на дерне, группы стариков рассказывали истории, а в воздухе витал аппетитный запах свежее испеченного хлеба.

Индейцы — общественные существа и естественным образом зависят от своих соплеменников. У них нет газет, плакатов, листовок. Новости передаются из уст в уста, поэтому «молчаливых краснокожих» не существует. Они часто бывают великолепными ораторами, драматичными, красноречивыми, юмористичными. В лагере много смеха. Мужчины шутят, рассказывают анекдоты, в которых высмеивают самих себя, высмеивают тех, кто хвастается, и легко переходят от юмора к очень серьезному и таинственному в своей вере. Именно эта болтливость, столь необходимая племени, делает краснокожим так трудно хранить секреты.

Короче говоря, лагерь индейцев не так уж отличается от деревенской деревни, где читают только местную газету и где сплетни — самый верный способ узнать, что происходит в мире. В обеих деревнях есть одна и та же группа стариков с рассказами о прошлом, о военном времени, которым молодые люди слушают с плохо скрываемым нетерпением. Когда в деревню приезжает незнакомец, все рассказчики радуются и снова приступают к делу. Поэтому я всегда посещаю лагерь краснокожих в роли внимательного слушателя.

Большой Лось не был стариком, ему еще не было шестидесяти, но он был рассказчиком, которому все слушали, потому что в молодости он был авантюристом, импульсивным и безрассудным, но щедрым и добрым. Он был красивым стариком, но носил дешевые брюки так неряшливо (), а его шляпа была настолько потрепана, что днем издали он походил на бродягу. В тот вечер, когда он сидел без головного убора в своем вигваме, укрывшись одеялом, он выглядел восхитительно. У него была большая голова, похожая на изображения Бена Франклина.

«Понимаете, в те дни, — объяснял он, — во время войны с охотниками-разбойниками, каждого мальчика воспитывали в ненависти к белым людям, которые пришли на нашу землю, чтобы убивать наших бизонов. Мы слышали, что эти люди убивали за деньги, как солдаты, которые пришли сражаться с нами, и это заставляло наших отцов презирать их. Я слышал, что белых мальчиков учили ненавидеть нас точно так же, и поэтому, когда мы встречались, мы сражались. Белые люди считали нас новым видом крупной дичи для охоты, а мы считали их волками, которым платили за то, чтобы грабить и убивать нас. То были мрачные дни.

Мне было около двадцати двух лет, когда старый агент впервые пришел на восточный берег Канадской реки и сел там. Я помню, что мой отец пошел к нему и вернулся, смеясь. Он сказал: «Он худой старик, который может вынимать свои зубы по частям и вставлять их обратно», и это очень нас всех позабавило. До сих пор, как вы знаете, это у нас знак агента — вынимать верхние зубы.

В то время мы не обращали внимания на агента, потому что у нас было много мяса и шкур буйволов. Некоторые из лагеря пошли и получили продовольствие, это правда, но другие не пошли. Я притворялся очень равнодушным, но мне очень хотелось пойти, потому что я никогда не видел дома белого человека и никогда не стоял рядом с белым человеком. Я слышал, как другие рассказывали о многих удивительных вещах, которые там были, — и они говорили, что там были также белые женщины и дети.

В те дни я стремился совершить великое дело и стал лидером группы из четырнадцати таких же безрассудных молодых воинов, как я сам. Я сидел в вигваме и курил, и однажды ночью сказал: «Братья, пойдем в агентство и украдем лошадей».

«Это заставило каждого из них вскочить на ноги. «Хорошо! Хорошо!» — сказали они. «Веди нас. Мы пойдем за тобой. Это стоит того».

«Белых людей мало, и они трусливы, — сказал я. — Мы можем ворваться туда и угнать лошадей, и тогда, я думаю, старики перестанут называть нас мальчишками. Они будут воспевать нас в своих песнях. После этого нас будут принимать во внимание на совете».

«Все были полны желания пойти, и той ночью мы выскользнули из лагеря, оседлали лошадей и ускакали через прерию, которая была по колено в траве. Как раз время для набега. Я чувствовал себя великим вождем, когда вел свою банду в тишине ночи. Моя грудь раздувалась от гордости, как у индюка, и мое сердце было полно ярости.

На следующий день около полудня мы увидели деревню белых людей, и, немного свернув на север, я привел свою банду в лагерь в нескольких милях выше агентства. Здесь я обратился к своей банде и сказал: «Теперь вы оставайтесь здесь, а я пойду один, разведая врага, сосчитаю его воинов и составлю план сражения. Вы можете отдохнуть и набраться сил, пока меня не будет».

Глаза Большого Лося заблестели, когда он продолжил: «Я думал, что я смелый парень, раз решился на это, и уехал, стараясь выглядеть невозмутимым. Мне было очень любопытно увидеть агентство. Я был похож на койота, который приходит в лагерь, чтобы выследить мясо». Эта *remark* вызвала смех, который Большой Лось проигнорировал. «Когда я переправлялся через реку, я оглядывался по сторонам, считая деревянные вигвамы» (он показал жестом крышу), «и обнаружил, что их не так много, как я слышал. Когда я поднимался по берегу, я прошел мимо белой женщины и посмотрел на нее пристальным взглядом. Я слышал, что все белые женщины выглядят бледными и больными. Я обнаружил, что это правда. У этой женщины были желтые волосы, она была худая и бледная. Она не боялась меня — она, казалось, не замечала меня, и это удивило меня.

Затем я прошел мимо большого деревянного вигвама, который был очень грязным и задымленным. Я увидел человека, весь черный, который что-то бил. Он издавал звук: *лязг, лязг, лязг-лязг*. Я остановился у двери и заглянул внутрь. Все было очень удивительно. Там были лошади, и этот черный человек надевал на их ноги железные мокасины.

Там стоял арапах, и я жестаи спросил: «Зачем они это делают?».

Он ответил: «Чтобы лошади могли ходить по камням, не стирая копыта».

Мне это показалось хорошей идеей, и я захотел, чтобы мою лошадку тоже так обували. Я спросил, где находится агент, и он указал на высокий столб, на котором развевался кусок красно-бело-синей ткани. Я поехал в ту сторону. У двери стояли несколько шайенов,

которые спросили меня, кто я и откуда я. Я рассказал им какую-то старую историю и спросил: «Где агент?».

Они показали мне дверь, и я вошел. Я никогда раньше не был в вигваме белого человека и заметил, что стены были крепкими, а на двери было железо. «Хо!» — сказал я, — «Это похоже на ловушку. Легко войти, трудно выйти. Думаю, я буду очень спокоен, пока нахожусь здесь».

Агент был маленьким старичком — я мог бы сломать ему спину дубиной, когда он сидел ко мне спиной. Он не обращал на меня внимания, пока ко мне не подошел метис и не спросил: «Чего тебе нужно?».

«Я хочу видеть агента».

«Вот он, посмотри на него», — и он рассмеялся.

Агент повернулся и протянул руку. «Как, как!» — сказал он. «Как вас зовут?»

Его лицо было очень добрым, и я подошел к нему и взял его за руку. Я не понимал его языка, но метис помог мне. Мы поговорили. Я придумал историю. «Я слышал, что вы раздаете вещи шайенам, — сказал я, — поэтому я пришел за своей долей».

«Мы дарим хорошим краснокожим», — сказал он. Затем он ласково поговорил со мной. «Мой народ — квакеры», — сказал он. «У нас есть видения, как у краснокожих, но мы никогда не воюем. Поэтому Великий Солдат, Великий Отец в Вашингтоне, послал меня сюда. Он не хочет, чтобы его дети воевали. Вы все братья, просто у вас разный образ жизни. Я здесь, чтобы помочь вашему народу, — сказал он, — и вы не должны больше воевать».

Все, что он мне сказал, было хорошим — это избавило мое сердце от гнева и горечи, и я пожал ему руку и ушел, склонив голову в раздумье. Он был так же добр, как мой собственный отец.

Я никогда раньше не видел таких белых людей; все они были добры. Они накормили меня, дружелюбно разговаривали со мной. Ни один из них не делал оружия. Все готовились к возделыванию земли. Они были добры к животным, и все старые шайены, которых я встретил, говорили: «Мы должны делать то, что говорит этот добрый старик».

Я ехал домой очень медленно. Я больше не вышагивал. Из моей груди ушла вся напыщенность. Я боялся возвращаться в свой лагерь, где меня ждали мои воины. Я расстелил свое одеяло и сел, не говоря ни слова, и хотя все были любопытны услышать, они ждали, потому что я курил трубку в знак раздумий. Наконец я выбил пепел из трубки, встал и сказал: «Слушайте, братья, я не пойду на войну против агентства».

Все были удивлены этим, а некоторые сразу же рассердились. «Почему? Что так внезапно изменило твой план?»

«Я видел агента; он хороший старик. Все были ко мне любезны. Я никогда не видел таких белых людей. Никто не думал о войне. Все они ждут, чтобы помочь шайенам. Поэтому мое сердце изменилось — я не пойду против них».

Моя группа была в смятении. Один за другим они кричали: «Ты девчонка, койот с сердцем воробья». Кроу Килл произнес длинную речь: «Это странное дело. Ты уговорил нас сделать тебя вождем; ты повел нас в долгий и тяжелый поход, и теперь мы остались без мяса, а ты, наевшись сладкой пищи и получив несколько подарков, хочешь сдать и бежать домой, плача, как малыш».

Старый рассказчик безжалостно драматично пересказывал поток насмешек и оскорблений, обрушившийся на его голову.

«Наконец я сказал: «Молчите! Возможно, вы правы. Возможно, они обманули меня. Завтра я пойду снова и тщательно исследую все скрытые вещи. Будьте терпеливы, пока я еще раз изучу местность».

«Всю ночь я думал об этом и снова почувствовал сильную ярость — я начал говорить: «Ты дурак. Тебя ослепили». В ту ночь я спал беспокойно, но проснулся рано и поехал в агентство. Я пробыл среди них весь день. Я разговаривал со всеми шайенами и общался жестами с арапахо — все говорили одно и то же: «Агент не лжет. Он хороший человек». Тем не менее, я осмотрел всю местность и вечером медленно поехал обратно в лагерь.

«Я снова сказал: «Я не пойду на войну против этих людей», и снова мои воины закричали на меня. Они были еще более разгневаны, чем раньше. Они назвали меня трусом. «Мы пойдем без тебя. Ты годен только для того, чтобы носить ребенка и помешивать мясо в кастрюле», — сказали они.

Это наполнило меня гневом, и я встал и сказал: «Вы называете меня женщиной! Кто из вас может проявить больше мастерства в походе? Кто из вас может натянуть более сильный лук или сбить более крупных буйволов? Пора вам замолчать. Вы знаете меня — вы знаете, что я сделал. Теперь слушайте: я вождь. Завтра, когда на востоке забрезжит свет, мы перейдем реку и нападём на агентство! Я сказал!»

Это очень понравилось им, и они слушали и смотрели с нетерпением, пока я рисовал на песке линии, чтобы показать, где находится загон для лошадей и где находится склад. Я поручил пятерым мужчинам пойти к большому забору и разорвать цепь на воротах, а сам повел остальных ворваться в склад. Затем я сказал: «Не убивайте никого, пока они не выйдут против вас с оружием в руках. Некоторые из них давали мне еду; я буду сожалеть, если им будет причинен вред».

«В ту ночь я не мог уснуть, потому что мое сердце было переполнено. Я знал, что поступаю неправильно, но не мог вынести упреков своих последователей.

Когда наступило утро, река была очень полноводной, и мы смотрели на нее с удивлением, потому что не было видно ни облачка. Берега были крутыми, а течение быстрым, и в тот день было бесполезно пытаться осуществить наш план.

В индейской резервации

В 1890 году в форте Рено, на территории тогдашней Оклахомы, находилось агентство для племен шайеннов и арапахо. В те дни можно было увидеть индейцев в их фантастическом смешении цветов, бус, красной фланели и перьев — настолько театральном, что посетители ожидали увидеть, как даже армейские офицеры оглядываются, когда мимо проезжал один из этих храбрых воинов.

Иллюстрация из книги «Запад из окна вагона» Ричарда Хардинга Дэвиса

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 14 мая 1892 года

В

сильном течении

Иллюстрация из книги «Говорящий мускусный бобр» Джулиана Ральфа

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, март 1892 г.

«Мы должны подождать», — сказал я, и с мрачными лицами и болящими животами мы ждали весь день. «Завтра река спадет», — сказал я, чтобы их утешить.

У нас было только немного вяленого мяса и речная вода, и мои воины были очень голодны.

На второе утро я проснулся до рассвета, чтобы посмотреть, что сделала река за ночь. И вот, она поднялась на длину стрелы выше, чем раньше! Тогда я сказал: «Друзья, я не лжец. Я

начал этот план с намерением довести его до конца, но теперь я глубоко обеспокоен. Я не спал прошлой ночью, потому что боль в груди не давала мне уснуть. Я не буду обманывать вас. Я рад, что утром вода стала глубже. Я верю, что это знак от Великого Духа, что мы должны повернуть назад и оставить этих белых людей в покое».

Но Кроу Килл и большинство других не хотели его слушать. «Если мы вернемся сейчас, — сказал он, — все будут смеяться над нами».

Я быстро повернулся к нему и воскликнул: «Ты тот хвастун, который разболтал о наших планах? Лагерь не узнает о наших замыслах, если ты не проболтался». На этом он замолчал, и я продолжил. «Теперь я подожду еще один день. Если завтра — на третий день — река будет высокой, то это, безусловно, будет знаком, и мы все должны будем подчиниться воле Великого, который над нами».

Все согласились с этим, потому что небо было по-прежнему ясным и голубым, а река никогда не поднималась три дня подряд. Они привели в порядок свое оружие, и я повторил свои наставления относительно сражения.

«В ту ночь я отошел немного от лагеря и встал на стражу на небольшом холме. Луна поднялась высоко на востоке и оставляла блестящий след на воде. В детстве я думал, что, может быть, этот след ведет в страну духов, и в ту ночь мое сердце было полно мирных мыслей. Я никого не ненавидел». Голос старика был теперь глубоким и серьезным, и никто не смеялся. «Я молил Великого Духа послать воду, чтобы я мог вернуться без позора. Всю ночь я слышал, как вода шепчет, шепчет в траве. Она становилась все шире и шире, а луна прошла над моей головой. Я немного поспал, а потом проснулся, потому что что-то холодное коснулось моей пятки. Я посмотрел вниз и увидел, что в траве у моих ног лежит блестящий край реки.

Я вскочил, побежал и дотронулся до других. «Смотрите, — крикнул я, — вода пришла, чтобы поговорить с вами!» И я набрал воду с края реки и плеснул ею на них. «Великий Дух заговорил. Всю ночь я слышал, как он шептал в траве. Он сказал: *«Мир, мир! Вы не должны больше воевать»*. Пойдемте. Мы уедем с чистыми руками и радостными сердцами».

Закончив свой рассказ, Большой Лось отложил трубку, погруженный в раздумья, как будто его мысли все еще были в прошлом. Его слушатели молчали и были очень серьезны. Он затронул самую глубокую струну в душе краснокожего человека — струну, которая вибрирует, когда Великий Дух говорит с ним во сне.

СТАРАЯ ГВАРДИЯ ОДИНОКОГО ВОКА

СТАРАЯ ГВАРДИЯ ОДИНОКОГО ВОКА

Так случилось, что лагерь Одинокого Волка находился на границе между землями шайенов и землями его собственного народа, киевов, но он об этом не знал. Он жил там долго, и карты белых людей были для него так же неважны, как и для шайенов. Когда он переехал туда, он считал эту землю своей — прямым даром Создателя — без каких-либо прежних прав, которые можно было бы нарушить.

Но компания Consolidated Cattle Company, получившая право огородить обширные пастбища, не заботилась о правах краснокожих, если только они поддерживали правительство. Была отправлена группа геодезистов, чтобы проложить линии для заборов.

Одинокий Волк слышал об этих захватчиках, когда они работали к северу от него, и каким-то загадочным образом узнал, что они собираются спуститься по реке Элк и пересечь его лагерь. Своему другу Джону, переводчику, он послал следующие слова:

«Белые люди не должны пытаться строить забор на моей земле. Если они это сделают, я буду сражаться. Вашингтон не стоит за этим. Он не стал бы строить забор на моей земле, не поговорив со мной. Я послал за агентом киевов, он ничего об этом не знает — это все план скотоводов, чтобы украсть мои земли. Скажите им, что мы обсудили эту новость — мы приняли решение. Этот забор не будет построен».

Когда «Джонни Смокер» принес это суровое сообщение в лагерь геодезистов, некоторые из них сразу же подняли руки. Среди них был Джим Беллоуз, разведчик и переводчик, и его мнение имело вес, потому что он носил длинные волосы и выдавал себя за опытного борца с индейцами.

«Ребята, — начал он впечатляюще, — нам нужно убираться отсюда, как только наступит темнота. Мы находимся в шестидесяти милях от форта, а нас всего пятнадцать человек, и мы не вооружены. Старый Одинокий Волк держит нас в страхе, и нам лучше уйти и позвать на помощь».

Это решение было поддержано всем лагерем, и группа поспешно вернулась в Дарлингтон, чтобы посоветоваться с руководством компании.

У Пирса, главы компании, были причины не обращаться к военным властям. Его аренда была пока лишь участным соглашением между министром внутренних дел и ним самим, и он опасался последствий борьбы с Одиноким Волком — огласка, трения, которые могли привести к аннулированию его аренды; поэтому он позвал Джона Сегера и сказал:

«Джек, ты можешь проложить эту линию?»

«Я мог бы, но не хочу. Одинокий Волк — мой хороший друг, и я не хочу ввязываться в грязную работу».

«Ой, да ладно тебе — не поднимай белый флаг. Ты мне нужен. Я хочу, чтобы ты выбрал пять или шесть смелых парней и пошел с ними, чтобы проложить эту линию. Я не могу все

лето тут бездельничать. Вот мой договор аренды, подписанный министром, как ты видишь. Все в порядке, и этот старый дурак-индеец должен убраться».

Джек с неохотой согласился и приступил к найму полудюжины мужчин, чью храбрость он знал по личному опыту. Среди них был человек по имени Том Спид, пограничник, отличавшийся большой смелостью и опытом. Ему он сказал:

«Том, мне не нравится ввязываться в это дело, но я в затруднительном положении, и Пирс дал мне контракт на строительство забора, если мы проложим линию, и, похоже, нам придется это сделать. Теперь я хочу, чтобы ты сел на лошадь и помог мне предотвратить неприятности. Что ты об этом думаешь?»

«Это неприятное дело, Джек, но я думаю, что лучше мы это сделаем, чем позволить какому-нибудь неопытному парню прийти и начать убивать. Я на мели, и если плата хорошая, я просто обязан взяться за это».

Так случилось, что два явных друга краснокожих возглавили эту вторую экспедицию против лагеря Одинокого Волка. Пирс послал своего брата в качестве начальника, а с ним отправился сын одного из главных владельцев « », бостонец по имени Росс. Спид всегда называл его «Дюдом», хотя он одевался довольно просто, как принято в Роксбери. Он носил светлый костюм из серой шерсти, «низкие ботинки» и «шляпу из виноградной коробки». Он был вооружен пистолетом, который не убил бы горлицу с расстояния пятнадцати футов. Генри Пирс, напротив, был безрассудным и решительным человеком.

Быстро пересекая водораздел, они вышли на линию у Элк-Крик и направились прямо к лагерю Одинокого Волка. Когда они приблизились к изгибу реки, где располагался лагерь Одинокого Волка, двое молодых воинов неспешно подъехали с юга. Они очень радушно поприветствовали их и, пожмав всем руки, любезно спросили:

«Что вы здесь делаете?»

«Прокладываем линию, чтобы обозначить землю, которую скотоводы арендовали у шайенов».

«Мы пойдем с вами и посмотрим, куда вы направляетесь», — ответили они.

Через пару часов, когда они все еще были в лагере, двое других всадников спокойно подъехали с востока. Они сказали: «Мы ищем лошадей», и, поздоровавшись и спросив Сегера, чем занимаются белые люди, поехали вперед, чтобы присоединиться к своим товарищам, которые, казалось, были глубоко заинтересованы в геодезистах и их инструментах. Обратившись к Пирсу, Джек сказал:

«Ты заметил, что эти четверо были вооружены, я полагаю?»

«О, да, но с ними все в порядке. Разве вы не видели, как они пожимали руки всем подряд? Они просто вышли на охоту за пони».

«Да, я видел, но я заметил, что у них много патронов и что их ружья блестят. Индейцы не охотятся на лошадей отрядами, мистер Пирс».

Пирс улыбнулся, бросив Сегеру косой взгляд. «Ты нервничаешь? Если да, то можешь остаться сзади».

Сегер прожил большую часть своей жизни среди краснокожих и знал их обычаи. Он спокойно ответил:

«Сейчас их только четверо, но скоро вы увидите еще», — и он указал на север, где над гребнем холма появились головы трех всадников. Это тоже оказались молодые кивы, хорошо вооруженные, которые задали менеджеру тот же вопрос и в заключение приятно сказали:

«Мы просто поедem с вами и посмотрим, как вы это делаете».

Когда они поехали дальше, Сегер произнес более резкое предупреждение.

«Мистер Пирс, я думаю, вам лучше расположить своих людей поудобнее. Они все растянулись здесь, с ружьями за спиной, и не в состоянии защищаться».

Пирс был немного впечатлен серьезностью разведчика и постарался указать на несоответствие между «группой из семи трусливых индейцев» и его собственной бандой из двадцати храбрых и опытных мужчин.

«Все в порядке, — ответил Сегер, — но эти семь человек — всего лишь шпионы, посланные посмотреть, что мы собираемся делать. Очень скоро нам придется сразиться со всей бандой Одинокого Волка».

Через несколько минут семь молодых людей тихо проехали мимо и остановились на гребне холма немного впереди землемеров. Подойдя к ним, Сегер заметил, что их поведение сильно изменилось. Они больше не улыбались, а выглядели мрачными, решительными и гораздо старше. Из беспечной, веселой группы молодых людей они превратились в солдат — решительных, дисциплинированных и достойных. Их лидер, выехав вперед, поднял руку и сказал:

«Стой, ты должен ждать здесь, пока не придет Одинокий Волк».

Тем временем в маленьком городке из палаток разыгрывалась драматическая сцена. Одинокий Волк, сильный мужчина средних лет, сидел на совете со своим народом. Долгожданное произошло — скотоводы начали отмечать земли краснокожих как свои, и настало время либо подчиниться, либо отразить захватчиков. Подчиниться было трудно, сражаться — безнадежно. Их мир был все еще узок, но они имели ошеломляющее представление о силе и безжалостной жадности белых людей.

Современный индеец команчи

В девяностые годы команчи из района Форт-Силл считались типичными представителями индейцев того времени. Они не только были самыми опытными конокрадами на равнинах — что среди индейцев считалось скорее почетным званием, чем позором, — но и особенно славились тем, что знали о лошадях и коневодстве больше, чем любой другой индеец.

Иллюстрация из книги «Некоторые индейские всадники» полковника Теодора Айро Доджа, США.

Первоначально опубликовано в журнале

HARPER'S MAGAZINE, май 1891 г.

Группа индейцев племени пиган в горах

Увидев лагерь индейцев кроу на равнине в нескольких милях ниже, пиганцы медленно пробираются пешком через горы, чтобы напасть на лагерь кроу и украсть их боевых лошадей.

Иллюстрация из книги «Высшее я Сандауна» Фредерика

Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, ноябрь

1898 г.

«Мы можем убить тех, кто придет, — сказал Одинокий Волк. — Их немного, но за ними стоят солдаты и земледельцы».

Наконец поднялся старый Белый Буйвол — в свое время он был великим вождем и по-прежнему пользовался большим уважением, хотя и отказался от своего вождства. Он был согнут, сед и морщинист, но его голос по-прежнему был сильным, а глаза — пронзительными.

«Друзья мои, послушайте меня! В течение семидесяти лет своей жизни я жил, не прикасаясь к руке белого человека. Я всегда был против войны, за исключением тех случаев, когда она была необходима, но теперь пришло время сражаться. Позвольте мне сказать вам, что делать. Я вижу здесь около тридцати стариков, которые, как и я, приближаются к могиле. Вот что мы сделаем — мы, старики — мы пойдем на войну против этих скотоводов. Мы пойдем и умрем, защищая наши земли. Большой Волк, иди сюда — и ты, мой брат, Стоящий Медведь».

Когда он перечислил имена седых старых защитников, старухи разразились душераздирающим плачем, перемежающимся ликующими криками, когда какая-нибудь храбрая жена или сестра уловила силу героических ответов, которые вырывались из уст их отцов и мужей. Чувство благоговения охватило молодых людей, когда они увидели, как в тусклых глазах их дедов снова зажглись огоньки, и когда все высказались, Одинокий Волк встал, вышел вперед и сказал:

«Хорошо, тогда я поведет вас».

«Тот, кто поведет нас, обречен на верную смерть, — сказал Белый Бизон. — У белых людей принято убивать вождя. Ты падешь от первого же выстрела. Я поведем вас».

Лицо Одинокого Волка стало суровым. «Разве я не ваш вождь? Кто же должен вести вас? Если я умру, то паду в бою за свою землю, а вы, дети мои, сохраните мое имя в песнях. Мы не знаем, чем это закончится, но лучше погибнуть в бою, чем увидеть, как наши земли разделили пополам у нас под ногами».

Сразу же началась суeta и подготовка. Когда все было готово, тридцать седых и увядших стариков, напевая тихую песню, пронесли по лагерю и начали свою отчаянную атаку, с Одиноким Волком во главе. «Некоторые из тех, кто уходит, вернутся, но если белые люди будут сражаться, я не вернусь», — пел он, когда они начали подниматься на холм, на вершине которого был виден белый человек, ожидающий их прихода.

На полпути к холму они встретили нескольких молодых воинов. «Идите, приведите всех белых людей на совет», — сказал Одинокий Волк.

Когда белые люди наблюдали, как отряд покидает деревню и начинает подниматься на холм, Спид повернулся и сказал: «Ну, Джек, что ты об этом думаешь? Вот идет воинская группа — раскрашенная и вооруженная».

«Я думаю, что шансы на то, что мы когда-нибудь пересечем Вашиту, равны. Теперь ты женат, у тебя есть дети, и я не буду винить тебя, если ты решишь уйти прямо сейчас».

«Я чувствую себя хуже, чем когда-либо, — ответил Спид, — но я останусь с экспедицией».

Когда Одинокий Волк и его героическая старая гвардия приблизились, Сегер был потрясен значимостью этой странной и торжественной компании стариков в полной боевой раскраске, вооруженных всевозможными старинными ружьями, луками и стрелами. Глядя на их морщинистые лица, разведчик понял, что эти деды пришли, решив умереть. Он догадался, что произошло в лагере. Их возвышенный героизм был написан в мрачном опущении их губ. «Мы можем умереть, но мы не отступим!» Так сражались наши деды.

Одинокий Волк уверенно вел свое спартанское войско, пока не подошел достаточно близко, чтобы его можно было без труда услышать. Затем он остановился, снял свой боевой головной убор и повесил его на луку седла. Поднимая обе ладони к небу, он заговорил, и в его голосе звучал торжественный гул: «Великий Отец смотрит на нас. Он видит нас. Он знает, что я говорю правду. Он дал нам эту землю. Мы первые, кто ее заселил. Никто другой не имеет на нее права. Она наша, и я скорее умру, чем позволю скотоводам разделить ее и отнять у нас. Я сказал это».

Когда ему перевели эти слова, Пирс с вопросительным взглядом повернулся к Спиду. «Скажи этому старому дураку, что эта линия будет проложена, и никакие старые пугала, как эти, не смогут нас остановить».

Сегер поднял руку и показал знак: «Одинокий Волк, ты знаешь меня. Я твой друг. Я пришел не для того, чтобы причинить тебе вред. Я пришел, чтобы сказать тебе, что ты неправ. Вся земля слева от меня, по словам Великого Отца, принадлежит шайенам. Вся земля справа от меня принадлежит кيوвам. Шайены продали право на свою землю белым людям, и мы здесь, чтобы обозначить границу. Мы берем только землю шайенов».

«Я не верю в это», — ответил вождь. «Мой агент ничего об этом не знает. Вашингтон не писал мне об этом. Это дело рук грабителей. Скотоводы готовы на все ради денег. Они — волки. Они не должны продолжать».

«Что он говорит?» — спросил Пирс.

«Он говорит, что мы не должны продолжать».

«Скажите ему, что он не сможет запугать меня своими старыми воинами-пугалами. Эта граница будет установлена».

Одинокий Волк, напряженный и нетерпеливый, спросил: «Что говорит белый вождь?»

«Он говорит, что мы должны проложить линию».

Одинокий Волк повернулся к своему охраннику. «Ты тоже можешь готовиться», — тихо сказал он.

Старики сгрудились вместе, бормоча что-то тихо, и каждая пара мутных глаз выбрала себе человека. Щелчок их оружия был зловещим, и Пирс побледнел.

Спид вытащил револьвер из кобуры. «Они собираются драться, — сказал он. — Все готовьтесь!»

Но Сегер, стремясь избежать ужасающего сражения, крикнул Пирсу:

«Не делай этого! Продолжать — это самоубийство. Эти старики пришли сражаться до смерти». Он подал знак Одинокому Волку: «Не стреляй, друг мой! Давай обдумаем это дело. Опустим оружие».

В горячем тумане гнева Пирса пробилось осознание, что эти старики были преисполнены решимости. Он засомневался.

Одинокый Волк заметил его колебания и сказал: «Если ты здесь по праву Великого Отца, почему ты не попросишь вождя солдат прийти и сказать мне об этом? Если Великий Отец приказал это, то я как человек со связанными руками. Солдаты не лгут. Приведи их!»

Сегер с энтузиазмом ухватился за это заявление. «Вот твой шанс, Пирс. Вождь говорит, что он подчинится, если солдаты придут провести обследование. Позволь мне сказать ему, что ты приведешь офицера из форта, чтобы доказать, что за тобой стоит правительство».

Пирс, теперь полностью осознавая отчаянную храбрость стариков, искал лазейку для побега. «Хорошо, договорись с ним», — сказал он.

Сегер повернулся к Одинокому Волку. «Вождь землемеров говорит: «Давайте будем друзьями. Я не буду проводить линию».

«Хо, хо!» — воскликнули старые воины, и их суровые, морщинистые лица расплылись в улыбках. Они смеялись, пожимали друг другу руки, а глаза их наполнялись слезами радости. Они были похожи на людей, освобожденных от смертного приговора. Отчаянная храбрость их поступка теперь стала очевидна даже для Пирса. Они радовались, как дети, внезапному избавлению от гибели.

Одинокый Волк подошел к Сегеру, спешил и обнял своего друга за плечо. «Друг мой, — сказал он с серьезной нежностью, — я удивлялся, почему ты был с этими людьми, и мое сердце было тяжелым, но теперь я вижу, что ты был здесь, чтобы отвратить оружие скотоводов. Мое сердце переполнено дружбой к тебе. Ты еще раз доказал, что ты мой хороший советник». И слезы затуманили его свирепый взгляд.

Через неделю по линии пробежал худощавый второлейтенант с гладкими щеками, что можно было определить по его фуражке и скрещенным рукам, украшавшим его воротник, и Одинокый Волк не оказал сопротивления. «Я не воюю с солдатами Великого Отца, — сказал он, — они не пришли, чтобы отнять мою землю. Теперь я понимаю, что Вашингтон распорядился построить этот забор». Тем не менее, его сердце было очень тяжелым, и в его лагере его героическая старая гвардия сидела и ждала, ждала!

БИГ МОГГАСЕН

БИГ МОГГАСЕН

Далеко в стране навахо есть горы, почти неизвестные белым людям. Начинаясь на сухой, покрытой пятнами земле, они поднимаются к покрытым соснами холмам, где находится множество источников. Глубокие каньоны с удивительными скалами из раскрашенного камня пересекают горные хребты, и в расщелинах этих стен, как говорят, находятся каменные дома древнейших народов. Белым людям небезопасно туда ходить, особенно с киркой и лопатой, потому что вождь Биг Моггасен хорошо понимает опасность, которую представляет собой разрешение шахтерам разглядывать скалы и разбивать их молотками.

Поскольку эти горы неизвестны, они манят людей, и те часто приходили в агентство за разрешением войти в неизвестную землю. Агент отвечал им: «Нет, во-первых, я не хочу, чтобы поднялся шум по поводу вашей смерти, а во-вторых, эта резервация принадлежит навахо — вам лучше искать место в другой стране».

Большой Моггасен жил далеко от агентства и его никогда не видела даже местная полиция. Он жил совершенно независимо от милости белых людей. Он не получал продовольственных пайков, а его народ не платил налогов. Его молодые мужчины пасли овец, старики работали с серебром, а женщины ткали одеяла, которые продавали торговцам в обмен на кофе и муку. Так он жил с тех пор, как смерть отца сделала его вождем.

Зимой его люди уходили в долины, где они были защищены от ветра — где теплые хоганы из бревен и земли защищали их от холода, а весной, когда снег начинал таять, они гнали свои стада черных и белых овец, смешанных с козами, выше в горы. В середине лета, когда долины были раскалены, молодые пастухи гнали свои стада высоко в горы, среди сосен « », где росла хорошая трава и из каждого каньона бьют родники.

Их радости были равны их печалям. Конечно, старики всегда умирали, роды были мучительными, овцы иногда голодали, потому что снег покрывал траву, а дети умирали от болезней горла, но такова жизнь человека во всех странах. В основном у них было много мяса для жарки, ягод и орехов пиньон, чтобы сделать его вкусным, а молодые люди всегда были готовы танцевать, а молодые девушки тянули их за одежды, и все смеялись в свете танцевального костра.

Но в конце концов люди начали жаловаться. Женщины болтали о своем недовольстве, ткачихами плетя одеяла под кедрами, а старики сплетничали по двое и по трое перед кострами в лагере. Дети плакали, прося кофе и лепешки из муки, и в конце концов Большой Моггасен был вынужден принять во внимание недовольство своего народа. Его брови были черны, когда он встал на совете и сказал: «Почему вы все ворчите и скулите, как хромые койоты? Раньше так не было, вы принимали то, что давали вам духи солнца, и были храбры, а теперь у вас сердца лис. Чего вы хотите?»

Тогда Черный Медведь, молодой вождь, встал и сказал: «Мы скажем тебе, отец. У тинне на юге жизнь лучше, чем у нас. У них есть лучшая одежда и кофе каждый день, а также повозки, на которых они ездят или везут тяжелые грузы. У них есть лопаты, с помощью которых они строят хоганы и копают колодцы для своих овец. У них также есть шляпы, которые

защищают от солнца летом и от снега зимой. Почему у нас нет таких же хороших вещей? Нам нужны колодцы, а у нас нет ничего, чтобы их копать. Мы ходим с непокрытой головой, и солнце обжигает наши волосы. Мы устали от мяса без питья. Поэтому мы думаем, что нам следует спуститься вниз, увидеться с белым человеком и получить некоторые из этих необходимых вещей».

На эту одобренную речь старый Биг Моггасен резко ответил: «Я слышал об этих вещах уже давно, но медведь не дарит мне свои уши из любви ко мне. Почему белый человек дает эти вещи? Я ловил оленей такими хитрыми действиями. По какой-то причине наши кузены питаются сладкими вещами, которые дает им белый человек. Они хотят сделать нас своими пленниками. Они украдут наших детей и наших жен. Я знаю о повадках белых людей уже много лет. Я стар, и мое лицо изрезано морщинами от размышлений о них. Мне не нужно, чтобы мальчики учили меня таким вещам».

Всю ночь шла бурная дискуссия. Большой Моггасен стоял как скала в потоке течения. Он снова и снова повторял свои аргументы. «Белые люди не дают свои пальто тинне без надежды на вознаграждение. Это все уловка».

Наконец он уступил и согласился пойти с двумя своими старшинами к Маленькому Отцу и самому выяснить всю правду. Он пошел неохотно и с нахмуренными бровями, потому что не был уверен, что вернется обратно. Все старики разделяли его чувства, но Бурый Медведь и Четыре Пальца, которые много путешествовали, открыто смеялись и говорили: «Смотрите, они идут, как больные. Их головы свисают к ногам, как у больных пони. Им нужно немного горячего напитка белого человека».

Они три дня шли на юг, попадая в жаркий сухой климат, который им не нравился. Травы было мало, и овцы бегали туда-сюда в поисках еды, даже ели полынь. Женщины повсюду плели одеяла, и каждую ночь, когда они останавливались, мужчины с севера пили кофе, и люди рассказывали много странных вещей о белых. Старики слышали об этом раньше, но не верили. Некоторые женщины говорили: «Мои дети уехали в большой дом белых людей. Они носят одежду белых людей и три раза в день едят из белой посуды. Они учатся жить по-белому».

«Мне это не нравится, — сказал Большой Моггасен, — они хотят украсть их и заставить работать на белых людей. Почему они так поступают?»

Одна женщина подняла большую круглую серебряную монету: «Видишь это? . Мой муж копает для белых людей далеко на юге, где бегает большой железный конь, и каждый день получает по одной такой монете. Поэтому у нас часто есть кофе и мука, а также обувь и теплая одежда».

Большой Моггасен покачал головой и пошел на юг. Наконец он пришел к месту, где в старину бывали солдаты, и увидел несколько больших новых красных домов, много мальчиков и девочек и десять белых людей, а вокруг стояли квадратные хоганы, в которых жил и Тинне. У двери одного из этих хоганов стоял седовласый мужчина и сказал:

«Друг, я не знаю тебя, но ты желанный гость. Заходи и поешь».

Старик вошел, и вскоре Большой Моггасен рассказал ему свое имя, о чем он пришел и о своих страхах.

На это седовласый ответил: «Это естественно, что ты так чувствуешь. Когда-то я чувствовал то же самое, но белые люди еще не причинили мне вреда. Мои дети научились говорить на их языке и писать. Они счастливее, чем раньше, и это делает меня счастливым. Я не понимаю белых людей. Они странные. Их мысли не такие, как наши, но они творят

чудеса (). Я испытываю к ним благоговейное уважение. Они мудрее духов. Они делают то, что нам невозможно, поэтому я дружу с ними. Они не причинили мне вреда. Мои дети любят их, и я доволен».

Весь вечер старики из северных гор сидели, спорили, задавали вопросы, качали головами. Наконец они сказали: «Хорошо, утром мы пойдем к Маленькому Отцу и послушаем, что он скажет. Нам теперь кажется, что эти странные люди запудрили вам глаза и что они замышляют сделать из вас вьючных лошадей».

Утром они снова пили кофе белых людей со сладким и ели хлеб белых людей, и все это было очень соблазнительным для языка. Затем старый Беловолосый привел их в комнату Маленького Отца.

Маленький Отец был маленьким человеком, который носил очки с стеклами перед глазами. Он был немногословен, и его голос был высоким и пронзительным, но спокойным.

«Что такое?» — спросил он Беловолосого на языке тинне.

«Это те, кто из гор», — ответил Беловолосый. «Это Большой Моггасен».

Маленький Отец встал и протянул руку: «Как ваше здоровье?»

Большой Моггасен холодно пожал ему руку.

«Это Высокий Человек и Серебряная Стрела».

После того как они пожали друг другу руки, Маленький Отец сказал: «Садитесь, мы покурим». Он дал им табак, и когда они скрутили его в маленькие бумажные листки, он сказал: «Ну, что я могу для вас сделать?»

После долгой паузы Большой Моггасен внезапно начал: «Мы живем в горах, в трех днях пути отсюда. Мы бедны. У нас нет повозок и лопат, как у людей, которые живут здесь. Мы одной крови с ними. Мы не понимаем, почему у нас не должно быть этих вещей. Мы пришли за ними. Мой народ хочет повозки, чтобы перевозить бревна, лопаты, чтобы копать колодцы, и упряжь, чтобы запрягать наших пони».

На это Маленький Отец ответил: «Да, у нас есть эти хорошие вещи, и я дам их вашему народу. Они предназначены для тех, кто добр и следует по стопам белого человека. Мы хотим помочь и вам. Вы привели с собой детей?»

«Нет».

«Вы должны это сделать. Мы хотим дать образование вашим детям. Если вы приведете двадцать детей в школу, я посмотрю, что я могу для вас сделать».

Большой Моггасен резко ответил: «Я пришел не для того, чтобы говорить о школе».

Ответ был быстрым и суровым: «Но я пришел. Вы ничего не получите, пока не пришлете своих детей ко мне на обучение».

Вена Большого Моггасена вздулась от прилива горячей крови. Он вскочил на ноги, напряженный и жесткий. «Нет. Мои дети не придут. Я не верю в белых людей и их обычаи. Мне не нравятся обычаи белых людей. Я стар и видел многое. Белые люди опьяняют наших молодых мужчин. Они крадут наших дочерей. Они завоевывают их сердца сладкими напитками и одеждой. Они — волки».

Маленький Отец оставался спокойным. «Это правда, что есть плохие белые люди, но есть и хорошие».

«Я таких не вижу», — проворчал вождь. «Всю свою жизнь я отталкивал белых людей, потому что они пришли, чтобы украсть нашу землю. Я не хочу, чтобы мои дети учились их обычаям».

«Тогда ты не можешь получить ни одного из подарков великого человека».

«Тогда я пойду домой так же, как пришел, голодный и замерзший», — ответил старик, укутываясь в одеяло.

«Чтобы показать, что я не сержусь, — сказал Маленький Отец, — я дам тебе что-нибудь поесть на дорогу домой».

Старик стал суровым и решительным. «Я пришел не для того, чтобы просить у белых людей. Я пришел не для того, чтобы просить что-то для себя. Я пришел, потому что мой народ на совете решил послать меня. Я пришел. Я стар и не отступил от обычаев своих отцов. Я жил до сих пор без помощи белых людей, я умру так же, как жил. Я сказал свое слово».

Резко повернувшись, он вышел, а за ним последовали его спутники и старый Беловолосый, лицо которого было очень печальным.

ДЕТЬ БУРИ

ДЕТЬ БУРИ

В теплом шатре Ваумдисапы, вождя тетонов, царило спокойствие. Там всегда было мирно, потому что долг вождя — обеспечить гармонию и счастье своего народа, — но в этот зимний день было вдвойне спокойно, потому что на верхушках высоких ив поднялся сильный шум, а по траве пустынной равнины неистово скользил ледяной пыль. Почти все мужчины племени были в лагере, так как ветер был очень сильным.

Ваумдисапа спокойно слушал, как поток снега хлещет по крыше его вигвама, и чувствовал его на ладони, когда он иногда просыпался через дымоход, и говорил: «Пусть демоны воют, а белые пески скользят — мой народ в безопасности здесь, за холмами. С едой и большим количеством одеял мы можем ждать».

Час за часом он курил или серьезно размышлял, его ум был заполнен стремлениями и опасностями прошлого. Время от времени, когда пожилой морщинистый воин поднимал дверной полог, его приглашали войти, чтобы покурить табак и поговорить о приближающихся духах зимы.

В соседней хижине жена вождя работала у котла, напевая тихую песню, пока следила за огнем, и сквозь рев, свист и стоны воздушных духов слышалось, как другие женщины весело стучали по пути от костра к костру. Несколько охотников все еще были в поле, но никто не беспокоился о них. Буря была предметом шуток и сравнений с другими днями. Никто не боялся ее мрачной силы. Разве она не была частью природы, врагом, с которым всегда приходилось сталкиваться!

Внезапно звук стога прервал размышления вождя. Дверь палатки была с силой распахнута, и с хриплым воплем Ома, молодая вдова, вошла в хижину и бросилась к ногам Ваумдисапы. «Мой ребенок! Мой маленький мальчик пропал в снегу. О отец, пожалей меня — помоги мне!»

Вождь быстро расспросил ее. «Где?»

«Там!» — она указала рукой — диким жестом в сторону сурового, безжалостного севера. «Я была с братьями на охоте на бизонов — разразилась буря — мой ребенок отбился от лагеря. Мы не могли его найти. Они ушли, взяв меня с собой. Они не позволили мне остаться. Пошлите охотников — найдите его. Пожалей меня, отец!»

Вождь повернулся к ее братьям (которые последовали за ней и смотрели с грустными лицами) и сказал: «Это правда?»

«Да!» — ответили они. «Мы были во временном лагере. Мы отдыхали. На нас обрушилась буря. Все было в смятении. Ребенок отлучился — снег, должно быть, быстро его накрыл. Мы не могли его найти, хотя долго и упорно искали. Буря усилилась. Некоторые из нас пошли за женщинами и детьми в лагерь. Трое из нас, мои братья и я, остались искать мальчика. Мы не могли его найти. Он зарыт глубоко в снегу».

Вождь, тронутый страданиями женщины, встал, чтобы сделать ей замечание. «Вернись!» — строго сказал он. «Возьми с собой других молодых людей. Обыщите каждый сантиметр земли вокруг вашего лагеря».

«Скоро наступит ночь».

«Неважно — ищите!» — приказал вождь.

Вскоре была собрана группа храбрых воинов. Когда они уезжали в бурю, Ома хотела пойти с ними, но вождь не позволил ей.

Весь день она оставалась в хижине вождя, прижавшись к его ногам, слушая, стоная, ожидая. Она была слаба от голода и дрожала от холода, но не хотела есть и не хотела идти к своему тихому и одинокому очагу.

«Нет, нет, отец, я останусь с тобой», — сказала она.

Темнота быстро опустилась на лагерь. Холод усилился. Буря усилилась, выя над ивами, как армия летающих демонов. Снег бил по крепким кожаным хижинам и падал кучами, которые становились все выше, но матери из лагеря приходили одна за другой, молодые и старые, чтобы утешить пострадавшую, говоря слова ободрения.

«Они приведут его».

«Храбрые охотники найдут твоего мальчика».

«Они не знают страха».

«У них зоркие глаза».

«Их сердца теплые».

«Они спасут его».

Тем не менее, по двое, закаленные следопыты возвращались, замерзшие, уставшие, покрытые льдом, с грустными лицами и опущенными глазами. «На равнине царит тьма», — докладывали они. «Ничто не шевелится, кроме снега. Мы тщательно обыскали местность. Мы звали, прислушивались, но никто не отвечал. Ничего не видно и не слышно».

С каждым возвращающимся безрезультатным разведчиком горе и отчаяние матери углублялись. С разбитым сердцем она лежала на земле, лицом в пыли, а вокруг нее продолжали звучать печальные песни женщин. Поистине, ее положение было жалкое.

«Потерять единственного ребенка — это печально. У нее нет мужа. Она одинока».

«Бог солнца покинул ее», — сказала одна старуха. «Он зол. Она пренебрегла каким-то жертвоприношением».

Наконец Хаконе, самый смелый и настойчивый из всех разведчиков, тот, кто любил Ому, бесшумно вошел и упал без сил рядом с костром вождя.

«Наступила ночь, черный незнакомец, — сказал он, — я не могу больше искать. Дважды я сбился с пути, дважды падал с лошади. Ветер ослеплял меня. У меня перехватило дыхание. Я долго искал лагерь. Меня вел сигнал костров. Ребенок мертв».

С хныканьем от боли бедная мать упала на пол и лежала, как мертвая, не слыша ни звука. Всю ночь она тихо стонала, а женщины, которые подняли ее и унесли, пели песни скорби (), чтобы научить ее, что горе — удел всех женщин, а счастье — лишь краткий луч солнца в мире теней.

II

Наконец наступило утро, тихое, холодное, ясное и безмятежное. Высокие деревья стояли неподвижно, как будто застыли в железе, а дым от каждого костра поднимался медленно, как будто боялся покинуть вход в вигвам. Кое-где старушки сутились, неся топливо. Собаки бродили по лагерю, скуля от холода и поднимая полузамерзшие лапы. Лошади беспокойно кружились, теряясь друг о друга, чтобы согреться. Действительно, это было утро безжалостной жестокости — равнина была безграничным царством мороза.

В палатке Омы к горю добавилась физическая агония, или так казалось, но на самом деле мать испытывала только скорбь. Она была слишком хорошо обучена ужасами равнин, чтобы не знать, насколько верно было дело зимнего демона. Где-то там ее милый маленький ребенок лежал неподвижно и безжизненно в своей ледяной постели — где-то на дикой и безжалостной возвышенности его маленькие конечности были во власти холода.

Один за другим ее друзья собрались, чтобы помочь ей перенести утрату — они спешили предложить ей еду, быстро развели огонь, — но она не слушала их, не могла смотреть на веселое пламя. Мясо и жар углей не могли согреть ее замерзшее, безнадежное сердце.

Наконец, сам вождь пришел к ней, чтобы еще раз подробно расспросить о ее потере. «Мы будем искать дальше, — сказал он. — Мы найдем мальчика. Мы приведем его к тебе. Будь терпелива».

Вдруг раздался крик: «Белый человек! Белый человек!» И предупреждающий крик, переходящий от уст к устам, сообщил новость Ваумдисапе.

«Белый человек едет на пони и несет что-то в руках. Он уже в пределах лагеря!»

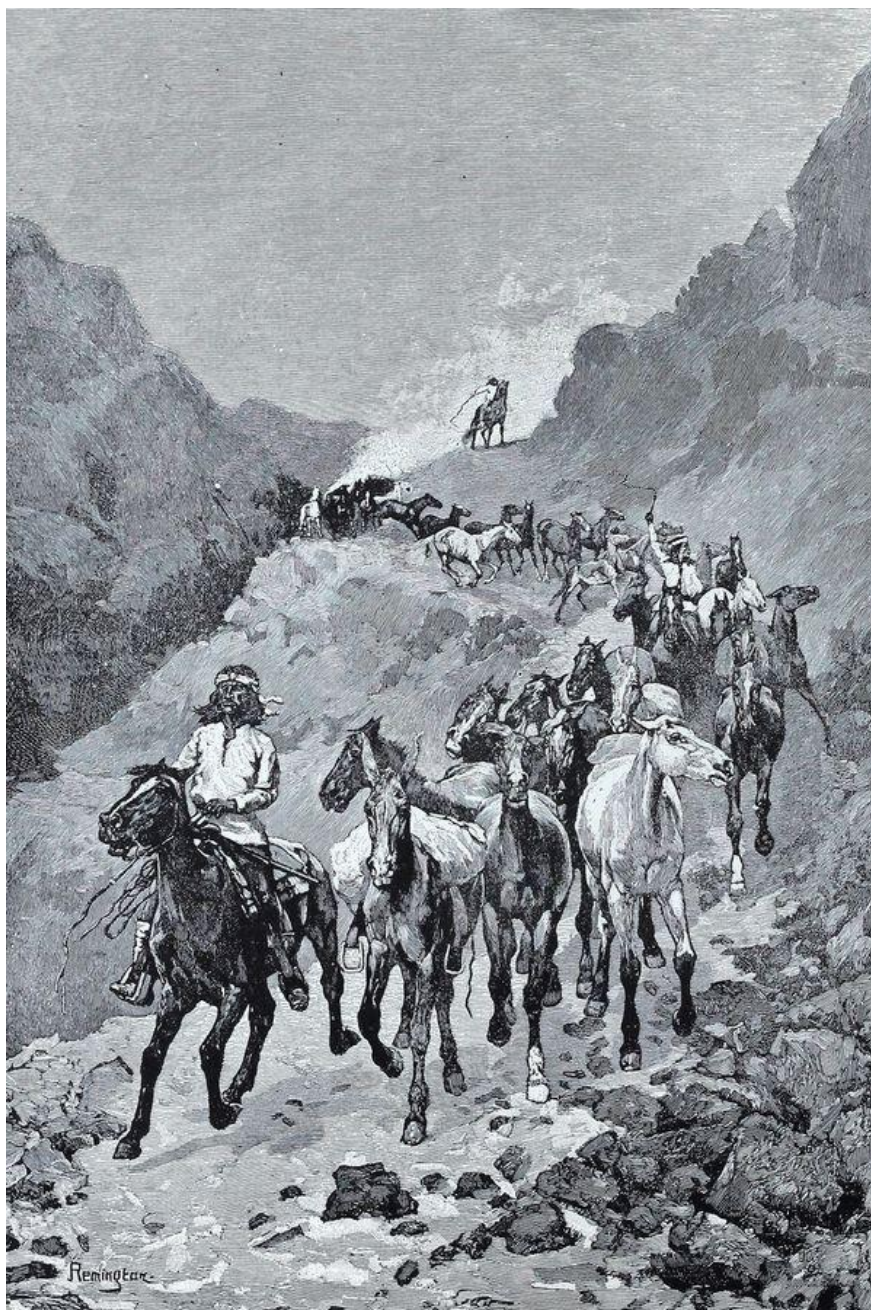

Следы на снегу

Для старого охотника следы на снегу — как открытая книга, и именно по этим «знакам» на тропе охотники на бизонов поняли, что сиу подкрались к курьеру, когда он отдыхал в лесистой долине, и засыпали его пулями, положив конец его карьере. Всаднику равнины, покрытые снегом, казались действительно пустынными, но, как он хорошо знал, в те дни нельзя было доверять тому, что равнины были такими же пустынными, какими казались, учитывая возможность того, что мистер Сидящий Бык или мистер Сумасшедший Конь с отрядом своих храбрецов могут выскочить из какой-нибудь лощины, намереваясь содрать скальп с любого случайного путника.

Иллюстрация из книги «Когда документ является официальным» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, сентябрь 1899 г.

Джеронимо и его отряд возвращаются с набега в Мексику

Покинув свои резервации под руководством таких вождей, как Джеронимо, индейцы апачи в период с 1882 по 1886 год укрывались в горах Сьерра-Мадре и из этой крепости совершали набеги на поселения в Мексике и Аризоне.

Иллюстрация из книги «Проблемы границы» Уильяма М. Эдвардса

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 18 августа 1888 г.

«Приведите его ко мне!» — приказал Ваумдисапа. «Я узнаю, зачем он пришел».

Ома не обращала на все это никакого внимания. Что для нее значили живые существа теперь, когда она была полностью опустошена горем?

Но плач ребенка пронзил ее сердце, и она вскочила, прислушавшись внимательно, как раз в тот момент, когда улыбающийся молодой белый человек с узелком на руках вошел в дверь и, небрежно кивнув вождю, сказал на языке сиу: «Вот маленький мальчик, которого я нашел вчера ночью в снегу. Думаю, ему здесь место».

Обезумевшая мать бросилась к нему и вырвала ребенка из его рук. Ее крик радости был сладок для слуха, и когда она прижала ребенка к себе, смуглое лицо охотника стало очень нежным, хотя он и смеялся.

«Думаю, этот малыш попал в нужное место, вождь. Я думал, что он принадлежит вашему племени».

Затем Ваумдисапа пожал ему руку и велел ему сесть. «Идите укройте лошадь белого человека, — сказал он своим людям, — и объявите праздник, потому что потерянный ребенок найден. Этот добросердечный чужак вернул к жизни мертвого, и мы все рады».

Охотник засмеялся с некоторым смятением и отложил еду, которую женщины начали ему навязывать. «Я должен уйти, вождь. Мои люди ждут. Я не заслуживаю такого внимания».

«Я пошлю гонца, чтобы сообщить, что ты здесь. Они тоже придут на наш праздник».

«Они могут убить вашего посланника, потому что мы находимся в состоянии войны».

Вождь задумался. «Напиши большими буквами на листе бумаги. Скажи, что мы больше не воюем. Этот поступок сделал нас друзьями. Ты один из нас — мы будем чтить тебя. Мы не можем тебя отпустить. Видишь радость матери? Она хочет поблагодарить тебя!»

Это была правда. Ома, держа ребенка на руках, стояла на коленях перед молодым охотником, с благодарностью подняв лицо. Она взяла его руку, поцеловала ее и прижала к щеке.

«Ты хороший человек. У тебя смелое и теплое сердце. Ты вернул мне моего ребенка. Я люблю тебя. Отныне я буду любить всех белых людей. Остайся и пообедай с нами, потому что я очень счастлива».

Покраснев от смущения, молодой человек отшатнулся. «Не делайте этого! Я сделал очень мало. Любой белый человек поступил бы так же».

Но люди снега не хотели этого. Улыбаясь, они обняли его и не отпускали. «Нет, ты должен остаться и потанцевать с нами. Мы пошлем за твоими товарищами — мы заключим новый мирный договор. Наша благодарность сделает нас братьями».

Как цветок, распускающийся на мокрой траве после дождя, мать подняла голову, и ее лицо засияло от радости. Ребенок не пострадал от мороза, даже пальцы на ногах не замерзли, и он снова заснул, как только его накормили. Тогда бабушка уложила его и подошла к его спасителю, выражая ему свое благоговение робкими жестами. Она улыбалась так лучезарно, что молодой человек удивился ее перемене, и ее восторг пробудил в нем сострадание. Тогда вождь сказал:

«Смотри! Ома — вдова. Она уже любит тебя. Останься с нами и возьми ее в жены».

Тогда молодой человек стал еще более обеспокоенным, чем раньше, и с колебанием сказал: «Нет, вождь, я не могу этого сделать — далеко, среди белых деревенских жителей, есть девушка, которая должна стать моей женой. Я не могу жениться на ком-то другом. Я дал клятву».

Добрый старый вождь не стал настаивать, но женщины заметили, как растет благодарность Омы, и одна из них взяла охотника за рукав, а Ома стояла перед ним в замешательстве и сказала: «Смотри! Ты сделал ее очень счастливой. Она хочет показать тебе, как много она тебе обязана — останься и будь счастлив».

Он оттолкнул их, но не грубо. «Нет, — повторил он. — Я должен уйти», — и направился к двери хижины, странно взволнованный страстью этой примитивной сцены. Эти благодарные женщины тронули его, но он не оглянулся.

Ваумдисапа последовал за ним. «Друг, скажи мне свое имя».

«Ваш народ называет меня «Пылающая Рука», — ответил молодой человек.

«Ха!» — воскликнул вождь в удивлении. «Пламенная Рука! Ты очень уважаем среди моих людей. Ты быстро стреляешь».

Пламенная Рука! Это имя переходило из уст в уста, потому что все слышали об этом безрассудном и безжалостном молодом преступнике. Они с еще большим нетерпением толпились, чтобы увидеть его, но через мгновение вождь восстановил свое спокойное достоинство. «Пламенная Рука, ты уже помогал моему народу. Теперь мы вдвойне заинтересованы в том, чтобы ты остался с нами...»

Молодой человек поднял дверной козырек. «Адиос», — сказал он, устремив взгляд на Ому.

Она подняла ребенка с постели и побежала к нему. «Я слышала твое имя. Оно останется в моих ушах, пока я жива, и я научу своего ребенка произносить его, чтобы он мог говорить его после моей смерти».

Ваумдисапа позвал своих разведчиков: «Проследите, чтобы этот человек был благополучно доставлен к своим товарищам. И пусть никто не трогает его. Отныне мы братья. Он и его люди могут охотиться и ставить ловушки где угодно на земле Тетон».

Когда незнакомец уезжал, на лице Омы было серое выражение, но голос ее ребенка утешил ее. Она снова улыбнулась и сказала: «Возможно, добрый охотник вернется. Лицо Пламенной Руки навсегда останется в моем сердце».

ЖАЖДА КРОВИ

ЖАЖДА КРОВИ

Джон Сегер, которому было поручено организовать почтовую доставку по всей стране от Форт-Рено до Кэмп-Сапплай, выбрал своего друга Маленькую Робу в качестве проводника. Маленькая Роба был чейеном, высоким, серьезным и довольно молчаливым человеком, пользующимся большим уважением в своем племени. Как раз когда они собирались выйти в путь, он сказал своему нанимателю с мягкой решимостью:

«Я не знаю вас, вы не знаете меня. Я — шайенн, вы — белый человек. Лучше не брать с собой оружие. Каждый из нас может взять нож для использования в лагере, но никаких ружей».

Сегеру это показалось немного рискованным, но, понимая, что его жизнь в любом случае находится в руках краснокожего, он решил согласиться. «Хорошо, — сказал он. — Если вам не нужно оружие, то и мне тоже».

Управляя парой лошадей и везя с собой скудное снаряжение для кемпинга, Сегер отправился в путь с надеждой. Это были дни «Звездных маршрутов», и это была фальшивая линия, но ни он, ни Роб не знали об этом. Они были действительно очень серьезны.

Погода была прекрасная, а прерии великолепны. Жаворонки свистели, кулики кричали. «Я никогда в жизни не наслаждался поездкой так, как сейчас», — сказал Сегер, а что касается Маленького Роб, то он оказался отличным компаньоном. Его рассказы были очень поучительными. Он ни разу не стал грубым или банальным, и после второго дня Сегер полностью ему доверился, хотя в первую ночь он ушел спать с некоторым опасением.

Вскоре он понял, почему ему порекомендовали Робу. Его знание всей страны было до мельчайших подробностей. Каждый ручей напоминал ему какую-то историю, каждый холм пробуждал воспоминания. По мере того как он начинал симпатизировать своему белому спутнику, он все более свободно рассказывал о своей жизни воина, рассказывая истории, подобно тому, как Сегер рассказал бы о своей роли в кампании Висксбурга, если бы мог говорить об этом. Для вождя каждое предприятие в его карьере было почетным. Все дело в точке зрения.

Он также знал небо и мог определять свой курс почти так же хорошо ночью, как и днем, и Сегер вскоре проникся к нему искренним восхищением и симпатией. Он был так же ловким, как женщина, вокруг лагерного котла и никогда не проявлял усталости, гнева или сомнений.

Однажды ночью, когда они ехали в лагерь в долине небольшого ручья, Роб огляделся вокруг с большей, чем обычно, осторожностью, и на его лице отразилась заметная тень. «Я знаю это место», — сказал он, и Сегер понял, что его опечалило какое-то воспоминание, связанное с этим местом.

Он больше ничего не говорил, пока они не поужинали и не сели у тлеющего костра; тогда он начал медленно излагать свои мысли.

«Да, друг мой, я знаю это место. Оно наполнено грустными воспоминаниями. Много лет назад я разбил здесь лагерь. Тогда я был молодым и безрассудным воином, но со мной были моя жена и маленькая дочь». Его губы приобрели почти женственную мягкость, когда он сделал паузу. «Она была очень милой, моя девочка. Ей было пять лет, и она умела плавать, как выдра. Она часто плескалась в этом маленьком озере. Несколько дней я разбивал здесь лагерь, раздумывая, ехать ли мне дальше на юг или нет. Понимаешь, друг мой, мне нужны были лошади, а в те времена у молодых воинов моего племени было принято совершать набеги на людей в остроконечных шляпах, которых вы называете мексиканцами, чтобы отогнать их лошадей. Это считалось храбрым и почетным делом, и я очень хотел поехать и обогатиться.

«Моя жена не хотела, чтобы я отправлялся в это путешествие. Она плакала, когда я рассказал ей о своем плане. «Не уезжай, — сказала она, — останься со мной!» Тогда я начал думать о том, чтобы взять с собой ее и мою маленькую дочь, потому что я не хотел расставаться с ними даже на один день. Моя дочь была такая милая, с круглыми щечками и яркими глазами. У нее были маленькие ручки с ямочками, и когда она обнимала меня за шею, мое сердце таяло, как воск».

Голос старого воина задрожал, когда он дошел до этого места в своей истории, и долгое время он не мог продолжать. Наконец он *wiedererlangte seine Fassung*. «Было глупо совершать набег — было очень неправильно брать с собой мою маленькую дочь, но я не мог оставить ее. Поэтому однажды я вместе с женой, дочерью и тремя братьями отправился на юго-запад, решив добыть несколько пони.

После первых двух дней мы путешествовали ночью и днем разбивали лагерь в укромном месте. Мы медленно продвигались вперед, пока наконец не подошли к небольшой деревне Людей в остроконечных шляпах, где, по слухам, можно было добыть хороших лошадей и мулов, проявив смелость и ловкость.

Мои собственные пони были плохими и слабыми, и когда я увидел лошадей в этой деревне, я очень захотел заполучить некоторых из них. Особенно я желал получить прекрасную гнедую кобылу. Получить ее было нелегко, потому что эти люди много раз подвергались набегам команчей и были очень осторожны, собирая своих лучших животных ночью и помещая их в высокий загон. Тем не менее, я сказал своим братьям, чтобы они были готовы, а сам решил рискнуть, открыть ворота и выгнать нашу добычу.

Моя жена умоляла меня отказаться от своего плана. Она плакала и цеплялась за мою руку. «Это приведет к беде, я чувствую это, — говорила она. — Тебя убьют». Но я дал слово. Я не мог его не сдержать. «Забери мою жену, — строго сказал я младшему брату. — Забери ее и малышку и езжай на север, к тому черному холму. Я встречу вас там на рассвете», — сказал я.

«Моя жена взяла на руки нашу маленькую дочь, и мой брат увел их. Я слышал, как моя жена стонала, когда они уезжали в темную ночь...»

Глубокий голос снова задрожал, когда он вспомнил этот прощальный вопль, но вскоре он спокойно продолжил: «Я медленно прокрался вперед. Я дошел до загона, но не мог найти ворота. Они были на стороне, ближайшей к деревне, и когда я прокрался вокруг, ощупывая столбы, собаки начали лаять. Однако я продолжал идти и наконец нашел и сбил решетку. Войдя в загон, я начал хлестать лошадей своим лассо. Когда гнедая лошадь собиралась пройти мимо меня, я схватил ее и прыгнул ей на спину. Через несколько мгновений я гнал все стадо, как вихрь, по равнине.

«Мой брат присоединился ко мне, и мы попытались повернуть стадо на север, но лидеры доставили мне большие неприятности. Наконец, некоторые из них сбежали и вернулись в

деревню. Мы слышали крики, нас преследовали. Поймав лассо и связав некоторых из лучших пони, которых мы смогли догнать, мы гнали их перед собой к холму, очень довольные своей добычей.

Мы шли быстро, догнали моего брата, жену и маленькую дочь, но после этого не могли ускориться из-за ребенка и его матери, а также из-за лошадей, две из которых были хорошими, но очень упрямыми. Я не мог согласиться отпустить их, хотя знал, что задерживаюсь и подвергаю опасности своих близких. Это было очень глупо, и я поплатился за свою глупость.

Мексиканцы, должно быть, имели в запасе других лошадей, уже оседланных, потому что они быстро настигли нас и вскоре начали стрелять. Почти первый же выстрел попал моей жене в спину и, пролетев насквозь, ранил мою маленькую дочь. Я обернулся и начал стрелять в ответ, и мои преследователи отступили. Мы бросили всех лошадей, кроме двух, и когда моя жена рассказала мне о своей ране, я взял маленькую дочь на руки и поспешил к месту, где можно было спрятаться. Моя жена была тяжело ранена, но села на другую лошадь и последовала за мной.

«В тот день мы мчались со всех ног, принимая все меры, чтобы скрыть свои следы. Я не знал, насколько тяжело ранена моя дочь, но она стонала от боли, и это почти разбивало мне сердце, но я не смел останавливаться. Я понял, как я был глуп, привезя ее в эту страну, но мое раскаяние пришло слишком поздно. У каждого ручья я давал ей пить и омывал ее рану, но это не помогло — она умерла у меня на руках...»

Воин резко замолчал. Его губы дрожали, а глаза были затуманены воспоминаниями, слишком печальными, чтобы о них говорить. Несколько минут он сидел в тишине, слезы катились по его загорелым и морщинистым щекам. Наконец он с трудом продолжил.

«Друг мой, мы похоронили ее там, в той одинокой стране, и продолжили свой путь. Но после этого я не мог спать. Когда я закрывал глаза, я видел маленькое круглое личико моей малышки и чувствовал ее мягкие ручки на своей шее, и мое сердце было полно горечи. Я жаждал мести. Моя кровь требовала смерти человека, чья пуля унесла ее жизнь. Каждую ночь, когда мы возвращались домой, мое сердце горело в груди, пылая ненавистью. Оно было как живой уголь в моей плоти.

Моя жена, зная о моих намерениях, умоляла меня не возвращаться на юг, но я не слушал ее мольбы. Я собрал вокруг себя свой клан. Я призвал тех, кто хотел помочь мне отомстить за смерть моей дочери, присоединиться ко мне. Многие откликнулись, и наконец, с отрядом храбрых молодых людей я вернулся и обрушился на этот город, как вихрь.

Когда я покинул его, от него осталась только куча пепла. Из всех, кто жил в этой деревне, ни один не ускользнул от меня — ни один». Затем, с лицом, как из бронзы, и с библейской лаконичностью, он заключил: *«После этого я заснул»*.

РАСКАЯНИЕ ВАУМДИСАПЫ

РАСКАЯНИЕ ВАУМДИСАПЫ^[2]

В лагере Ваумдисапы царила раздора. Его двоюродный брат Маттован, завидуя славе своего вождя, замыслил унизить и уничтожить его.

Ваумдисапа, которого те пограничники, кто знал его лучше всего, называли «королем равнин», был известен во всей долине Платт. Серьезный, величественный, с суровым лицом и внушительной фигурой, он интеллектуально превосходил всех своих соплеменников, как его великолепное тело возвышалось в танце, будучи природным лидером людей. Его народ по-прежнему жил своей жизнью, счастливый на своих землях, свободный приходить и уходить, перемещаясь с севера на юг вслед за бизонами, не нуждаясь в белом человеке ни в чем, кроме его ружей для охоты на бизонов и патронов. В те дни женщины высыпали муку из своих пайков на траву, чтобы использовать ткань мешка, не заботясь о пище бледнолицых, которая считалась ослабляющей и разрушительной для воинов и охотников.

Однако даже в те дни Ваумдисапа был дружелюбен с торговцами и, как и знаменитый Сидящий Бык с севера, только заботился о том, чтобы его народ не развратился от контактов с белыми, ревностно охранял свои земли и решительно поддерживал традиции своего племени. У него было сердце настоящего вождя — все свое огромное влияние он использовал для поддержания мира и порядка. Он не носил оружия, за исключением ножа, которым он резал табак и мясо, а на руке у него висела бисерная сумка, в которой лежала священная трубка дружбы и медитации, и везде, где он появлялся, прекращались беспорядки.

По этим причинам он был очень любим своим народом. Никто его не боялся — даже дети плененной женщины из племени ютов, которая служила Иапе, — и все же он завоевал свое превосходство благодаря великим деяниям, а также сильным и мирным мыслям. Он был также трогательным оратором — изящным и грациозным в высказываниях, всегда примирительным и умиротворяющим. Часто он отвращал ядовитую руку мести и охлаждал горячее сердце войны. В племенной политике он всегда был на стороне справедливости.

Маттован тоже был храбрым воином, человеком, уважаемым за свое мастерство в верховой езде, умение обращаться со смертоносным оружием, а также отличавшимся бурной красноречивостью — но его также боялись. Его рука была быстрой даже по отношению к своим братьям в совете. Он не мог терпеть ограничений. Время от времени сдерживаемый Ваумдисапой, он мрачнел от гнева, и в его сердце желание мести тлело, как скрытый огонь в дупле большого дерева.

Он был амбициозен. «Почему Ваумдисапа должен быть вождем? Разве я не равен ему по статусу, по славе воина?» Так он спорил со своими друзьями, сея недовольство. «Ваумдисапа стареет», — презрительно говорил он. «Он говорит о мире, о подчинении белым людям. Его сердце больше не принадлежит воину. Он много сидит в своем вигваме. Пора его убрать».

Когда вождь услышал эти слова, он был очень опечален и очень зол. Он сразу созвал совет, чтобы обсудить, что делать с предателем, и все племя задрожало от волнения и страха. Что

это значило, когда два самых храбрых человека племени стояли лицом к лицу, как разъяренные пантеры?

Когда вожди собрались, Ваумдисапа, вежливый, серьезный и сдержанный, посадил Маттована слева от себя, а старого Мато, наследственного вождя, справа, и сел с невозмутимым выражением лица. Вне шатра совета женщины сидели на земле — молчаливые, внимательные, приблизившись к говорящим ближе, чем они обычно подходили. Дети, даже девочки-младенцы, прижались к своим матерям — их желание играть было поглощено смутным предчувствием надвигающейся беды. Не готовилось никакого пира, улыбки были редкими и украдками. Никто не знал, что должно было произойти, но предчувствие беды охлаждало их.

Вождь зажег свою трубку и передал ее Мато, который поднес ее ко рту, сделал глубокий затяжку и передал соседу. Так она медленно переходила от человека к человеку, а Ваумдисапа сидел молча, опустив глаза, ожидая ее возвращения.

Когда трубка дошла до Маттована, он, предатель, с презрительным жестом пропустил ее мимо.

Вождь снова принял ее твердой рукой, но из-под опущенных век внезапно вырвалось пламя. Передав трубку Мато, он поднялся, доброжелательно, но грустно оглядел круг и очень тихо начал:

«Братья, лакотаны — великий народ, справедливый и великодушный по отношению к своим врагам, верный законам своего племени. Я ваш вождь. Вы все знаете, как я им стал. Некоторые из вас знали моего отца — он был великим воином...»

«Да, так и было», — сказал Мато.

«Он был также мудрым и добрым человеком», — продолжил Ваумдисапа.

«Да, да», — хором ответили несколько стариков.

«Он воспитал меня в духе добра. Он научил меня уважать старших и почитать своего вождя. Он рассказывал мне истории нашего племени. Он научил меня молиться — и стрелять. Он научил меня танцевать, петь древние песни, а когда я стал достаточно взрослым, он повел меня на войну. Мое мастерство в обращении с копьем и стрелами я перенял от него, он дал мне мужество и научил терпению. Когда он умер, вы сделали меня вождем вместо него, и я тщательно следовал его стопам. Я сохранял мир среди своего народа. Я делился своим богатством с бедными. Я не хвастался и не говорил с завистью, потому что мой отец стыдился бы меня, если бы я так поступал. Теперь пришло время говорить откровенно. Я слышал, что мой брат, сидящий рядом со мной, — Маттован, сын сестры моей матери, — завидует мне. Я слышал, что он хочет, чтобы меня отстранили от власти как человека, более не годного править».

Он сделал паузу, и в зале воцарилась напряженная тишина, но Маттован угрюмо смотрел поверх голов женщин, сжав губы.

Вождь мягко сказал: «Будет так, как вы говорите. Если вы, мои братья, вожди лакотанов, говорите, что я стар и глуп, то Ваумдисапа сбросит свои вождьские одежды и уйдет, чтобы сесть за пределами круга совета». Его голос дрожал, когда он произносил это решение, но, выпрямившись в гордой позе, он твердым голосом заключил: «Братья, я сказал свое слово».

Когда он сел, среди женщин прошел низкий скорбный вздох, и мать Маттована начала петь горькую песню упрека, но кто-то остановил ее, когда поднялся старый Мато. Он был маленьким, с лицом лисы, пронзительными глазами, пронзительным и юмористичным. После обычной вступительной речи оратора он сказал: «Братья, это очень глупо. Кто хочет, чтобы Маттованом был вождь? Только несколько мальчиков и ворчунов. Что он сделал, чтобы стать вождь? Ничего, чего не сделали бы другие. Он сумасшедший. У него злое сердце. Разве он не принесет раздор между нами? Давайте упрекнем этого хвастуна. Я старик — я сижу здесь только по любезности Ваумдисапы, но я не хочу никаких перемен. Я не хочу, чтобы волк стал вождь моего народа. Я сказал свое слово».

Когда трубка пошла по кругу и один за другим вожди вставали, чтобы хвалить и защищать своего вождя, Маттован пришел в ярость. Он дрожал, и его лицо стало свирепым от почти неуправляемой ненависти и разочарования — очевидно, день складывался не в его пользу.

Наконец он вскочил, забыв обо всех правилах приличия и уважения. «Вы все — жены индейцев», — зарычал он. «Вы — собаки, лижущие кости, которые бросает вам этот нытик-трус...»

Он не сказал больше ни слова. С прыжком пантеры его вождь набросился на него и одним ужасным ударом вонзил нож по самую рукоятку в его сердце. Пораженный мгновенным параличом, Маттован на мгновение зашатался среди стонов женщин и хриплых криков мужчин, а затем упал лицом вниз в самом центре совета.

Индийский воин

Иллюстрация из книги «A BUNCH OF BUCKSKINS» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано R. H. RUSSELL, 1901

В течение минуты Ваумдисапа, напряженный и ужасный в своем гневе, стоял, глядя на своего павшего клеветника — неподвижный, угрожающий, готовый снова нанести удар — затем его огромные мышцы расслабились, его глаза затуманились слезами, и с стоном раскаяния и муки он поднял свое одеяло, чтобы прикрыть дрожащие губы, и хрипло прокричал: «Я убил своего брата. Я больше не годен быть вашим вождем».

После этого он бросил на землю свою вышитую сумку для трубки и церемониальный веер, повернулся и медленно пошел, шатаясь и дрожа, через лагерь, на равнину, где бросился на землю и начал петь дикую песню неконтролируемого горя.

Всю ночь он лежал так, скорбя как раненый лев, и его испуганный народ не смел подойти к нему. Снова и снова он кричал мучительным голосом: «Отец, сжался надо мной. Моя рука окрашена кровью моего брата. Я нарушил узы совета. Мое сердце черно от отчаяния! Сжался надо мной! Мой брат!»

Утром он вернулся в свой вигвам, двигаясь как старик, согнутый и без сил, избегая всех взглядов, игнорируя все приветствия, — и когда в следующий раз собрался совет, Ваумдисапа, одетый в лохмотья, с пылью на голове, молча занял свое место за пределами совета — самообвинившись и самоустранившись.

Вид их вождя, так смиренно направляющегося к месту среди неизвестных, глубоко потряс женщин, и среди них раздалась плачущая песня, как осенний ветер, — но Ваумдисапа склонил голову, чтобы скрыть дрожащие губы.

УКАЗ СОВЕТА

УКАЗ СОВЕТА

Большой Нос был заядлым игроком. Как и все племена равнин, ши-ан-най — общительный народ. Они любят общение, обмен шутками и рассказами. Вечером, когда охота заканчивается, они собираются вместе, чтобы рассказывать истории, шутить и обсуждать дела друг друга, точно так же, как это делают крестьяне во французской деревне. А когда хочется развлечься, они танцуют или играют в игры.

Именно это их чувство затрудняет правительству реализацию своих теорий о распределении земель. Трудно искоренить привычку, которая формировалась тысячелетиями. Практически невозможно заставить одного из этих людей покинуть деревню и переехать в свою одинокую хижину в паре километров от соседей. А потребность в развлечениях усиливается печальными изменениями в жизни этих людей. Азартные игры привлекают их точно так же, как и негров и большую часть белого населения. Они играют с таким же упоением, с каким негры играют в кости.

Однажды вечером Большой Нос в компании трех или четырех других людей в центре лагеря Чаркоула играл в игру «Рука». Он выполнял некоторую работу для Поста и принес с собой в лагерь небольшую кучку серебряных долларов. Поэтому он был в отличном настроении для быстрой игры. Но удача была против него. Его небольшой запас денег растаял, и тогда он начал терять своих пони, ружье и, наконец, одеяла и вигвам; все ушло в бездонную пропасть его невезения. До полуночи он проиграл все, кроме одежды, которая была на нем, и достиг состояния, граничащего с безумием.

Для его противников не было ничего слишком малого, чтобы принять, и для него не было ничего слишком ценного, чтобы поставить на кон (). Он начал ставить на кон свои мокасины и закончил тем, что сорвал с себя ремень Гее, что означало его абсолютное обнищание. Разумное существо закончило бы игру на этом, но с отчаянием, до сих пор неизвестным игрокам его племени, он сел голым на землю и проиграл обеих своих жен.

Когда он осознал, что с ним произошло, что он остался абсолютно без дома и средств к существованию, голым на холоде и не имеющим никаких прав на человеческое существование, его безумие покинуло его, и он погрузился в жалкое уныние. Ходя голым по лагерю, он начал плакать о своей нужде: «Пожалейте меня, друзья мои. У меня ничего нет. Ветер холодный. У меня нет одеяла. Я голоден. У меня нет вигвама».

Долгое время никто не обращал на него внимания, потому что они были возмущены его глупостью и не позволяли его женам одеть его или дать ему кров. Однако, наконец, его брат вышел, дал ему одеяло и взял его в свой вигвам. «Пусть это будет тебе уроком, — сказал он. — Ты глупец. Но я жалею тебя».

На следующий день был созван совет, чтобы рассмотреть его дело, которое было самым замечательным из всех, что когда-либо происходили в племени. Многие были за то, чтобы позволить ему самому заботиться о себе, но в конце концов было решено, что его нужно одеть, дать ему вигвам и самое необходимое для жизни.

Вопрос о возвращении ему его жен был гораздо более серьезным, поскольку общее мнение было таково, что мужчина, который таким образом проиграл своих жен, не имеет больше права на женщину.

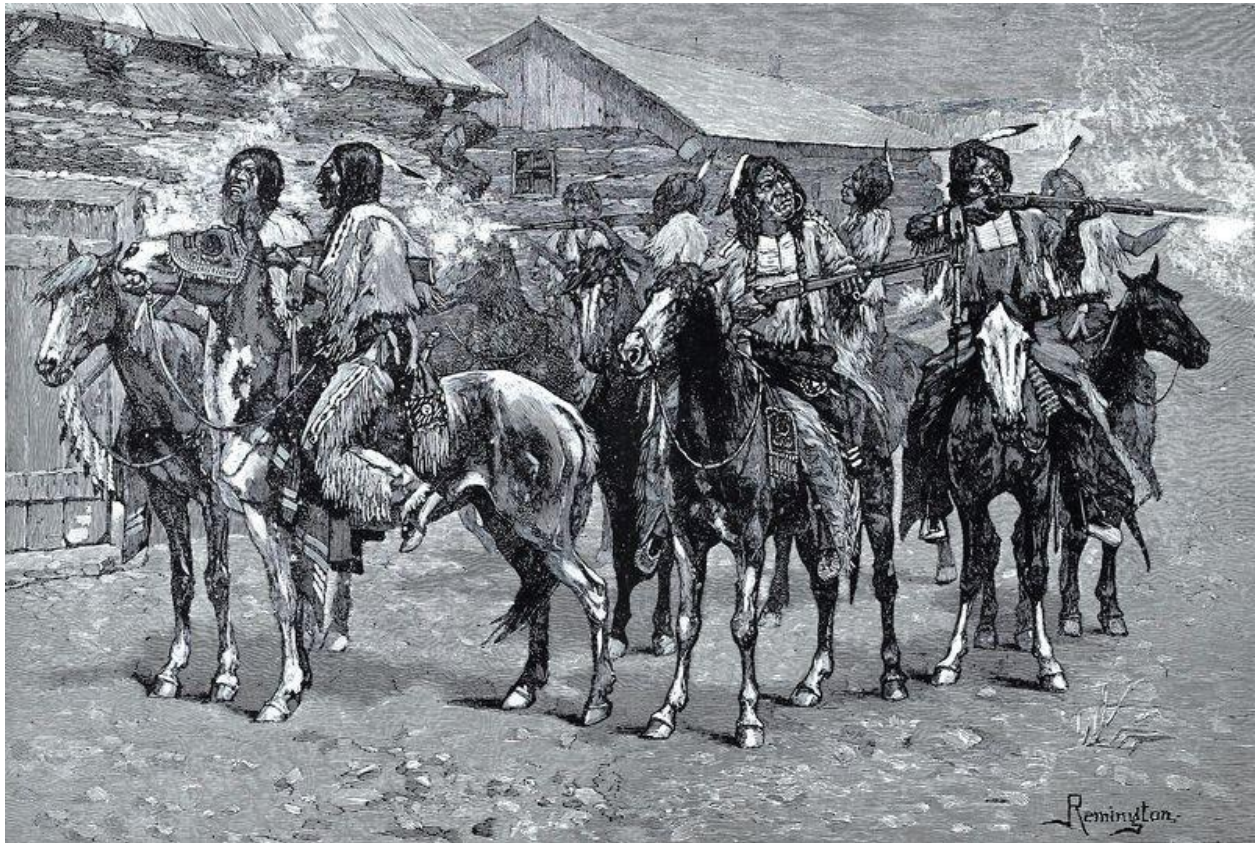
В

индейском лагере

Двое стоящих мужчин спорят о сидящей между ними индианке, за право владения которой они играли в азартную игру. Храбрый воин в набедренной повязке, хотя и проигравший, отказывается, по индейскому обычаю, «положив женщину на одеяло».

Иллюстрация из книги «SUN-DOWN LEFLARE'S WARM SPOT» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, сентябрь 1898 г.

Индейцы племени кроу стреляют в агентство

Этот инцидент произошел в 1887 году в резервации кроу в северной Монтане. Около двадцати молодых воинов кроу, захвативших шестьдесят лошадей в ходе набега на лагерь пиган, бурно праздновали победу, когда агент попытался арестовать их с помощью индейской полиции. На это налетчики отреагировали враждебно и в знак неповиновения начали стрелять по зданиям агентства.

Иллюстрация из книги «Бурные кроу»

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 5 ноября 1887 года

Наконец, старый Чаркоул встал, чтобы выступить. Он был шутливым стариком, в глазах которого мелькали искорки юмора, когда он сказал: «Как вы знаете, у Большого Носа две жены. Одна из них молодая. Она очень трудолюбивая (). Она очень тихая, мало говорит и говорит мягким голосом. Другая старая и имеет острый язык. Ее язык как кнут (), он делает ее мужа умным. Давайте вернем его к его старой жене. Она будет для него хорошим дисциплинарным. Она не даст ему забыть о том, что он наделал».

Это предложение всех рассмешило, и все с ним согласилось. И новость донесли до Большого Носа. «Я не хочу свою старую жену, — сказал он. — Я хочу свою молодую жену».

«Совет принял решение, — прозвучал строгий ответ, — и апелляции не будет».

Большой Нос принял решение племени и решительно повернул свое лицо в правильном направлении. Он бросил азартные игры и стал одним из самых прогрессивных мужчин племени. Усердным трудом он приобрел упряжку и повозку и хорошо работал, перевозя грузы для агентства и торговцев почты.

Однако с годами его старая жена становилась все более и более неудовлетворительной. По какой-то непонятной причине она не заботилась о доме, а всегда переходила из лагеря в лагерь, полная сплетен и нежелательной критики. Все это Большой Нос терпеливо переносил в течение четырех лет. Но однажды он пришел к Сегеру, директору ближайшей школы, и сказал:

«Друг мой, ты знаешь, что я иду по пути белых людей. Ты видишь, что я хочу поступать правильно. У меня есть команда. Я много работаю. Я хочу дом, где я мог бы жить спокойно. Но моя старая жена легкомысленна. Она ни на что не годна. Она хочет все время бродить и никогда не остается дома, чтобы присматривать за курицами. Я хочу от нее уйти и взять другую, лучшую жену».

Сегер был очень осторожен. «А что об этом говорят старые вожди?»

Большой Нос выглядел немного обескураженным, но ответил вызывающе: «О, я иду по пути белых людей в эти дни. Мне все равно, что они говорят. Я слушаю то, что говоришь ты».

«Я подумаю над этим», — ответил он уклончиво, потому что хотел посоветоваться с старейшинами. Когда он изложил дело Белому Щиту, тот сказал: «Конечно, все, что ты считаешь лучшим в этом деле, будет приемлемо. Я ничего не знаю об обстоятельствах, но если эта старуха такая плохая, как говорит Большой Нос, то она ничто».

Белый Щит очень спокойно ответил: «Большой Нос никогда не сможет жениться снова».

«Почему?» — спросил Сегер, заинтересовавшись лаконичностью и решительностью Белого Щита.

Белый Щит ответил: «Разве ты не слышал, как Большой Нос проиграл своих жен? То, что он сделал. Проиграл свои вигвамы, свою одежду и ходил голым по лагерю. Мы дали ему одежду. Мы вернули ему одну жену, но мы обозначили путь, по которому он должен идти. Он не может жениться снова».

И от этого решения не было апелляции.

БЛУЖДАЮЩИЙ ЖУРАВЛЬ

БЛУЖДАЮЩИЙ ЖУРАВЛЬ

Жители Бумтауна неизменно говорили о Генри Уилсоне как о старейшем поселенце в долине Джим, как и в округе Бастер, но восточный человек, с его представлениями о «старом поселенце», был удивлен, когда встретил этого невысокого, молчаливого мужчину средних лет, который очень неохотно рассказывал о себе и о котором ходило много странных и захватывающих историй.

Между его ранчо и поселениями в Восточной Дакоте находилась клиновидная резервация, известная как индейская резервация Сиссетон, на которой были размещены обычные агентство и рота солдат. Долина в основном не была обследована, и индейцы, естественно, чувствовали себя ее владельцами, и когда Уилсон пригнал свой скот в долину и поселился там, вождь Дрифтинг Крейн приветствовал его, как хозяин, на обильном пиру, чье гостеприимство было само собой разумеющимся, но который чувствовал необходимость поддерживать свою репутацию щедрого человека и с благодарностью подчинился.

В течение первого лета индейцы познакомились с Уилсоном и полюбили его за его молчаливость, мужество и простоту, но старейшины много размышляли над этим вопросом и с серьезными лицами наблюдали, как он вспахивает землю для своего огорода. Было что-то странное в этом одиноком человеке, который покинул своих родственников и приехал сюда, чтобы жить в одиночестве со своим скотом; они не могли этого понять. Что они говорили в тех жалостных, слабо освещенных хижинах, никогда не будет известно; но когда наступила зима, и новоприбывший не погнал свой скот обратно через холмы, как они думали, что он сделает, старые вожди долго совещались по этому поводу. Ночь за ночью они курили, обсуждая это, и наконец Дрейфующий Журавль сказал двум своим молодым людям: «Идите спросите этого скотовода, почему он остается в холоде и снегу со своим скотом. Спросите его, почему он не гонит свой скот домой».

Это было в марте, и через пару дней, когда Уилсон собирался вернуться в свою хижину после окончания рабочего дня, он столкнулся с двумя крепкими индейцами, которые приветливо поздоровались с ним.

«Как дела?» — ответил он. «Заходите».

Индейцы вошли и молча сели, пока он накрывал на стол. Они почти не разговаривали, пока не пообедали. Индейцы всегда голодны, потому что у них недостаточно еды и плохая одежда. Когда они сели на коробки из-под крекеров и мыла, которые служили им стульями, они заговорили. Они рассказали ему о послании вождя. Они сказали, что пришли, чтобы помочь ему перегнать скот обратно через холмы, и что он должен уйти.

На все эти слова, сказанные индейцами в их лаконичной манере и на диалекте, который никогда не записывался, фермер ответил почти так же кратко: «Вернитесь и скажите Дрейфующему Журавлю, что мне нравится это место, что я останусь здесь и не хочу никакой помощи в перегоне скота. Я нахожусь на землях Великого Отца в Вашингтоне, и Дрейфующий Кран не имеет права голоса в этом вопросе. Вот и все. Я не имею ничего

против вас или против него, но я поселенец; такова моя сущность; и теперь, когда я поселился, я останусь здесь».

Пока индейцы обсуждали его слова между собой, он устроил на полу постель из одеял и сказал: «Я никогда никого не выгоняю. Белый человек ничем не хуже индейца, если ведет себя так же хорошо. Вы можете переночевать здесь».

Утром он накормил их лучшим завтраком, какой у него был — беконом и картошкой, с кофе и крекерами. Затем он пожал им руки и сказал: «Приходите еще. Я не имею ничего против вас; вы выполнили свой долг. Теперь возвращайтесь и передайте своему вождю то, что я сказал. Я дома каждый день. Всего хорошего».

Индейцы улыбнулись доброжелательно, накинули на плечи одеяла и ушли на восток.

В апреле и мае две или три разведывательные группы охотников за землей бродили по холмам и нашли его. Он был рад их видеть, потому что, честно говоря, одиночество его жизни давалось ему взнаки. Зима была суровой, и за три месяца середины зимы он едва ли видел белое лицо, а его запасы провизии были скудными.

Эти группы принесли отличные новости. Одна из них была передовой разведывательной группой для строительства большой северной железной дороги, и они сказали, что летом будет проложена линия дороги, если их отчет будет благоприятным.

«Ну, что вы об этом думаете?» — спросил Уилсон с улыбкой.

«Что я думаю? Это потрясающе!» — сказал маленький человек из группы, которого остальные называли судьей Бальсером. «До того, как выпадет снег, в этой долине будет город с четырьмя тысячами жителей. В следующем месяце мы отправим геодезистов прямо через водораздел».

Через несколько недель они прислали Уилсону несколько газет, которые он проглотил, как голодная собака может проглотить тарелку бекона. Газеты были полны рассказов о чудесных ресурсах долины Джим. В них говорилось о питательных травах для скота. В них рассказывалось об успешном предприятии одинокого поселенца Уилсона, о том, как его скот откармливался зимними травами без укрытия, какие овощи он выращивал и т. д.

Однажды вечером в мае Уилсон читал эту газету в шестой раз. Он почувствовал, как кто-то коснулся его плеча, и, подняв глаза, увидел высокого индейца, смотрящего на него с выражением странной гордости и серьезности. Уилсон вскочил на ноги и протянул руку.

«Дрифтинг Крейн, как поживаешь?»

Индеец поклонился, но не взял руку поселенца. Дрифтинг Крейн был бы назван стариком, будь он белым человеком, и в жестких чертах его мощного, сильно очерченного лица читался возраст, но в великолепной осанке его широкого, мускулистого тела не было и намека на слабость. Его губы и глаза были без улыбки, но вызывали большое уважение.

«Рад вас видеть. Заходите и покушайте», — сказал Уилсон после минутной паузы.

Вождь вошел в хижину и сел у двери. Он молча взял чашку молока, немного мяса и хлеба и ел, слушая рассказ поселенца.

«Я не хвастаюсь своими печеньями, вождь, но они *сытные*, если человек голоден. И молоко в порядке. Полагаю, вы пришли посмотреть, почему я не возвращаюсь через водораздел?»

Вождь, после долгой паузы, начал говорить тихим, медленным голосом, как будто подбирая слова. Он говорил, конечно, на ломаном английском, но его речь была очень прямой и простой и не содержала никаких абсурдных риторических фигур, которые романисты неизменно вкладывают в уста индейцев. Его голос был почти львиным по своей глубине, но при этом не был неприятным.

«Скотовод, мои молодые люди принесли мне плохую весть от тебя. Они передали мне твои слова, сказав, что он не уйдет».

«Да, все именно так», — ответил Уилсон, отвечая на вопрос, который читался в твердых глазах старого вождя. «Я здесь, чтобы остаться. Это не ваша земля; это земля дяди Сэма, и часть ее будет моей, как только геодезисты придут, чтобы ее отмерить».

«Кто ее отдал?» — спросил вождь. «Мой народ был обманут; они не знали, что делали».

«Я ничего не могу с этим поделать; это дело Конгресса. Это дело Великого Отца в Вашингтоне».

На лице старика отразилась глубокая печаль. Наконец он снова заговорил: «Скотовод — гость желанный, но он должен уйти, потому что, когда один белый человек приходит и говорит, что здесь хорошо, приходят и другие. Дрейфующий Журавль дважды видел это далеко на востоке. Белые люди приходят густо, как трава. Они вырывают дерн. Они строят дома. Они отпугивают бизонов. Они развращают моих молодых людей виски. Они уже начинают подниматься на восточные холмы. Скоро они заполнят долину, и Дрейфующий Журавль и его народ окажутся в окружении. Дерн станет черным».

«Надеюсь, ты прав», — мрачно ответил фермер.

«Но они не придут, если скотоводы вернутся и скажут, что вода плохая, травы нет, а земля принадлежит индейцам».

Уилсон улыбнулся детской вере вождя. «Не получится, вождь, не получится. Это не принесет никакой пользы. Я лучше останусь».

Вождь встал. Его тронул смех поселенца; его глаза блеснули, голос стал более суровым. «Белый человек *должен* уйти!»

Уилсон тоже встал. Он был невысоким, но очень решительным человеком. «Я не уйду», — сказал он, стиснув зубы.

Это была захватывающая, значимая сцена. По сути, это была встреча современного стража цивилизации с одним из арьергарда отступающего варварства. Каждый из них был типичным представителем своего народа; каждый был неправ, и каждый был прав. Индеец был таким же истинным и благородным с точки зрения варварства, как и белый человек. Он был воином и охотником; таковым его сделали обстоятельства, над которыми он не имел контроля.

Поселенец олицетворял неустанную энергию и бесстрашное сердце американского пионера. Узколобый, отчасти огрубевший от тяжелого труда и одинокой жизни, но, несмотря на все это, достойный восхищения человек. Когда он смотрел в лицо индейца, он казался выше ростом. Он чувствовал за спиной весь вес миллионов поселенцев, движущихся на запад; он был представителем еще не родившегося государства. Он снял с стены винтовку, винтовку с магазином, самое современное из оружия; он погладил приклад, потянул за рукоятку, выбросив патрон на вид.

«Ты знаешь, что это такое, вождь?»

Индеец слегка кивнул.

— Хорошо, я уйду, когда... это... опустеет.

«Но у меня много молодых людей».

«Так же, как и белых — моих братьев».

Вождь опустил голову. Уилсон, стыдясь своего хвастовства, повесил винтовку обратно на стену.

«Я здесь не для того, чтобы сражаться. Вы можете убить меня в любое время. Вы могли бы 'а' убить меня сегодня ночью, но это не принесло бы никакой пользы. Это только ухудшило бы твое положение. Потому что через два года здесь будет город, больше всего твоего племени. Это бесполезно, Дрейфующий Кран; так должно быть. Ни ты, ни я не можем этому помочь или помешать».

Дрифтинг Крейн повернул голову и устремил взгляд на западную часть неба, все еще окрашенную в красный цвет лучами заходящего солнца. Его лицо было неподвижно, как бронза, но в глазах читалось мечтательное, пророческое выражение. У поселенца застрял комок в горле; впервые в жизни он уловил бесконечное отчаяние индейца. Он забыл, что Дрейфующий Кран был представителем «бродячей расы»; он увидел в нем, или, скорее, *почувствовал* в нем, нечто почти магнетическое. Он был *человеком*; человеком скорби. Голос поселенца был хриплым, когда он снова заговорил, и его губы дрожали.

«Вождь, я бы пошел завтра, если бы это принесло какую-то пользу, но это не принесет — ни капли. Вы знаете это, если остановитесь на минуту и подумаете. Какая польза была от *массового убийства* всех тех поселенцев в Нью-Ульме? Какая польза будет от убийства меня и сотни других? Никакой. Тысяча других займут наше место. Так что я могу с таким же успехом остаться, и мы можем с таким же успехом остаться хорошими друзьями. Убийства вышли из моды; они не приносят никакой пользы».

Губы индейского вождя дрогнули. Он слишком хорошо понимал неопровержимую логику пионера. Он сохранял воинственную позу, но его широкая грудь болезненно вздымалась, а глаза помутнели. Наконец он сказал: «До свидания. Скотовод прав, Дрейфующий Журавль не прав. Пожми руку. До свидания». Он повернулся и ушел.

«Все это неправильно», — пробормотал поселенец. «Земли хватит на всех, или должно быть хватит. Я не понимаю... Ну, ладно, я оставлю это на усмотрение дяди Сэма». Он закончил с вздохом.

ИСТОРИЯ ВЫЮЩЕГО ВОКА

ИСТОРИЯ ВЫЮЩЕГО ВОКА

Через две недели после того, как капитан Кук взял на себя управление агентством Снейк-Ривер, его полицейские из числа коренных жителей сообщили, что пятнадцать человек из его народа пересекли границу резервации, направляясь в страну Уинд-Ривер.

«Куда они ушли?»

«Они пошли посмотреть на своего Спасителя, танцующего призраков», — объяснил Клод, переводчик агентства.

«Кто ушел?»

Клод быстро перечислил имена и закончил словами «Воющий Волк».

«Воющий Волк? Кто это? Его нет в списках. Я ничего о нем не знаю».

«Он вождь лагеря Лизард-Крик».

«Почему его нет в списках?»

«Он не получает продовольствие».

«Почему?»

«Он злится».

«Злится? Почему?»

После долгих разговоров агент узнал следующую историю. Семь лет назад брат Воющего Волка, мирный старик, сидел на вершине холма (недалеко от дороги), погруженный в вечернюю медитацию. Он сидел спиной к хижине белого человека, расположенной неподалеку, и смотрел на закат. Он плотно закутался в свою одежду, и его сердце было в мире со всем миром, потому что он думал, что путь между ним и Страной Теней короткий.

Из дверей хижины вышли два ковбоя, и один из них указал на медитирующего мужчину с насмешливыми жестами. Другой вытащил револьвер и сказал: «Смотри, как я сбиваю шляпу с головы этого старого дурака».

Когда он выстрелил, старик вскочил с судорожным прыжком, кровь хлестала по его лицу. Ошеломленный ударом и ослепленный собственной кровью, он в безумном беге и без всякого плана бросился к злодею, который в него стрелял, и так далее, через холм, к лагерю Воющего Волка.

Вскочив на лошадей, два головореза помчались прочь с отчаянной скоростью.

И хорошо, что они так поступили, потому что через час от ранчо не осталось ничего, кроме кучи дымящихся углей. Сотня разъяренных краснокожих ворвалась через холм, чтобы отомстить за безумие старого Медицинского Ворона.

Старик не был убит, он прожил еще больше года после ранения, но он уже не был прежним, и когда он умер, Воющий Волк торжественно объявил войну белым скотоводам и

не мог поверить, что ковбои хотели только напугать, а не убить его брата. Он жил надеждой когда-нибудь встретить этих людей. Никто их не видел, но Дэвид Большой Нос, который в тот день был в белом поселении, встретил беглецов и смог очень хорошо их описать, и каждое слово его описания запечатлелось в памяти Воющего Волка. После этого во всех своих поездках среди белых его глаза всегда искали, а уши всегда прислушивались. Он ни на мгновение не терял надежды на месть.

Он отказался от всяких дружеских отношений с белыми. Он был угрюм, с ним было трудно общаться, и в конце концов он стал оказывать сильное влияние на сдерживание прогресса Ши-ан-най по пути белых людей. Агент не приложил особых усилий, чтобы помочь ему избавиться от своих сомнений и ненависти, и поэтому переводчик Клод в конце концов сказал: «Итак, Воющий Волк не посылает детей в школу, не берет продовольствие и никогда не приходит в агентство — никогда».

Капитан Кук сел и написал телеграмму агенту резервации Шо-шо-ни (), в которой говорилось: «Пятнадцать человек из моего племени ушли без разрешения, чтобы посетить Мессию. Если они придут в вашу резервацию, арестуйте их и немедленно отправьте обратно».

Через несколько дней агент из Винд-Ривер ответил: «Одиннадцать ваших индейцев прибыли сюда — я отправил их домой. Четверо обошли меня с запада. Вероятно, они отправились в страну Твин-Лейк, где, как говорят, находится Мессия».

Через несколько недель полицейский Большой Медведь пришел со вторым сообщением: «Пришел Воющий Волк».

«Скажите Воющему Волку, что я хочу его видеть, — сказал Кук. — Скажите ему, что я хочу поговорить с ним, скажите, что я его друг и хочу обсудить некоторые вещи».

Два дня спустя, сидя за столом в своем кабинете, капитан услышал, как открылась и закрылась дверь, и, подняв глаза, увидел высокого, красивого, но очень угрюмого краснокожего мужчину, смотрящего на него сверху вниз.

«Здравствуйте!» — приветливо поздоровался Кук, протягивая руку.

Посетитель стоял неподвижно, как бронзовая статуя ненависти, скрестив руки и принимая угрожающую позу. Его глаза, казалось, проникали в душу человека, стоящего перед ним.

«Здравствуйте, здравствуйте!» — снова поздоровался Кук. «Вы что, глухий? Что с вами? Здравствуйте!»

На это вождь схватил руку агента и начал яростно, злобно трясти ее. Это была его покалеченная рука, и Кук скоро устал от этой грубой игры.

«Хватит, прекратите! Прекратите, говорю я. Прекратите, или, клянусь Богом, я разможжу вам лицо», — крикнул он, схватив тяжелую стеклянную чернильницу. Он уже собирался ударить своего мучителя, когда краснокожий опустил руку.

Разгневанный и задыхающийся агент подошел к двери.

«Клод, иди сюда. Кто этот человек? Что с ним такое?»

«Это Воющий Волк», — ответил переводчик с явным страхом.

Кук просветлел. Он повернулся с лучезарной улыбкой. «Воющий Волк, как поживаешь? Рад тебя видеть». А затем обратился к Клоду: «Скажи ему, что у меня болит рука и он не

должен быть таким сердечным в своих приветствиях. Скажи ему, что я хочу поговорить с ним подолгу, но у меня есть несколько документов, которые нужно подписать, и я не могу этого сделать сейчас. Скажи ему, чтобы он пришел завтра утром».

Они снова пожали друг другу руки, на этот раз торжественно, и Воющий Волк удалился с достоинством и сдержанностью.

После его ухода Кук тщательно проинформировался о том, как бывший агент обращался с Воющим Волком, и на следующее утро был готов к беседе.

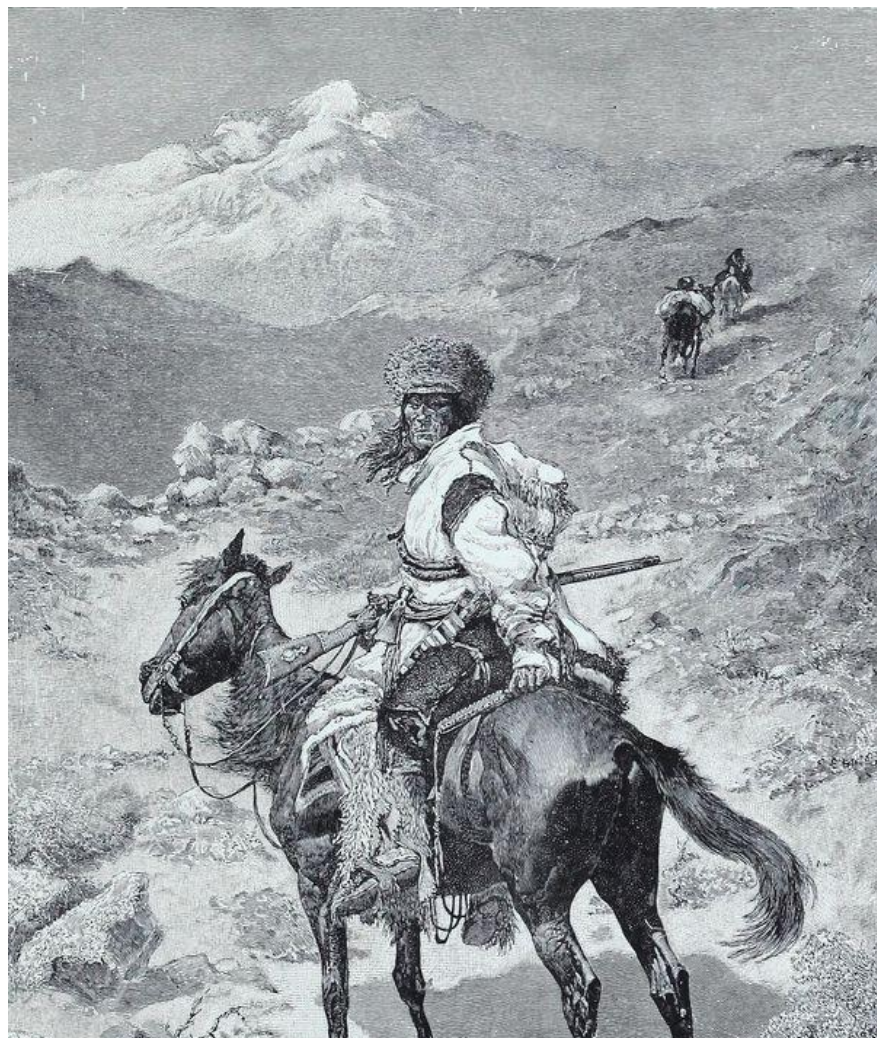
Когда он около девяти часов вошел во двор, агент обнаружил пятнадцать или двадцать молодых людей из фракции Воющего Волка, развалившихся у двери офиса. Они пришли, чтобы убедиться, что их лидер не подвергается жестокому обращению — по крайней мере, так предположил Кук.

Он был раздражен, но не показал этого. «Уходите со двора!» — тихо сказал он. «Я не хочу, чтобы вы здесь были. Клод расскажет вам все, что вы хотите знать». Он настаивал, и, хотя они хмуро смотрели на него, они подчинились, потому что он положил открытую ладонь на грудь самого высокого из них и толкнул его к воротам. «Давайте, уходите — вам здесь нечего делать».

Клод дрожал от страха, но, когда молодые люди удалились, он *wiedererlangte wieder seine Fassung*.

Когда они оказались лицом к лицу с Воющим Волком в внутреннем кабинете, Кук сказал: «Ну, Волк, я хочу, чтобы ты рассказал мне, в чем дело. Я твой друг и друг всего твоего народа. Я солдат, а солдат выполняет свой долг. Мой долг — следить за тем, чтобы ты получал свои пайки и чтобы никто не причинял тебе вреда. Так в чем же проблема?»

Воющий Волк немного помедлил, а затем начал перечислять свои жалобы одну за другой. Его рассказ почти полностью совпадал с тем, что сообщали другие.

Индейский траппер

Этот индейский траппер, изображенный Ремингтоном, может быть кри или, возможно, черноногим, которых можно было встретить в горах Селкирк, или в других местах на равнинах Британской территории, или далеко на севере в Скалистых горах, в преддверии Гражданской войны.

Иллюстрация из книги «Некоторые американские всадники» полковника Теодора Айро Доджа, США.

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, май 1891 г.

Сомнительное товарищество

В дни освоения новых земель, когда белый человек и индеец встречались на одинокой тропе, они естественно с подозрением наблюдали друг за другом, ехав рядом. Обоим это товарищество казалось сомнительным, пока, наконец, несколько слов краснокожего не убедили белого человека в том, что его спутник заслуживает доверия. После этого они делились едой, водой или табаком, и в их товариществе появилось чувство комфорта.

Иллюстрация из «СОМНИТЕЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО»

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 9 августа 1890 г.

Другой агент ругался на него и однажды ударил его ногой — «за что я его убью», — добавил он с тихой угрозой. «Он пытался украсть моих детей, чтобы научить их обычаям белых людей. Я не хочу, чтобы они учились обычаям белых людей. Белые люди лгут, воруют и ссорятся. Затем агент лишил меня продовольствия, которое является частью нашего договора, и я был голоден. За все это я злюсь на белых людей».

Когда он закончил, агент сказал: «Ты неправ, Воющий Волк. Некоторые белые люди плохие, но многие из них хорошие и хотят добра индейцам. Я один из тех, кого Великий Отец назначил следить за тем, чтобы ваши права были защищены. Вы можете на меня положиться. Спросите Красную Бороду, Волчий Голос или Белого Теленка, они скажут вам, какой я человек. Я буду твоим другом, независимо от того, будешь ли ты моим другом. Я хочу, чтобы ты приходил ко мне. Я хочу, чтобы ты получал свои пайки и был моим другом. Ты согласен? Я хочу, чтобы ты подумал об этом сегодня вечером и пришел ко мне снова».

В течение целых пяти минут Воющий Волк сидел, глубоко задумчивый, глядя в пол. Его губы время от времени подергивались, а широкая грудь поднималась от глубоких эмоций. Было трудно доверять белому человеку, даже когда он улыбался, потому что его язык всегда был раздвоен, как у гремучей змеи, а руки чрезвычайно хитры. Его поступки также были загадочны. Он пришел с востока, и за ним последовали чудовищные вещи — каноэ, извергающие пламя и гром, железные лошади, тянувшие огромные повозки с шумом, похожим на вихрь. Они привезли плуги, которые разрывали дерн, машины, которые сметали траву. Их мастерство было дьявольским. Все они говорили: «Проклятые индейцы», и в этих словах проявлялось их сердце. Они опустошали, вырывали с корнями и преобразовывали. Своей магией они заставляли краснокожих казаться детьми и слабыми женщинами. Не было ли конца их приходу? Не было ли ясного неба за этой бурей? Какая могучая сила толкала их вперед?

И все же они принесли с собой хорошие вещи. Они принесли сахар, муку и странные фрукты. Они знали, как делать приятные напитки и выращивать много зерна. Они не были совсем плохими. Они были как ливень, который приносит много вреда, но и большую пользу. Кроме того, здесь был этот улыбающийся человек, его агент, ожидающий услышать, что он скажет.

Наконец он смог поднять глаза, и хотя он не улыбался, его лицо больше не было угрюмым. Он встал и протянул руку. «Я сделаю, как вы сказали. Я пойду домой и подумаю. Я приду к вам снова и скажу вам все, что думаю».

Когда он пришел через два дня, он встретил агента с улыбкой. «Как! Мой друг — как!» — сказал он приветливо.

Агент провел его в свой кабинет, где никто не мог их услышать, и сделал знак «Присядьте».

Воющий Волк сел и начал с слов: «Я не смог прийти вчера, потому что еще не закончил обдумывать ваши слова. Когда наступила ночь, я сделал, как вы сказали. Я лежал один в своем вигваме, глядя на звезду прямо над собой, и мои мысли были глубокими и спокойными. Вы правы, Воющий Волк неправ. Никто раньше не объяснял мне этих вещей. Все белые люди говорили: «Иди сюда», «Сделай это», «Не ходи туда», «Не делай этого» — они никогда не объясняли, и я не понимал их причин. Ни один белый человек никогда не пожимал мне руку как другу. Все они говорили: «Проклятый индеец» — все ши-ан-най знают эти слова. Вы не такой. Вы справедливый человек — все мне так говорят. Я рад этому. Это согревает мое сердце и делает его здоровым. Я снова обрел надежду для своего народа. Раньше я ненавидел всю белую расу — теперь все это ушло. Это похоронено глубоко под

землей. Я хочу быть другом всего мира, и я хочу, чтобы вы составили мне документ — вы сделаете это?

«Конечно», — ответил агент. «Что это будет?»

Старик встал и с глубокой торжественностью продиктовал следующие слова, которые должны были быть таинственно записаны на чудесном планшете белого человека:

«Скажите так: я — Воющий Волк. Долго я ненавидел белых людей. Теперь мое сердце добро, и я хочу подружиться со всеми белыми людьми. Я хочу работать с плугом и жить в доме, как белые люди. Это мои слова. Воющий Волк».

На этом старик поставил свою подпись: сложив бумагу и убрав ее в сумку, он сказал: «Это будет знаком для всех людей. Я покажу эту бумагу всем ши-ан-най и всем белым людям. Она скажет им, что мое сердце стало добрым».

И он вышел с сиянием радости на лице.

II

Воющий Волк был вождем. Он никогда в жизни не поднимал тяжестей, хотя другие ши-ан-най часто приходили к фермеру Агентства за работой. Им нравилось перевозить грузы, и всякий раз, когда нужно было отвезти шкуры на далекую железную дорогу или привезти товары, агент нанимал их, и, хотя их пони были маленькими и неустойчивыми, они, тем не менее, справлялись с работой достойно. Они рубили дрова, заготавливали сено и ловко и качественно ремонтировали мосты. Воющий Волк держался подальше от всей этой работы. Он не верил в нее.

Через два дня после разговора с агентом клерк был удивлен, увидев, как Воющий Волк подъехал к складу, чтобы забрать груз шкур. У него не было собственной повозки, но он нанял одну у своего зятя, Раскрашенного Пера, и был готов выполнить свою долю работы. В восторге от нового мира он хотел сделать больше, чем положено. Он помогал всем загружать груз и ждал до последнего, готовясь взять то, что останется.

Агент, услышав об этом рвении своего новообращенного, пришел к нему и с улыбкой спросил: «Почему ты так усердно работаешь, Воющий Волк?»

«Я тебе скажу», — ответил Воющий Волк. «В свои злые дни я не участвовал в строительстве заборов и мостов — теперь я хочу наверстать упущенное. Поэтому я должен работать в два раза усерднее, чем все остальные».

«Воющий Волк, ты делаешь мне честь», — сказал агент. «Я пожимаю тебе руку. Теперь ты надежно встал на путь белого человека».

На это Воющий Волк только ответил: «Сегодня у меня очень хорошее настроение. Я счастлив и иду посмотреть на большой лагерь белых людей. Я буду внимательно смотреть и узнаю много хорошего».

Команды, груженные шкурами, только что миновали большие красные челюсти каньона Биттервуд, когда их догнал отряд ковбоев.

«Привет!» — крикнул один крупный парень. «Куда вы везете эти шкуры?»

Воющий Волк слышал ругательства, но его сердце было мягким от новорожденной любви к своим врагам, и он с улыбкой поприветствовал своих противников. «Привет! Привет!»

«Смотрите, как улыбается старик. Давайте подстреляем его, посмотрим, как он будет суетиться».

«Да ладно тебе, оставь его в покое, Билл», — сказал один из других мужчин.

«Это старый Воющий Волк», — вставил третий мужчина. «Лучше оставь его в покое. Он боец».

«Ты старый Воющий Волк?» — спросил Билл, подъехав поближе.

Воющий Волк кивнул и снова улыбнулся — хотя понял только свое имя.

«Ты боец, да?» — спросил ковбой. «Пожираешь людей, а?»

«Как, как!» — повторил старик так приветливо, как только мог, хотя его глаза становились все суровее.

«Я бы хотел подарить ему пакет на удачу. Он слишком добродушный. Что скажешь?»

«Ой, давай, Билл», — подбодрили его товарищи. Когда они проезжали мимо следующей повозки, в которой сидел молодой человек, Билл крикнул: «Уйди с дороги!»

«Иди к черту!» — ответил возница, Гарри Тертл, студент из Карлайла. «Ты большой дурак».

Билл вытащил револьвер, прищепил лошадь и подъехал к пони Гарри, крикнув: «Я порежу тебя на куски за цент!»

Гарри поднялся в своей повозке и издал предупреждающий крик, который остановил все упряжки, а его глаза пылали горячей яростью. «Уходите!» — сказал он, «или мы вас уьем». Ковбои отступили, а Бриндл Билл изрыгал проклятия, но его товарищи были искренне встревожены и встали между ним и повозками, тем самым предотвратив вспышку насилия. Воющий Волк упрекнул молодого Черепаху и сказал: «Не отвечай им. Мы должны быть осторожны, чтобы не разгневать белых людей».

Они благополучно добрались до железной дороги и, разгрузив свой груз, разбили лагерь примерно в полумиле от города, на равнине у реки, под тополями.

Воющий Волк любезно отвечал каждому белому, который с ним разговаривал, и был очень счастлив, думая, что он служит агенту и зарабатывает немного денег. Горожане в целом относились к нему с презрением, и некоторые из них отказывались пожать ему руку, но он не держал на них зла. Он давно не видел города белых людей и был очень заинтересован всем. Он был поражен запасами одеял, седел и ситца, которые он увидел. Он с завистью смотрел на ярко раскрашенные повозки, потому что у него самой повозки не было, а он понимал, что для путешествий по дорогам белых людей повозка необходима. Он также с вождением смотрел на упряжь. Для него ценность имела каждая мелочь: картинки на заборах, на банках с персиками, на табачных коробках, насосы, корыта для лошадей и фонтаны — ничто не ускользало от его внимательного взгляда. Он снова стал похож на мальчика.

Он стоял перед витриной магазина, пытаясь понять, для чего нужны все эти чудесные вещи, которые он там видел, когда открылась дверь салуна и вышла группа громко разговаривающих белых мужчин. Он быстро повернул голову и увидел трех ковбоев, которые мимо него проехали по дороге. Они тоже его узнали, и их лидер, опьяненный алкоголем, подошел к нему и начал его оскорблять.

— Так ты и есть Воющий Волк, да? Великий вождь. Пьешь кровь. Я бы тебя на две части разорвал за кусок кожи. Я Бриндл Билл, понимаешь, я бы тебя на дороге убил, если бы не...

Воющий Волк снова понял только ругательства, но он повернулся к своему врагу спокойным лицом и протянул руку. «Как? Как, белый человек?»

Билл плюнул ему в руку.

Воющий Волк молниеносно ударил грубияна по лицу. «Койот!» — крикнул он на своем языке.

Ковбой вытащил револьвер из кобуры, но Воющий Волк прыгнул за указательную табличку, и пуля, летя вслепую, отскочила от железного стержня и попала в колено мужчине, стоявшему в дверях салуна. С криком ужаса он упал на тротуар, как убитый.

Мгновенно мирная улица превратилась в место дикого крика.

«Убейте его! Убейте красного дьявола!» — кричали десятки людей, которые не знали, что произошло, кроме того, что был застрелен человек и что там был индеец.

Как загнанный медведь, Воющий Волк стоял перед своими извечными врагами. «Я мирный. Я ничего не сделал», — крикнул он, вытаскивая из кармана бумагу. «Смотрите, это правда, прочтите!»

Бумага спасла ему жизнь, потому что все были любопытны увидеть, что содержалось в этом длинном официальном конверте. Одному из мужчин в кругу пришлось в голову проверить.

«Подождите, ребята! Подождите минутку! Это может быть курьер. Подождите, пока я не посмотрю».

Он взял конверт и открыл бумагу, пока толпа ждала. «Прочитай это, Ланнон».

Леннон прочитал громким голосом: *«Я — Воющий Волк. Долго я ненавидел белых людей. Теперь мое сердце добро».*

Вспышка насмешливого смеха прервала чтеца.

«О, да?»

«Убейте старого дурака на удачу!»

«Линьчуйте его».

Но, хотя они и смеялись над этим, письмо охладило возбуждение толпы, и когда пришел шериф, ему не составило труда арестовать Воющего Волка, который пошел добровольно, потому что боялся за свою жизнь перед лицом толпы на улице, которая с каждой минутой становилась все больше.

Он резко отшатнулся, когда они подошли к двери тюрьмы. Он знал, что это означает. «Я не пойду!» — сказал он. «Почему вы сажаете меня туда? Я ничего не сделал».

Шериф, готовый заработать себе авторитет в глазах толпы, которая следовала за ним, приставил револьвер к голове пленника и жестоко сказал:

«Залезай туда, или я тебе башку прострелю».

Вольф понял действия этого человека и, опасаясь толпы, которая следовала за ним, подчинился, позволил затолкнуть себя в камеру и запереть. Он все еще держал в руке документ, который ему презрительно бросили обратно, и теперь сидел, полуошеломленный внезапной яростью белых людей по отношению к нему. То, что трое ковбоев устроили ему неприятности, не удивило его, но то, что все белые люди бросились на него с сердитыми

лицами и сжатыми кулаками, потрясло и озлобило его. Возможно, в конце концов, было всего лишь несколько дружелюбных белых людей. Возможно, агент ошибся, и Ши-ан-най должен сражаться до смерти с этими разъяренными скотоводами.

«Я поступил неправильно, придя сюда, — подумал он. — Я должен был остаться глубоко в своей стране, среди скал и койотов. Я попал в руки своих смертельных врагов. Я умру здесь в одиночестве, потому что поступил как ребенок и поверил сладким словам».

Тем временем сильно искаженные рассказы об этом происшествии переходили из салуна в парикмахерскую и в конце концов приняли следующую форму: «Банда пьяных краснокожих потребовала у Хэнка Келли выпить, а когда он отказался, один из них выстрелил ему в живот. Все сбежали, кроме одного, старого Воющего Волка (), одного из худших старых развратников, которые когда-либо жили. Его нужно линчевать, и мы это сделаем».

Ковбой Билл был героем. Он хвастался, говоря: «Я загнал его в угол. Я ранил его, так что шерифу было легко его поймать».

В конце концов он слишком сильно напился, чтобы пролить свет на эту тему, и его товарищи забрали его и сбежали из города, оставив Воющего Волка нести бремя расследования.

Гарри Черепаха подошел к шерифу и резко сказал: «Я хочу увидеть Воющего Волка».

«Вы не можете его увидеть», — ответил шериф.

«Почему я не могу его увидеть?»

«Потому что я так сказал. Убирайся отсюда... Все ваше племя должно быть уничтожено. Убирайся, или я отправлю тебя туда, где тебя съедят собаки».

Черепаха ушел с лицом, омраченным гневом. Он сказал своим товарищам: «Я должен немедленно вернуться к агенту и рассказать ему о том, что произошло. Вам лучше держаться вместе со мной, чтобы, если ковбои попытаются нас убить, мы могли защитить себя. Пойдемте, уходим».

Они вышли в темноту и всю ночь шли, не останавливаясь, и к утру были уже вне опасности.

Когда Черепаха вошел в офис агента на следующий день, он не показал, что пережил.

«Здравствуй, Гарри, я думал, ты уехал в город?»

«Поехал. Вернулся. Было много неприятностей».

«В чем дело?»

«Ковбой дрался с Воющим Волком — Воющий Волк тоже дрался. Белый человек убит. Воющий Волк в тюрьме. Я пришел быстро, чтобы тебе рассказать».

Кук стал серьезным. «Неужели? Где остальные?»

«Снаружи».

«Приведи их, Клод», — сказал он своему переводчику. «Поговори с этими людьми и выясни, в чем дело».

В конце концов он отдал приказ своей команде и вместе с Клодом уехал в город по длинной, трудной и пыльной дороге. Он прибыл в отель слишком поздно, чтобы позвонить

шерифу, и был вынужден ждать до утра. Небольшая газетка использовала стрельбу в качестве повода для своего избитого дискурса. «Уничтожьте этих грабителей из штата или с лица земли», — говорилось в редакционной статье. «Уберите их с пути цивилизации. Подобные вчерашним сцены беспорядков будут повторяться до тех пор, пока эти красные любимцы правительства будут мешать жить на земле. Штат должен убить их, как волков».

Кук прочитал это с горячкой в лице. Он был хорошо знаком с такими статьями, но в тот вечер он лег спать, чувствуя более остро, чем когда-либо в жизни, сложность положения, в котором ему пришлось оказаться. К расовой ненависти эти люди добавили жадность к землям Ши-ан-най. В этой редакционной статье выплеснулась дикая ненависть тысяч белых людей. В этом не было никаких сомнений — и если бы не страх перед федеральным правительством, то их ненависть давно бы вылилась в реальные действия.

Рано утром он взял Клода и пошел в тюрьму.

Шериф встретил его любезно. «О, конечно, капитан, вы можете его увидеть», — сказал он, но его тон был оскорбительным.

Когда агент и его переводчик вошли в камеру, Воющий Волк поднял глаза и тихо вздохнул от радости. Он взял руку Кука в свои и медленно сказал:

«Друг мой, заberi меня отсюда. Я не могу выносить заключения. Я ничего не сделал. Когда я показал свои документы, скотоводы рассмеялись. Когда я протянул руку в знак дружбы, они плюнули на нее. Это очень огорчило меня, но я не стал сопротивляться».

Узнав подробности истории Волка, майор сказал: «Не волнуйся, Волк, я позабочусь о том, чтобы тебя освободили».

Шерифу он сказал: «За что вы держите этого человека?»

«За стрельбу с намерением убить».

«Но он не стрелял. У него не было оружия. Это абсурд».

«Откуда вы знаете, что он не стрелял?»

«Потому что так говорят все его товарищи; так говорит он сам».

«О! Вы верите его словам?»

«Да, в таком случае. Вы нашли у него пистолет?»

«Нет, но...»

«Какая у него была возможность его спрятать? Вы были там, когда произошла стрельба?»

«Нет, но есть достоверные свидетели...»

«На самом деле владелец салуна был ранен пулей, выпущенной ковбоем в направлении Воющего Волка. Где этот ковбой? Почему его не арестовали?»

«Я в это не верю. Вы примете...»

«Ваше дело не верить или не верить. У вас был ордер на арест Волка?» — строго спросил капитан.

«Неважно, был он у меня или нет, — нагло ответил шериф, — он здесь, и вы не можете его увести. Вы можете защищать своих воров и убийц в резервации, но когда они приходят сюда и начинают выть, вы обнаружите, что дело обстоит иначе». Он громогласно прорычал этим тоном.

Капитан был непреклонен. «Я считаю Волка полностью невиновным и добьюсь справедливости». Он снова позвал Клода и сказал: «Скажи Воющему Волку, чтобы он успокоился — скажи ему, чтобы он не боялся. Он должен оставаться в тюрьме, пока я не получу разрешение на его освобождение. Я сейчас пойду к судье. Скажи ему, что я его друг и не позволю этим людям причинить ему вред».

Визит к судье был еще более удручающим. Он тоже был вежлив и терпелив, но было ясно, что он не намерен ничего делать, чтобы помочь агенту. «Возможно, произошла ошибка, но в таком случае суд оправдает вашего человека. В данном случае индеец арестован за участие в уличной драке, в ходе которой был застрелен человек. Индеец арестован, я должен добавить, в соответствии с законом и должен предстать перед судом».

«Хорошо, мы пойдем в суд, но пока что освободите моего человека под честное слово. Я ручаюсь за него».

Судья ожидал этого, но сделал вид, что обдумывает предложение. «Я не думаю, что это будет разумно. Нам было очень трудно задержать преступников. Нам может быть трудно задержать этого человека снова. Я ценю ваше желание...»

«Судья Брей, вы ошибаетесь», — горячо ответил Кук, поскольку понял скрытое оскорбление. «Вы только один раз не смогли поймать преступника, и тогда, как вы знаете, это была вина вашего шерифа. Куда мог уйти этот человек? Я знаю каждого человека в моей резервации. Он не смог бы спрятаться в горах, а в любой другой резервации он был бы заметной фигурой. Помимо всех этих соображений, я знаю Воющего Волка. Я особенно заинтересован в том, чтобы его освободили до суда. Он боится заключения — он считает свой арест несправедливостью, и это озлобит его. Более того, я дал ему слово, что обеспечу его освобождение».

Судья был непреклонен. «Граждане возмущены частыми грабежами ваших подопечных, — сказал он, — и они больше не будут мириться с любой слабостью. Я не могу вам помочь».

Агент мрачно поднялся. «Хорошо, я добьюсь справедливости для этого человека, даже если для этого мне придется задействовать всю мощь департамента. Я привлеку на помощь всех любителей справедливости в стране. На Воющего Волка поступили несправедливо. Он не только не стрелял, но и пришел сюда как мой посланник, безоружный и мирный. Ваши пьяные граждане напали на него. Неудивительно, что мои люди говорят, что у вас сердца койотов».

Когда Кук уезжал из этого убогого городка, он почувствовал то же, что и несколько раз прежде — жестокую, извращенную расовую ненависть пограничника, для которого краснокожий — крупная дичь. У него было ощущение, что среди всех этих тысяч американских граждан ни один не имел мужества выступить и сказать: «Я помогу вам добиться справедливости».

Его гнев на мгновение сделал его несправедливым, потому что даже в этой деревне было много достойных людей, которые присоединились бы к нему, если бы им подробно рассказали об этом деле. В тот момент он почувствовал беспомощное отчаяние краснокожего, попавшего в сети законов белых.

Но он не был человеком, который мог бы без борьбы отказаться от справедливой позиции. Пока он ехал, он планировал кампанию, которая должна была обеспечить справедливость для Воющего Волка. Его встреча с полубезумной женой пленника только придала новой силы его решимости. С измученным страданием лицом бедная женщина воскликнула ему: «Где он — мой муж?»

Он утешил ее, как мог, и, продолжая ехать, мысленно составлял письма (), которые должны были заставить горожан корчиться от стыда за свою бесчеловечность.

Суд не заседал в течение многих недель, но Воющий Волк об этом не знал. Он жил ежедневной надеждой на освобождение. Он питал свое сердце словами своего друга, агента. Он размышлял о своих обидах, как раненый волк в своей берлоге, пока его сердце не стало горьким в его груди. Блеск его новой любви к белым людям угас, задушенный холодной мрачностью тюрьмы. Он с удовольствием вспоминал только одно белое лицо — лицо своего агента. Все остальные были ухмыляющимися, полными ненависти или угрожающими.

Он бы сошел с ума, если бы не визиты его жены и детей, которые приходили к нему и которым разрешалось подойти к решетке его камеры, чтобы он мог положить руки на голову своего маленького сына. Эти короткие визиты утешали его — ради своей жены и детей он жил.

Через неделю или две жители Биг Снейка совсем забыли о Воющем Волке. Если какое-то слово напоминало им о нем, они просто говорили: «Ему пойдет на пользу почувствовать себя за каменными стенами. Это выбьет из него дух сопротивления. Он станет хорошим индейцем, когда выйдет. Ему повезло, что его не повесили».

Теперь в городе была бейсбольная команда, которая победила все другие клубы штата, за исключением одного. Сент-Хеленс оказался Ватерлоо для Биг Снейка 4 июля, и поэтому его жители очень хотели «разгромить Сент-Хеленс» и вернуть часть потерянных денег.

Однажды утром, примерно через две недели после его заключения, острые уши Воющего Волка уловили звук далеких барабанов, и он задался вопросом, не пришли ли наконец солдаты, чтобы освободить его. Его сердце забилося от радости, и он вскочил на ноги, бодрый и настороженный, и долго прислушивался. Он ясно слышал звук горна и ему показалось, что он различает марширующие шаги. Его друг, агент, пришел наказать его похитителей.

Он не боялся военачальников. Они сражались честно. Они не запирали своих врагов в камерах и не отбирали у них оружие. Они вели войну под открытым небом и на холмах. Крик радости был готов вырваться из его уст, когда тюремщик вошел в коридор в сильном возбуждении. Он говорил, входя: «Я заберу краснокожего с собой — во что бы то ни стало».

Он сделал много знаков своему пленнику, но Воющий Волк понял только один или два из них. «Иди со мной» и «Я убью тебя».

Он укутался одеялом и задумался. «Я пойду. По крайней мере, я сбегу из этих стен. Если я умру, то умру под открытым небом, где меня увидит солнце».

Он тихо последовал за шерифом на улицу, но, увидев наручники, взбунтовался и покачал головой.

Шериф снова сделал неуклюжие знаки и сказал: «Хорошо, но если ты попытаешься сбежать, я проделаю в тебе дыру размером с стог сена — вот и все. Я не потерплю никаких глупостей».

Воющий Волк ничего не понял из всего этого, кроме движения в сторону пистолета, которое он истолковал как угрозу смерти. Возбуждение его похитителя, таинственность всех его действий, угрожающие жесты были убедительными. Но Воющий Волк был вождем. Он никогда не сдавался в бою, и, почувствовав ветер широкого неба на своем лице, он поднял голову и сказал в своем сердце:

«Если я должен умереть, я готов; но я умру, сражаясь».

Шериф жестом приказал ему сесть в свою повозку, и он подчинился — ведь рука шерифа лежала на его револьвере — и они проехали через город, который был почти пуст. Вдали по улице Воющий Волк слышал звук барабана, и его сердце забилося сильнее от предчувствия грядущих бедствий. Ведут ли его на пытки? Может быть, ему позволят сражаться до самой смерти? «Неважно — я готов».

Человек у двери аптеки весело позвал:

«Куда вы едете, мистер шериф?»

«На бейсбольный матч. У меня как раз оказался только один заключенный, так что я решил взять его с собой. Черт возьми, я не пропущу матч из-за одного жирного индейца».

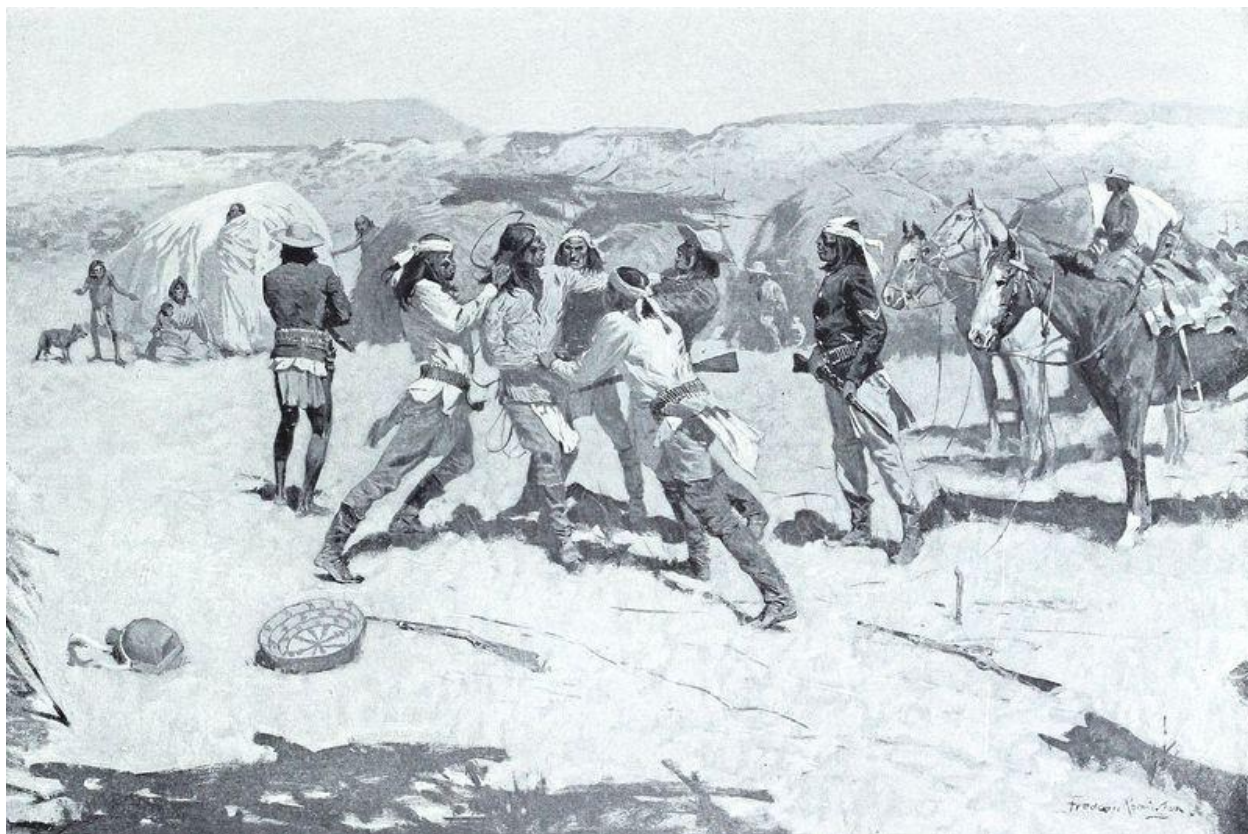
«Посмотрите, чтобы он вам не ускользнул».

Шериф многозначительно подмигнул. — Если он сбежит, то будет веселая охота на лису. Ребятам сегодня ничто не доставит большего удовольствия, чем поймать индейца в лассо. Это будет интереснее, чем коррида.

Оба рассмеялись над этой мыслью, и Воющий Волк уловил угрозу в голосе шерифа, хотя его слова были неопределенными. Когда они приблизились к трибуне, шум большой толпы донесся через тихие поля, и Воющий Волк увидел сотни людей, струящихся по дороге перед ним. Его конечности напряглись. Было очевидно, что его похититель вез его прямо к этой огромной толпе диких белых людей.

Он огляделся. По обе стороны были ряды растущего кукурузы, а за полем справа была роща деревьев, которая обозначала течение реки. Вспомнив об этом, он принял окончательное решение. «Если я должен умереть, то умру сейчас», — и он спрыгнул с сиденья на землю и нырнул под проволочную изгородь. Он услышал, как пистолет шерифа выстрелил дважды, а затем трижды, но он поднялся невредимым и с диким ликованием в сердце побежал прямо к реке. Шериф снова выстрелил, и его большой револьвер громко прозвучал в безветренном воздухе.

Затем, как будто его выстрелы были сигналом, отряд ковбоев поднялся из оврага прямо перед беглецом и с дикими криками устремился к нему. Они бежали с лассо, размахивая ими высоко над головой, и Воющий Волк, хорошо зная их безжалостную жестокость, развернулся и побежал прямо к шерифу, который стоял и заряжал свой пистолет внутри забора. Бежав, Воющий Волк увидел большие ряды кричащих людей, мчащихся по полю. Он бежал, чтобы избежать смерти, надеясь, что шериф застрелит его в сердце, когда он приблизится.

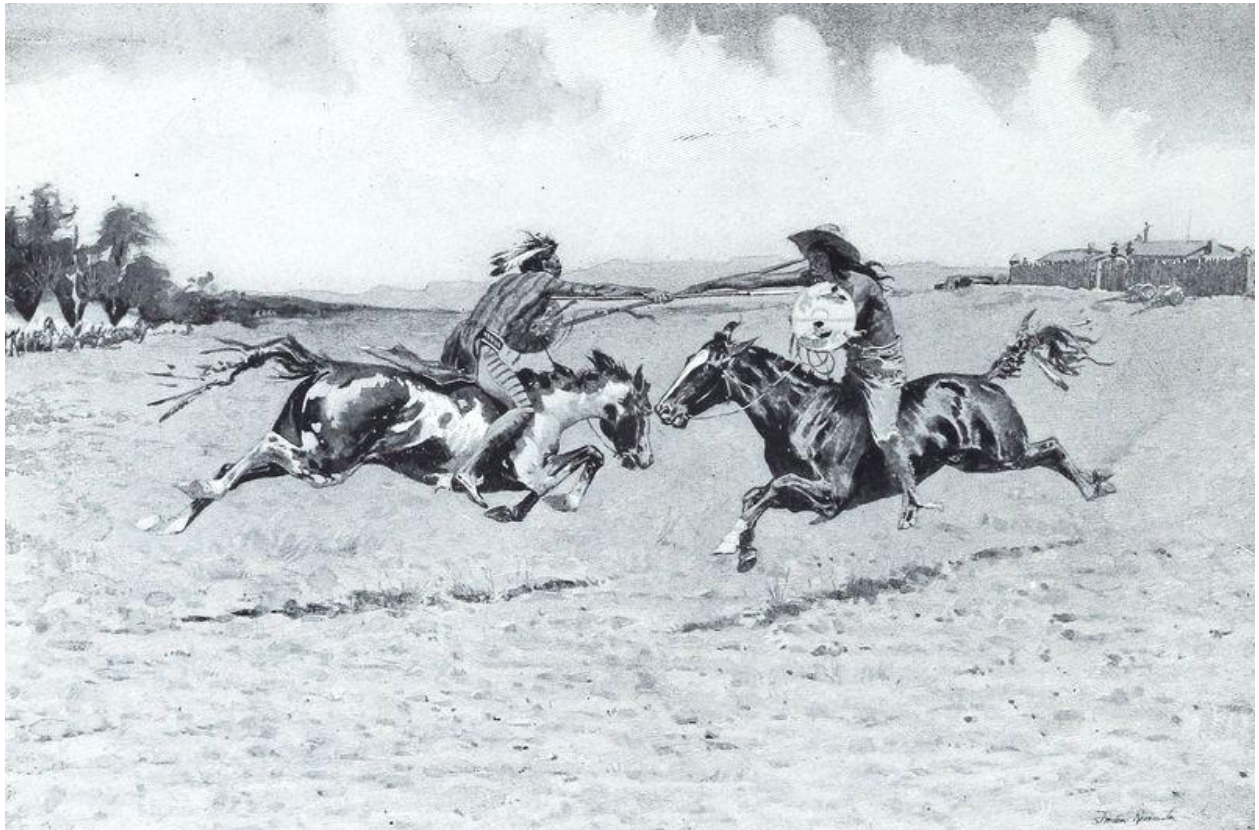
Арест

разведчика

Подозреваемый в похищении индейской девушки и убийстве ее матери, этот человек был найден в лагере тисвин, где он пировал с другими пьяницами. Хотя он был членом их собственного отряда, его братья-разведчики, разоружив и связав его, привели его обратно на пост, где он был помещен в караульную.

Иллюстрация из книги «Кривой след масаев» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, январь 1898 г.

Индийская дуэль

Индиец на пятнистом пони вооружен большим копьем для охоты на бизонов, а его противник — ножом для разделки кожи. Как изображено художником, копье для охоты на бизонов пронзило плечо его противника насквозь.

Иллюстрация из книги Фредерика Ремингтона «SUN-DOWN

LEFLARE'S WARM SPOT»

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, сентябрь

1898 г.

Офицер дважды выстрелил с большого расстояния, но промахнулся, и, когда задыхающийся краснокожий бросился прямо на него, шериф упал на землю и уполз, оставив Воющего Волка один на один с отрядом из двадцати разъяренных ковбоев и тысячей граждан, которые шли следом пешком. С адским выражением на лицах они застрелили беззащитного человека, а затем сошли с лошадей и с безжалостной ненавистью раздавили его лицо ногами, как будто он был гремучей змеей. Они наносили удары ножом по его мертвому телу и засыпали его пулями. Они дрались за возможность пнуть его. Они утратили всякое сходство с людьми. Волки, сражающиеся за плоть своих сородичей, не могли бы быть более безжалостными и злобными — более ужасающими в своей жестокости.

Среди шума их задыхающихся проклятий и криков ненависти раздался сильный, чистый голос — звучный мужской голос:

«ОСТАНОВИТЕСЬ, во имя Христа!» И через волчью толпу пробился высокий молодой человек в одежде католического священника. Его большое, широкое лицо было полно решимости, а лоб блестел белым среди падающей массы загорелых, закаленных погодой пограничников.

«Назад! Вы что, демоны из ада? Где ваш стыд? Тысяча против одного! Это ваше американское рыцарство? О, трусы!»

Он стоял над упавшим человеком, как лев над телом своего товарища. Его голос дрожал от ужаса и возмущения.

«Божье проклятие на вас, если вы еще раз тронете этого человека». Толпа замолчала, и священник продолжил: «Я видел зверей африканских джунглей на войне и знаю повадки змей Никарагуа — я знаю ваших американских медведей и волков, но я никогда не видел такой жестокости».

Каждое его слово было слышно толпе; каждый слушавший отводил взгляд. Они были беспомощны под ударами презрения молодого священника. «Вы — те храбрые парни, о которых мы читаем, — сказал он, обращаясь к ковбоям. — Вы — рыцари равнин...» Затем его праведный гнев вспыхнул снова. «Рыцари равнин! Шакалы с кладбища становятся милыми в вашем присутствии. Вы храбрые люди, если можете связать и тащить беззащитного человека — и вы!» Он повернулся к уклоняющемуся шерифу. «Вы из моего прихода — я вас знаю. Проклятие церкви висит над *вами* за сегодняшнее дело». Он сделал паузу, чтобы перевести дух, а затем добавил: «Заберите тело этого человека. Он мертв, но его кровь еще сделает этот город зловонным в ноздрях всего мира. Вы не можете делать такие вещи сегодня и не быть осужденными всеми христианскими народами».

Пренебрежительным жестом руки он распустил толпу. «Идите домой! Вернитесь к своим женам и детям и хвастайтесь своим великим поступком. Оставьте мертвого мне».

Толпа рассеялась, оставив шерифа, священника и врача, который вызвался помочь, осматривать истекающее кровью тело, которое когда-то принадлежало высокому и сильному краснокожему вождю.

«Этот человек жив!» — сказал доктор с трепетом в голосе. «Жизнь не угасла. Принесите мне воды».

«Спасите его — ради любви Христовой!» — воскликнул священник, падая на колени рядом с израненным и избитым краснокожим. «Это будет чудо, благословенное чудо, если он выживет. Это невозможно!»

«Его сердце бьется — и, кажется, становится сильнее», — повторил доктор, приступив к работе с ловкой энергией.

«Что это?» — спросил священник, поднимая окровавленный и смятый листок бумаги. Он развернул его и, дочитав, поднял глаза и стал молиться в тишине с каким-то затаенным напряжением, а по щекам текли слезы:

«Господи Иисусе, дай мне смирение и терпение по отношению к этим людям. Пусть мое сердце не ожесточится от ненависти к этой несправедливости».

Затем, глядя на бедное израненное тело Воющего Волка, он сказал:

«О Боже, какая жалость! Какая трагедия! Его сердце было добрым ко всем людям, а они раздавили его!»

Они подняли Воющего Волка, священник принял его в своем доме « » и ухаживал за ним, и он выжил — но был так избит, так изуродован, что даже его собственная жена не узнала его.

Облако его ненависти и отчаяния никогда не рассеялось. Он не говорил ни слова ни с одним белым человеком, кроме доброго священника и своего друга, агента, и когда он умер, ни один из них не знал об этом. Ни один белый человек не знает, где было спрятано его тело.

МОЛЧАЛИВЫЕ ПОЖИРАТЕЛИ

МОЛЧАЛИВЫЕ ПОЖИРАТЕЛИ

I

НАЧАЛО ВЛАСТИ

Я родился солдатом.

Я прожил долгую жизнь.

Несмотря ни на что, я прожил так долго.

—Военная песня племени сиу.

Однажды в 1854 году, когда Ункапаппы, ветвь племени моего отца, разбили лагерь в погоне за бизонами на притоке реки Платт, из южной стороны в круг вошел смешанный по крови разведчик, принеся странное сообщение. Он сказал: «Великий вождь белых идет с бусами, тканями и многими другими хорошими вещами. Он желает, чтобы все краснокожие встретились с ним на совете мира. Он сожалеет, что мы находимся в состоянии войны. Поэтому он приглашает всех ваших вождей в свою хижину, чтобы они получили подарки и покурили».

До этого момента ункапаппы никогда не разговаривали с солдатами, и многие, как и я, никогда не видели белого человека. Наш дом находился к востоку и северу от Блэк-Хилс, вдали от контактов с поселенцами. Мы слышали о них, но только отдаленно. Многие из наших людей никогда не видели французского траппера. Наша жизнь продолжалась так же, как и с самого начала.

Мы следовали за бизонами, куда бы они ни шли, в пределах охотничьих угодий, на которые мы претендовали. На востоке жили наши кузены, янкитонезы и миннеконжусы. К северу от Каннонбола жили ри и манданы; на северо-западе, за рекой Паудер, скрывались кроу, наши вечные враги. В верховьях Арканзаса жили юты, могущественный горный народ. Команчи и многие другие неизвестные народы занимали земли далеко на юге, а на востоке лежала земля, более загадочная, чем любая другая, потому что, как говорили, и белые, и красные люди претендовали на нее и воевали за власть над ней. О остальном мире большинство из нас ничего не знало; все было темно, как пещера, населенная летучими мышами и змеями.

Поэтому, когда гонец высказал свою просьбу, вожди созвали большой совет, чтобы обдумать этот новый и важный вопрос. В то время четверьма главными вождями моего народа были Четыре Рога, Красный Рог, Бегущая Антилопа и Громкоголосый Ястреб. Эти люди имели полную власть созывать собрание, и все люди послушно собирались вместе, а некоторые мальчишки, такие как я, подкрадывались поближе, чтобы послушать.

Это было в начале лета. Трава была молодой и сладкой; бизоны были тучными, лошади быстрыми, и каждый день был праздником с множеством танцев, а мы, мальчишки, устраивали скачки на лошадях, когда старики нам разрешали. Никто из нашего племени не имел в это время забот. Даже старики улыбались, как дети.

В те дни равнины были черными от бизонов, а долины усеяны красными оленями и лосями, и ни одна хижина не боялась голода или мороза. Зимой мы жили в теплых вигвамах из толстой шкуры, края которых были полностью засыпаны снегом, и нам редко было холодно. У нас было много одежды из оленьей кожи, и никто не оставался неудовлетворенным. Трудно было бы найти народ, столь же счастливый, как мы, потому что мы жили так, как научил нас Великий Дух, не думая о переменах.

Тем не менее, наши мудрецы предчувствовали грядущие беды, и когда Ястреб, который был очень старым человеком, встал в совете, чтобы выступить, его лицо было глубоко озабоченным. Когда-то он был готов к речи, но теперь его язык дрожал от старости, а плечи тяжело давили на легкие, потому что он дважды кашлянул, прежде чем смог начать.

«Друзья мои, послушайте меня. Я старик. Я больше не смогу участвовать в совете. Многолетняя зима окоченела мои губы, но я рад, что этот вопрос подняли сейчас. Мое сердце полно того, что я хочу вам сказать. Дети мои, мне приснился сон. Прошлой ночью я пошел на холм, чтобы помолиться, и, молясь, я устал и заснул, и увидел великий совет, подобный тому, на который сейчас приглашает нас Седобородый. Я видел, как раздавали много еды и одеял, а потом началась великая битва. Поднялось облако густого дыма. Среди дыма царила яростная суматоха, убивали и плакали, так что от страха мои конечности как будто прикипели к земле. Теперь я знаю, что этот сон был предупреждением. Остерегайтесь тех, кто приносит подарки. Они хотят предать вас». Подняв руку, он обратился ко всему народу и снова громко провозгласил: «Остерегайтесь тех, кто приносит подарки, ибо они принесут вам горе».

Затем он упал на землю, измученный, и все вожди замолчали, но жена Ястреба начала петь печальную песню, и пока она пела, один за другим другие вожди поднимались и говорили: «Ястреб мудр. Мы не пойдем на встречу с этим человеком. Мы не примем его подарки. Он приходит, как команч, замаскированный под волка. Мы будем такими же хитрыми, как и он. Зачем ему предлагать подарки, если он не хочет получить над нами преимущество?»

Наконец молодой воин, серьезный человек с мягким и серьезным лицом, встал на свое место и сказал: «Отец мой, я молодой человек. Мне всего двадцать два года, и, возможно, ты не будешь меня слушать, но я все же намерен высказаться. Я всегда слушал, когда говорили старшие, и особенно внимательно прислушивался, когда в наши жилища приходили чужаки с Востока. Ваше решение мудро. Лучше не иметь ничего общего с этими обманщиками. Теперь выслушайте мою просьбу. Я хочу быть главным воином в этом деле. Если вы хотите противостоять дарителям подарков и политике, связанной с их отказом, передайте это дело в мои руки, и я позабочусь о том, чтобы ваши желания были выполнены».

Решительная и мужественная манера поведения этого молодого человека понравилась старейшинам, и после обсуждения они сказали: «Хорошо. Мы назначим тебя нашим исполнителем в этом деле. Ты будешь главным воином по договорам».

Таким образом, мой вождь *Та-Танк-ио-Танка*, Сидящий Бык, стал тем, кого вы называли бы «министром войны» более чем семисот шатров моего народа. Он уже достиг звания доблестного, но не безрассудного воина. Его знали все, как и кроу. Он происходил из хорошей семьи, хотя его отец был лишь второстепенным вождем. Его дядя был Четырьмя Рогами, а дед, Прыгающий Бык, был активным и влиятельным человеком, чье влияние, несомненно, было полезно молодому вождю. Его имя никогда не носил никто другой из его племени. В четырнадцать лет он нанес удар ворону. Он был ранен в ногу, когда бросился на врага, и до сих пор слегка хромотал. Он был активным, скромным и способным ко многим вещам.

Но его слава миротворца уже далеко превзошла его известность как воина. Огаллалы сделали его вождем из-за его твердого чувства справедливости. Всего за год до этого группа молодых воинов из его собственного племени украли у своих кузенов стадо лошадей, когда два племени лагеря стояли рядом, и Сидящий Бык, услышав об этом, подошел к молодым людям и сказал:

«Мы не мстим нашим друзьям. Мы отнимаем только у наших врагов», — и после этого вернул лошадей их владельцам.

В благодарность за этот добрый поступок огаллалахи сделали его своим вождем, хотя он не принимал участия в их советах.

Он был природным лидером и убедительным оратором. Вождь среди моего народа, как вы знаете, является миротворцем, и Сидящий Бык всегда говорил мягким голосом. Если он видел, как двое мужчин ссорятся, он разнимал их и говорил: «Не воюйте между собой. В чем дело? Расскажите мне о своем споре». Иногда он говорил: «Вот по лошади для каждого из вас. Идите и не ссорьтесь больше». Когда он был очень успешен в охоте, он всегда обходил лагерь и везде, где жили больные мужчины или пожилые женщины, оставлял окорок оленины или мясо буйвола. Это принесло ему много друзей. Он не желал богатства для себя, но для своего племени.

Поэтому почти все члены племени были рады, когда его сделали вождем по заключению договоров () и поручили ему все такие дела. Он сразу стал тем, кого белые люди называли бы государственным секретарем и министром войны.

Сразу после своего избрания он позвал посланника договора в свою хижину и сказал: «Вернись к тем, кто тебя послал, и скажи им: «Ункапаппам не нужна ваша еда и одежда. Холмы покрыты стадами буйволов, в зарослях созревают вишни. Когда мы захотим какие-либо товары белых людей, мы их купим. Иди с миром».

Так белые люди впервые слышали о Сидящем Быке.

Да, в те чудесные дни мой народ был многочисленным и могущественным. Союзные племена сиу (как вы, белые люди, их называете) владели всей землей от озера Биг-Стоун на западе до реки Йеллоустоун и на юге до реки Платт, то есть всей территорией, которую вы называете Южной Дакотой, частью Вайоминга и половиной Небраски. Мы часто уходили далеко, до Скалистых гор, в поисках пищи, потому что бизоны постоянно перемещались. Как призрачные озера на равнине таинственно появляются и исчезают, так и они приходили и уходили.

Там, где были бизоны, было изобилие, и мы ничего не боялись. Но они бродили по обширным территориям. По этим причинам моему народу требовалось много земли, и, хотя диких коров было много, мы иногда были вынуждены входить на земли наших врагов, чтобы добыть добычу, и эти походы были причиной наших войн с кроу на западе и с команчами на юге. Однако эти войны не были долгими или кровопролитными. В основном мы жили тихо, мирно, и только охота держала нас в тонусе.

В экспедициях, которые последовали за повышением Сидящего Быка, он стал исполнительным главой. Он был начальником полиции в силу своей должности, и именно он обеспечивал спокойствие и порядок в лагере. Всякий раз, когда в круг входил гонец, часовые приводили его прямо в шатер вождя и ждали приказов. Никто не думал вмешиваться между Сидящим Быком и его обязанностями, потому что, несмотря на свою тихость, он мог быть очень суровым.

Он отложил в сторону все оружие — так как это принято среди вождей племени « » — и взял с собой только вышитую сумку для трубки и веер, ничего больше. Его лицо всегда было спокойным, а голос — мягким. Он, казалось, не думал о себе, а всегда говорил о благополучии своего племени. Когда ему задавали вопрос, требующий решения, он отвечал: «Это хорошо для моего народа. Мы сделаем это». Или: «Это плохо для моего народа. Мы откажемся». Он поднялся, опираясь на благополучие своего народа.

Именно по этой причине он в 1855 году вновь отказался встретиться с генералом Харни в Форт-Пьер. Он знал о потоках белых людей, хлынувших в Айову и Миннесоту. У него были шпионы, и он знал о каждой лодке, которая поднималась по Миссури. У него уже была четко сформулированная политика. Каждому торговцу он говорил: «Да, я рад вас видеть. Мой народ хочет продать шкуры и купить табак и боеприпасы. Этот обмен выгоден. Приходите и торгуйте». Но посланнику правительства белых людей он говорил: «Я не хочу ваших подарков. Мои молодые люди зарабатывают на жизнь охотой. Нам не нужны заключители договоров».

Так его слава распространилась среди пограничников, и его стали называть свирепым воином, всегда готовым убить, хотя на самом деле он защищал тех, кто приходил в его лагерь; даже шпионы Вашингтона имели причину благодарить Сидящего Быка за его милосердие.

Годы прошли приятно, и мое племя почти не предчувствовало опасности. Дичь оставалась в изобилии, и, хотя слухи о приходе белых людей усилились, люди не обращали на них внимания, хотя вожди серьезно обсуждали эту проблему. Затем однажды пришла весть, что дакоты, наши соседи, воевали с белыми. Вскоре после этого пришло известие, что их изгнали с их земли на нашу территорию. Тогда ункапапы впервые познали силу захватчиков. Я был еще мальчиком, но хорошо помню недоверчивые слова моих родителей, когда у костра впервые рассказали о сражениях. Старейшины были обеспокоены, а Сидящий Бык казался особенно мрачным и озабоченным.

На совете он сказал: «Наши братья поступили неправильно. Они не должны воевать с белыми людьми. У них есть много вещей, которые нам нужны — ружья, одежда и ножи. Мы должны быть с ними дружны. Я не воюю с ними, хотя боюсь их подарков и закрываю уши от их обещаний. Я предсказываю, что нас вытеснят».

В это же время к нам пришла весть, что белые люди воюют между собой далеко на юге, но мы никогда не встречали никого, кто видел бы это своими глазами. Мы не имели четкого представления о том, что находится к востоку от нас. Мы знали только, что там живут чиппева и много белых, которые дружат с ними, но никто из наших мудрых старейшин не мог рассказать нам больше.

Однажды я слышал, как вождь сказал: «Я не понимаю, почему белый человек покидает свою землю, чтобы вторгнуться в нашу. Должно быть, это печальная страна с малой дичью, и если бы он пришел сюда только для охоты или торговли, мы бы его радушно приняли, но я боюсь, что он пришел, чтобы украсть наши охотничьи угодья. Если он в нужде и пришел мирно, пусть делится с нами нашими бизонами. Их хватит, чтобы накормить весь мир».

Между тем четыре главных вождя старели и впадали в летаргию, и поэтому, естественно, шаг за шагом, Сидящий Бык стал главой всего нашего племени. Он привлек к себе всех тех, кто верил в простую жизнь наших предков, вдали от всех врагов. Песнями, танцами и пирами мы отмечали смену сезонов, живя в основном мирно, за исключением тех случаев, когда время от времени отправлялась небольшая группа против кроу или манданов, пока в

110-й отметке зимнего счета моего отца — то есть в 1869 году — белые не основали торговый пост на реке Гранд, разместили в нем солдат и отправили курьеров ко всем племенам сиу, чтобы те собрались там на совет. Настало время (как оказалось впоследствии), когда поселенцы захотели заселить наши земли.

Думаю, это был первый раз, когда вождь ясно понял отношение правительства к нему. Другой день знаменует начало упадка моего народа.

Я хорошо помню приход того посланника. Меня разбудил стук копыт лошади, и, выглянув из вигвама, я увидел маленького человека на большой лошади — большей, чем я когда-либо видел. Воины окружили его и спросили: «Кто ты?».

«Отведите меня к Сидящему Быку», — сказал он, и в этот момент вождь выглянул из своего шатра и сказал: «Приведите его ко мне».

Его привели и поставили перед Сидящим Быком, и они некоторое время молча смотрели друг на друга. Я заглядывал под боковую стенку хижины и не мог видеть лицо вождя, но незнакомец улыбнулся и сказал: «Глаза Сидящего Быка помутнели, что он не узнает своего старого товарища по играм?»

«Барсук», — ответил вождь. Затем он улыбнулся, и они пожали друг другу руки. «Ты изменился, мой друг; ты был еще мальчиком, когда мы играли в охоту в Пещерных холмах».

«Это правда», — ответил мужчина, который был французским метисом. «Я не виню тебя за то, что ты смотришь на меня слепыми глазами. Я бы тебя не узнал. У меня для тебя есть сообщение».

«Принеси еду для нашего брата», приказал вождь, и после того, как Барсук поел, вождь сказал: «Теперь расскажи мне, откуда ты и почему ты здесь?»

«Это долгая история», — сказал Барсук. «Это история, над которой ты должен подумать».

И так в течение трех дней Барсук сидел перед вождем, и они разговаривали. Каждую ночь в лагере шло серьезное обсуждение того же вопроса. Лицо вождя с каждым днем становилось все более суровым. Он долго курил, и были моменты, когда его глаза останавливались на земле в глубокой задумчивости, пока Барсук рассказывал о могущественном белом человеке — о его чудесных деяниях, о его армиях, о его железных лошадях, обо всем том, что мы потом увидели сами. Он пошел еще дальше. Он рассказал нам о правительстве белых людей, которое располагалось в большой деревне, построенной из дерева и камня. Он сказал, что белых людей больше, чем бизонов, а их лошадей — как сусликов. «Ты поступаешь правильно, мой друг, не вступая в войну с этими людьми. Они всепобеждающие. Что ты можешь сделать против волшебников, которые создают ружья, ножи и порох?»

«Я не испытываю к ним ненависти, — ответил вождь. — Все, о чем я прошу, — это чтобы меня оставили в покое».

«Послушай, мой друг. Вот что делает белый человек. Великий вождь по имени Шеридан, за которым следуют многие воины, убивает или подчиняет всех краснокожих на юге. Он сломил команчей, киевов и пони — все они склоняют перед ним головы. Из Вашингтона были отправлены жестокие вожди с приказом собрать всю твою расу на определенных небольших землях и там научить их образу жизни белых людей. Неважно, хотят они этого или нет. Они должны уйти или быть разорваны на куски его оружием. Мой друг, это то, что они собираются сделать с тобой. Они хотят, чтобы ты пришел к устью Гранд-Ривер и к

Стоящей Скале, чтобы там отказаться от охоты и научиться образу жизни белых людей. Великий военачальник белых так сказал».

Глаза вождя запылали. «А если я откажусь?»

— Тогда он пошлет длинную колонну своих всадников, чтобы привести тебя.

Вождь мрачно улыбнулся. «Хо! Ну, вернись и скажи им, чтобы приходили. Сидящий Бык до сих пор очень хорошо жил по обычаям своих предков и будет продолжать жить так же. Земля на западе обширна, а дичи много».

Но Барсук тогда сказал: «Брат мой, ты хорошо меня знаешь. Мы можем говорить откровенно. Меня послал белый вождь, я говорю это сейчас. Он попросил меня прийти, и я пришел. Я пришел как друг, чтобы ты не был обманут. Я говорю тебе правду — белый человек движется на запад, как стадо буйволов, медленно, но верно. Его сердце полно горечи по отношению к нам, и мы должны молчать перед ним. Он хочет всю землю к востоку от Миссури и к югу от Черных гор. Он требует, чтобы ты отдал ее».

Мой вождь сидел в хижине своих воинов; там было мало людей. Мой отец смотрел в дверь, а я, мальчик, стоял рядом с ним. Я видел, как вены на шее вождя вздулись, когда он встал и сказал: «Мой друг, там» (он махнул рукой на запад) «наша земля, большое открытое пространство, покрытое дичью. Вернись к своим друзьям, белым людям, и скажи, что Сидящий Бык — Ункапаппа и свободен поступать, как ему заблагорассудится. Он выбирает жить так, как жили его отцы. Как Великий Дух его создал, так он и есть, и так он и останется».

II

ПОЛИТИКА И СОВЕТ

Тем не менее, речь Барсука просветила моего вождя. Он глубоко задумался над его словами и наконец-то понял требования белых людей. Он жил, занимаясь земледелием, а краснокожие — охотой. Бледнолицые сказали: «У краснокожих слишком много земли. Мы заберем часть ее себе. Взамен мы научим их, как выращивать урожай, печь хлеб и шить одежду». Но они не остановились на этом. Они сказали, что если краснокожие не захотят заниматься земледелием и носить нашу одежду, мы пошлем солдат с ружьями и заставим их подчиниться нашей воле.

Первой обязанностью вождя было отклонить эти условия, и он так и поступил; но пришел второй посланник, принеся табак и круглые лепешки хлеба. Вождь растоптал табак пяткой, а его солдаты сбросили хлеб с холма в реку. Посланник стоял рядом и наблюдал за этой веселой игрой, но был достаточно мудр, чтобы промолчать.

Однажды курьер, который не переставал говорить, когда ему приказал вождь, был изгнан из деревни. Так случилось, что этот великий лагерь на реке Литл-Миссури стал называться «Враждебный лагерь Сидящего Быка».

Вы слышали, как некоторые сейчас высмеивают моего вождя и говорят, что он не был воином, что он был трусом, человеком ничтожным; но те, кто так говорят, — невежественные глупцы. Почитайте книги агента в Стэндинг-Рок; там вы найдете записи о том уважении и страхе, с которыми агенты Вашингтона относились к моему вождю в те дни. Вы можете прочитать там о семи посланниках, которые были отправлены, чтобы сказать «Сидящему Быку и его непримиримым, что они должны сдаться и сложить оружие» — и если вы будете читать дальше, то узнаете, как эти шпионы вернулись, не осмелившись произнести ни слова из приказа правительства моему вождю.

Они солгали о нем, трусливые щенки, и сказали, что он угрожал им. На самом деле они прокрались к нему и ничего не сказали. Таким образом, агент получил ложное представление о вожде и сообщил, что тот находится в состоянии войны с белыми, что не соответствовало действительности.

Сидящий Бык был теперь и министром войны, и главнокомандующим всех тех, кто верил в традиции предков. Он привлекал к себе людей смелостью и мягкостью своих слов. Его лагерь был убежищем для тех, кто отказывался подчиняться агентам правительства белых людей. Круг его последователей с каждым годом расширялся, и его слава распространялась далеко среди белых людей, которые ненавидели его за земли, которые он занимал.

Но в то время как мой вождь так твердо держался за обычаи предков, как скала в бурном потоке, наши кузены, янкитонезы и огаллалы, постепенно сдавались перед силой Вашингтона. Как и виандоты, миами и иллини, они отступали перед чудотворными пахарями.

Осенью 1869 года агент снова прислал нам приглашение принять участие в очередном мирном совете. Вашингтон хотел купить еще часть нашей земли. Конечно, Сидящий Бык отказался и приказал никому не покидать его лагерь, за исключением посланников, которых он отправил для проверки голосования по договору. «Я дал клятву и никогда не буду вести с вами переговоры», — сказал он.

Несмотря на все это, меньшинство народа сиу, слабые, трусливые души, смешанные с метисами и посторонними (такими как санте, которые не имели права быть учтенными), заключили договор, в котором они подло уступили без нашего согласия большую полосу нашей земли в Дакоте и определили некоторые небольшие участки, которые должны были навсегда оставаться резервациями для всех союзных племен сиу. Ункапаппы были одновременно печальны и разъярены, но что они могли сделать?

За этим последовало создание агентства в Гранд-Ривер, и многие из янкитонесов переселились туда и начали принимать еду и одежду белых людей в качестве платы за утрату свободы.

Я не виню этих людей сейчас. Они боялись, они были подавлены белыми людьми, но у них не было власти заключать такой договор, обязывающий нас, и мой вождь, будучи очень печальным и очень злым, сказал: «Глупцы! Они продали нас нашим врагам в день страха».

В тот момент наш мир начал исчезать, потому что по мере того, как форт и агентства усиливали свою власть вдоль Миссури, навязывая свою волю моему народу, образовались две большие партии. Многие говорили: «Белый человек — завоеватель мира; мы должны следовать по его стопам», но те, кто говорил: «Мы умрем так, как жили — краснокожими, свободными и без страха», естественно пришли в шатер моего вождя и с радостью подчинились его руководству. Почитайте в архивах Военного министерства, правда это или ложь. Вам не нужны обвинения краснокожих, чтобы доказать вероломство Конгресса.

Политика моего вождя осталась прежней. «Не воюйте с белыми, но очистите нашу территорию от кроу и манданов».

Он окружил себя группой доверенных воинов, которых использовал так же, как генерал использует членов своего штаба. Они были его дальновидными глазами и ушами. Они приносили ему новости о дальних экспедициях. Они поддерживали порядок в лагере и защищали его от зависти подчиненных вождей — ведь вы должны знать, что в сердцах менее значительных людей выросла тайная ненависть к нашему лидеру. Эта охрана вождя

называлась «Безмолвные едоки», потому что они собирались на частных пирах и тихо беседовали, без песен и танцев, в то время как все остальные в племени танцевали и веселились. С этими «Безмолвными едоками» вождь свободно обсуждал все важные проблемы, которые возникали.

Мой отец был одним из них, и вождь любил его. Сидящий Бык говорил с ним откровенно. «Зачем нам идти в резервацию и пахать твердую землю, — говорил он, — когда бизоны ждут нас в диких землях? Мы ничего не должны белым людям. Мы можем сами о себе позаботиться. Мы покупаем оружие и патроны; мы хорошо за них платим. Мы живем на земле, которую Великий Дух дал нам в начале. Ее плоды принадлежат нам, ее леса и пастбища принадлежат нам. Пусть белые люди держатся своей земли. Почему они беспокоят нас? Разве они думают, что Великий Дух глуп, что он создает людей без причины?»

Он знал обо всем, что происходило в агентстве. Он слышал, что среди отступников, предпочитавших бездельничать в рядом со складом белых людей, поднимались лидеры, противостоявшие его путям, путям наших отцов. Он знал, что они осуждают его, но не мстил им. «Я проливаю кровь не по собственному желанию, а по необходимости, — сказал он. — Я прошу только разрешения жить так, как жил мой отец. Белые люди ловко изготавливают оружие, но мы — лучшие охотники. Мы обмениваем наши шкуры на ножи и порох. Пока все хорошо».

Но вы знаете, как это бывает, белые люди не держатся своих обещаний. Они пришли на наши земли, и когда наши молодые воины изгнали их, все белые люди проклинали Сидящего Быка. Вождь не искал этого, это было навязано ему.

Я расскажу вам, как это произошло.

В 1873 году правительство, поддавшись на уговоры тех, кто искал золото, послало комиссию на встречу с моим вождем, сказав: «Мы хотим купить Черные Холмы».

«Я не хочу продавать», — ответил он, и они ушли разочарованные. Вскоре после этого наши разведчики наткнулись на полк кавалерии, шпионивший в окрестностях холмов. Они прибыли с запада, и Черный Волк, вождь разведчиков, спросил: «Что вы здесь делаете?»

Капитан рассмеялся, насмехаясь над ним, и сказал: «Мы ездим, потому что наши лошади толстые и нуждаются в упражнениях».

Эти слова, когда их повторили моему вождю, глубоко его встревожили. «Мы должны следить за этими людьми. Они шпионы тех, кто хочет украсть Черные холмы, как пахари уже захватили земли к востоку от Миссури. Мы не можем позволить себе снова переселяться. Необходимо дать отпор».

Затем генерал Кастер — «Длинноволосый» — был отправлен в экспедицию в холмы, и все племя стало очень беспокоиться; даже те, кто принял товары агента и лениво жил в Стэндинг-Рок, начали тревожиться. Они наконец ясно почувствовали, что белые люди наступают, наступают с востока.

Те, кто ушли посмотреть, вернулись с сообщениями о том, что поселенцы бесчисленны на прериях и что все леса уничтожаются ими. Они пахали над могилами наших предков, чьи кости были брошены на съедение волкам. Пароходы гудели по рекам, а железные лошади бежали по древнейшим тропам. Иммигранты уже выстроились вдоль большой грязной реки с фортами и деревнями, а некоторые жадно смотрели на Черные холмы, в которых солдаты обнаружили золото.

Мой народ считал экспедицию Кастера незаконным вторжением на свои земли, так же как, далеко на юге, по сообщениям наших друзей огаллалов, другие белые люди без

договора двигались на запад, строили железные дороги и гнали перед собой бизонов. Это было очень тревожно.

Сидящий Бык с тревогой слушал эти рассказы, надеясь, что его посланцы ошибаются. Он с еще большей яростью боялся и ненавидел всех посланцев, которые приходили после этого, принося подарки, и комиссия, которая прибыла в его лагерь в 1875 году, застала его с очень мрачным лицом и очень лаконичным в разговоре. Никогда еще он не был так скуп на слова.

Они сказали: «Мы пришли, чтобы купить холмы».

Он ответил: «Я не хочу продавать».

«Мы хорошо заплатим за аренду вершин — высоких мест, где находится золото».

«Я не могу их сдать в аренду; холмы принадлежат моему народу», — сказал он.

«Мы ваши друзья. Вам лучше продать, потому что, если вы не продадите, белые люди заберут холмы без оплаты. Они приходят, как наводнение. Ничто не может их остановить; их взгляд устремлен на цель. Вы ведете безнадежную борьбу».

«Я не продам», — ответил он, развернулся на каблуках, и они тоже ушли, не добившись успеха.

В тот вечер он сказал своим «Тихим Пожирателям»: «Пока буйволы не покинут нас, мы в безопасности. Не может быть, чтобы Великий Дух позволил белым людям лишиться нас и наших земель, и средств к существованию. Он создал нас такими, какие мы есть, и пока мы следуем нашим древним обычаям, мы хороши в его глазах».

Тем не менее, его друзья видели, что он был очень обеспокоен. Белые охотники тогда убивали бизонов ради шкур. Они убивали просто для удовольствия. Стада таяли, как облака в небе, их кости покрывали равнину, и мой вождь начал бояться, что комиссар сказал правду. Он начал сомневаться в продолжении своего рода.

III

БИТВА У БИГ-ХОРН

Весной 1876 года, по вашим подсчетам, к нам пришла весть о том, что войска сражаются с нашими братьями, и вскоре после этого несколько шайенов пришли в наш лагерь и предупредили вождя: «Солдаты Вашингтона идут сражаться с вами. Они намерены заставить вас уйти в резервацию».

Сидящий Бык был глубоко взволнован этой новостью. «Почему они это делают? Я не воюю с ними. Они не годятся в пищу. Я убиваю только дичь — животных, которые нужны нам для пропитания. Я всегда за мир. Те из вас, кто меня знает, могут подтвердить, что я получаю наибольшее удовольствие от того, что являюсь миротворцем. Я с радостью выступаю посредником. Теперь я сделаю знак. Чтобы показать им, что мы не хотим воевать, я перенесу лагерь. Давайте уйдем глубоко на Запад, где почва слишком твердая для плуга, подальше от белых людей, и будем жить там в мире. Это земля для охотников; те, кто возделывают землю, никогда не придут, чтобы изгнать нас».

После долгих обсуждений его план был одобрен. Для нас это был печальный день, когда нам приказали покинуть родные холмы и уйти в чужую землю, далеко от могил наших предков. Песни пронзительной печали раздавались по хижинам, когда лагерная полиция приказала уходить, а некоторые вожди хотели остаться и сражаться.

«Мы сдаем нашу землю врагу, — говорили они. — Мы бросаем часть нашего народа на растерзание, чтобы спасти остальных».

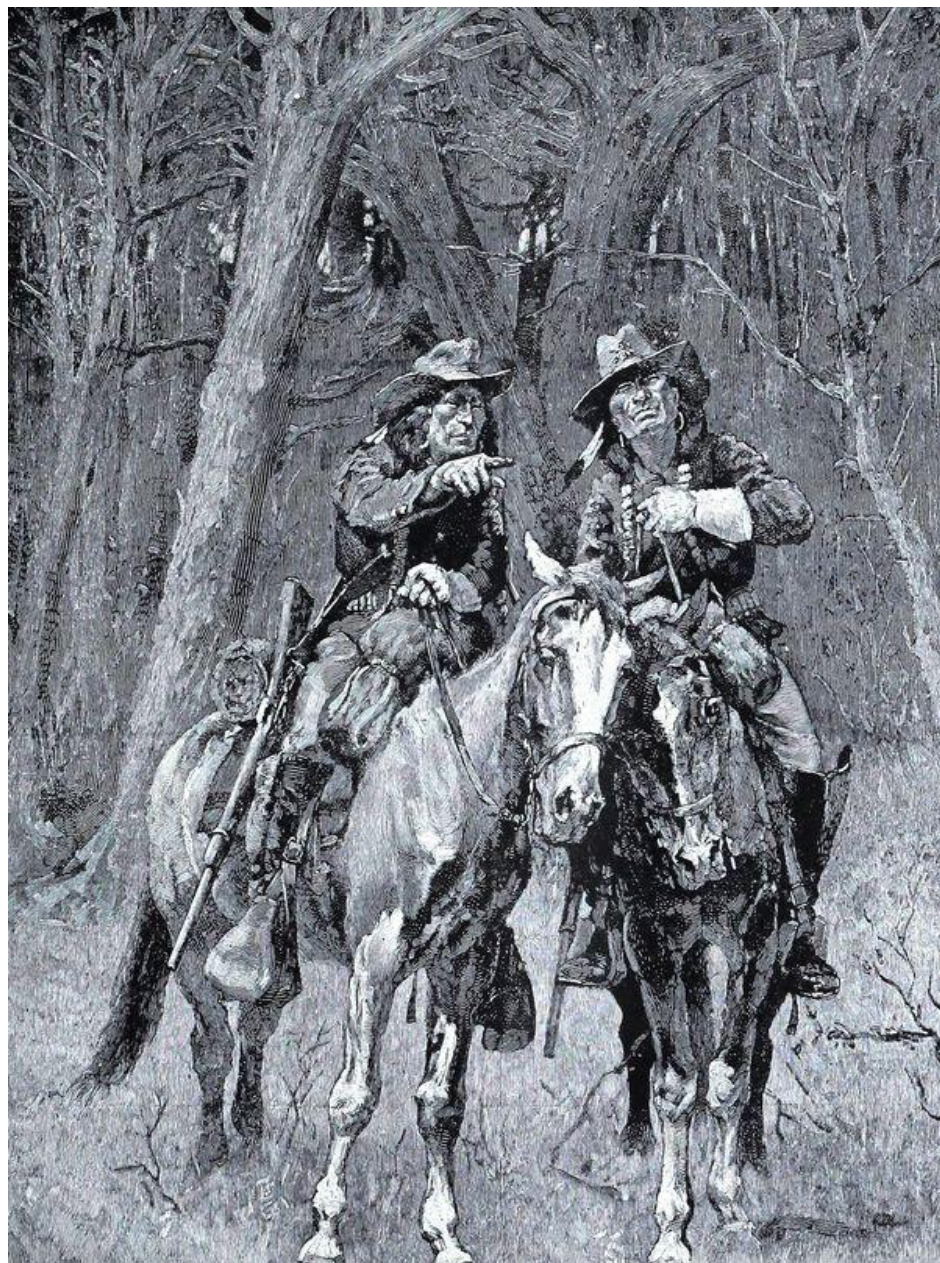
«Земля на западе широка и пуста», — убеждал вождь. «Вашингтон теперь будет доволен. Он поглотил огромную часть наших охотничьих угодий; его жадность теперь будет удовлетворена. Он не последует за нами в таинственный закат, потому что его плуг там бесполезен».

В то время наш лагерь находился в Пещерных холмах между рекой Гранд и верховьями Моро, и мы отправились на запад большой процессией, неуклонно продвигаясь вперед, пока не достигли долины реки Паудер. Там мы встретили триста шатров шайенов под командованием Сумасшедшего Коня, Американского Коня и Двух Лун.

Американский Конь сказал нам: «Мы готовы сражаться. Генерал Крук ведет против нас войну, но мы уже однажды победили его и можем сделать это снова. Теперь мы пойдем с вами, разбиваем лагерь рядом с вами и будем сражаться, когда придет время. Наша судьба будет вашей судьбой. Что бы ни случилось, мы разделим это с вами».

«В войне не будет нужды», — торжественно сказал мой вождь. «Мы отказались от нашей земли, мы уходим далеко на запад, даже дальше страны кроу, где водятся бизоны. Наш враг не последует за нами туда».

Безумный Конь покачал головой. «Он придет, этот белый человек. Он преследует нас, куда бы мы ни пошли. Он не знает пощады, как волк. Он поклялся стереть нас с лица земли».

Разведчики шайеннов патрулируют Большой Лес на севере Канады, Оклахома

Иллюстрация из книги «Разведчики шайеннов в Оклахоме»

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 6 апреля 1889 г.

Индейцы ведут разведку с вершины горы

Острый глаз индейца способен различать объекты даже в таком обширном поле зрения, каким кажется это. Однако для белого человека западный пейзаж — красный, желтый, синий, призматический, затененный облаками и заканчивающийся среди них — кажется чем-то нереальным.

Иллюстрация из книги «Высшее я Сандауна» Фредерика

Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, ноябрь

1898 г.

Наш лагерь был очень большим, и мой вождь был в полной власти. Некоторые из огаллалов присоединились к нам ранее, и вместе с шайенами нас было почти полторы тысячи хижин. Мы не пытались скрывать свои следы. Мы двигались единым строем и оставляли за собой широкую пыльную дорогу. Мы не спеша шли вверх по Йеллоустоуну до

устья Роузбада и вверх по Роузбаду до истока небольшого ручья, впадающего в Гризи Грасс Крик (ручей, который белые называют Литл Биг Хорн), в месте, где было много дров и хорошие пастбища.

Вождь, глядя на эту долину, сказал: «Здесь хорошо. Мы разбиваем лагерь здесь», и все согласились с ним. Это было действительно прекрасное место. Я был еще мальчиком, но помню эту красивую картину, прекраснее всего, что было на наших землях. Сразу же были отправлены охотничьи отряды на поиски бизонов, а некоторые из «Безмолвных Пожирателей» вождя взобрались на холмы, чтобы проследить наш след.

Охотники доложили, что в округе нет врагов и что бизоны находятся неподалеку, а разведчики не принесли никаких новостей о вторжении, и люди перестали беспокоиться. Они начали праздновать свое освобождение от угнетателей пирами и танцами. Мы начинали новую жизнь в этой прекрасной стране.

Однажды, в середине лета — я до сих пор помню это с сердцем, колотящимся в груди, — как раз когда мы готовились к танцу, раздался крик: *«Белые солдаты — они идут! Забирайте лошадей!»*

Я ясно помню этот момент. Я сидел в хижине своего отца и раскрашивал лицо для танца, когда раздался этот крик. Крики доносились из лагеря Галла, чьи хижины стояли на крайнем южном конце круга. С того места, где я стоял, я ничего не мог видеть, но когда я побежал по западному берегу, чтобы найти свою лошадь, я заметил длинную колонну белых солдат, быстро скачущих по долине с юга. Они приближались, как движущаяся стена, и солнце сверкало на их ружьях, когда они перезаряжали их. Перед ними женщины и дети бежали, как листья ивы перед ноябрьским ветром.

Мое сердце билось так сильно, что я едва мог говорить. Я был всего лишь мальчиком и никогда не видел белых солдат, но теперь мне приходилось сражаться. Вокруг меня были сотни других молодых мужчин и мальчиков, которые связывали, запрягали и садились на взбрыкивающих пони.

Когда мы вернулись, мой отец прошел мимо нас, ведя белого коня вождя, и, когда мы подошли к палатке штаба, вождь вышел в военном головном уборе и с седлом в руках. Он бросил его на лошадь, и, когда он сел на нее, мой отец и его охрана окружили его, и они уехали. Мой отец взял мою лошадь, и я не видел ни его, ни вождя до самой ночи. Я слышал, что он пытался остановить сражение, но молодые люди из лагеря вождя Галла разгромили колонну врага, прежде чем он туда добрался, и солдаты погоняли своих лошадей в реку и бросились вверх по холмам в безумной попытке убежать.

Лагерь был огромным водоворотом хаоса. Женщины сносили жилища, плача и поя, старики и мальчики связывали лошадей веревками, а земля была усыпана одеялами, седлами, сумками и другими вещами, которые остались незамеченными или казались неважными, и все это время мы слышали быстрый треск орудий, и казалось, что нас всех убьют. Никто не знал, сколько было солдат. Все казалось потерянным, наш светлый, мирный мир был на грани разрушения и уничтожения.

Я побежал, чтобы поймать еще одну лошадь, и когда я сел на нее и снова увидел долину, она была почти пуста. Женщины и дети собрались толпой на западном берегу, вглядываясь в облако дыма, которое обозначало отступление солдат на юго-восток, и пели песни молитвы и восторга.

Вдруг раздался дикий крик, и, глядя в сторону, куда указывала старуха, я увидел на голом гребне холма на востоке развевающийся флаг. Через мгновение появились четыре всадника, затем еще четыре, и так, колонной по четыре, они хлынули в поле зрения, длинной линией.

«Иди, скажи воинам», — крикнула мне мать, и, хлеща по пони, я начал спускаться по склону по диагонали к группе наших солдат, которые возвращались с преследования других солдат.

Кто-то, кто был ближе к ним, чем я, предупредил их. Я видел, как они развернулись и погнали своих лошадей в дикой погоне вдоль берега реки. У меня не было оружия, но я продолжал ехать, пока не присоединился к заднему ряду. В этой атаке участвовали сотни людей.

Вы слышали, что мой народ устроил засаду на Кастера. Это ложь. Место, где он стоял, чтобы осмотреть наш лагерь, было холмом, голым, как ваша ладонь. Он увидел нас, знал, сколько нас было, и поехал нам навстречу. Это была открытая атака с нашей стороны. Вождь Галл повел свою банду вверх по крутому ущелью и обошел солдат сзади, каждый из них цеплялся за дальнюю сторону своей лошади и стрелял под ее шеей.

Вы слышали, что мы превосходили Кастера по численности в десять раз. Это тоже неправда. У нас было менее двенадцати сотен воинов, включая стариков и молодых. У нас были старые ружья — многие из наших воинов имели только дубинки, стрелы или копья. Многие были мальчиками, как я, у которых не было даже дубинок. Нас застали врасплох, а не их. У них были новые винтовки с магазинами и шестизарядные револьверы. Все они были опытными воинами, а мы — нет; на самом деле, большинство наших людей никогда раньше не участвовали в сражениях и не имели представления о дисциплине. Каждый сражался в одиночку, без командования. Мы были беспорядочной толпой возбужденных людей. Все отдавали приказы, никто не был лидером. Так устроен мой народ. У нас нет главнокомандующего. Мы сражаемся группами. Вождь Галл возглавил одну атаку, дочь Старого Коня — другую, Американский Конь — третью, и так продолжалось, как толпа, идущая на войну.

Я не мог видеть, что происходило дальше, потому что холм был покрыт огромным облаком пыли и дыма. Никто не имел четкого представления о ходе сражения. Было очень жарко, и мы не обращали внимания на время, но, должно быть, было около половины одиннадцатого, когда началась битва. Она длилась не очень долго.

Однажды, когда я подбежал поближе, я мельком увидел белых солдат, некоторые из них стояли на коленях, другие стояли, с их ужасными ружьями, всегда готовыми к стрельбе, *крэк-крэк-крэк*, в то время как наши воины окружали их, подбегая близко, чтобы выстрелить, и отступая, чтобы перезарядить оружие. Казалось, что у некоторых солдат рано закончились патроны, потому что они сидели, держа ружья, но не стреляя.

Когда я поехал к реке, чтобы попить, огонь уже стихал, а когда я вернулся, все было тихо, и дым медленно рассеивался. Пару раз группа молодых храбрецов подскакивала к последней группе спутанных тел, и, не увидев вспышек оружия, они спешили, чтобы осмотреться в поисках Длинноволосого.

Тогда мы не знали, что генерал Кастер коротко подстриг волосы, и все мы приняли тело человека с длинными черными волосами за вождя. Теперь я понимаю, что мы ошиблись. Он был разведчиком. Некоторые из мужчин сняли с тел белых людей их одежду, а другие ходили вокруг, считая убитых. Не было много убитых краснокожих. Наш способ ведения боя спас нас от больших потерь. Вы слышали, что наши солдаты изуродовали тела убитых. Это неправда. Это сделали несколько сумасшедших старух и несколько отступников, но наши вожди не одобряли этого. Вы называете это «резней», но для нас это была битва, почетная как для нас, так и для «синих мундиров».

«Безмолвные пожиратели» вождя проехали среди стариков и старух и приказали им снова разбить лагерь. Они так и сделали, но в другом месте, дальше вниз по реке, недалеко от того места, где сейчас находится агентство Кроу.

Вождь был очень опечален, потому что осознавал всю тяжесть этой битвы. Глупцы ездили вокруг, ликуя, но он упрекнул их. «Все это плохо. Великий Отец в Вашингтоне теперь будет очень зол, потому что мы убили его солдат. Военный вождь выступит против нас с еще большей яростью, чем когда-либо. Мы не можем оставаться здесь».

Мне сказали, что он не посетил поле битвы. Я не знаю, правда ли это, но он сидел в своей хижине, размышляя, пока Галл и его люди держали Рено в плену на холме. Глупцы говорили, что нужно только измотать их, и тогда вся армия будет разгромлена.

Все вожди собрались на совет на закате, и Сидящий Бык сказал: «Мы не можем позволить себе вести войну с белыми солдатами. Их слишком много, и они слишком храбрые (). Мое сердце тяжело от сегодняшнего дня. Это наша первая битва с голубыми мундирами, и теперь я жду, когда все их военачальники соберутся против нас. Мы должны покинуть это место. Здесь для нас нет убежища. Мы должны уйти дальше, в неизвестный мир на западе. В древние времена наш народ мигрировал, и теперь настала наша очередь».

В ту ночь почти не спали. В течение долгих часов продолжался плач скорбящих, а по полю смерти «военные женщины» бегали в безумном горе, калеча тела своих врагов. Это была ночь, которая заставила мальчика повзрослеть. Мой отец сказал: «Всякая надежда увидеть когда-нибудь наш древний дом исчезла. Отныне мы должны жить на землях наших врагов». И его лицо наполняло отчаянием. Я плакал вместе с матерью.

Рано утром следующего дня наши воины устремились на Рено, и он тоже погиб бы, как Кастер, если бы бдительные шпионы вождя с далекого холма не заметили и не передали эти ужасающие знаки.

«По реке приближаются еще солдаты — огромное войско на пароходах».

Тогда вождь послал своих солдат по лагерю с этой новостью и приказом готовиться к немедленному отправлению. Курьеры помчались в горы, чтобы отозвать тех, кто осаждал Рено. Женщины и старики снова поспешно собирали хижины, а мы, парни, собирали пони, и, наконец, следуя за старыми вождями и Сидящим Быком, мы устремились вверх по реке к горам, оставив поле боя разведчикам нашего врага, но на каждом холме стоял «Безмолвный Пожиратель», и через них мы знали о каждом движении тех, кто спас Рено и похоронил мертвых.

В ту ночь мы разбили лагерь на холмах, далеко от больших сияющих снежных вершин, подобных которым мы никогда не видели.

Войска под командованием генерала Терри не задержались надолго. Они даже не осматривались поближе. Думаю, они боялись, что могут нас найти. Они поспешно похоронили погибших из племени « » и быстро отступили вниз по реке Биг-Хорн к Йеллоустоуну, а за ними следовали наши разведчики, которые докладывали о каждом движении Сидящему Быку.

Это отступление Терри ободрило многих наших вождей, и некоторые из них, такие как Галл, хотели преследовать и нанести новый удар, но мой вождь был против. Правда, он отдал приказ вернуться к устью того, что сейчас называется Рено-Крик, но он сделал это потому, что в спешке мы оставили много веревок, седел и других вещей, разбросанных по траве, а они нам были нужны. Это был третий день после битвы, и врага не было видно.

В эту ночь вожди снова собрались на совет, и Сидящий Бык посоветовал бежать. «Давайте повернемся лицом к западному ветру и не будем оглядываться назад, — сказал он. — Белые люди заполняют восток. К заходящему солнцу — бизоны. Давайте подружмся со всеми нашими краснокожими братьями, пойдем к ним и будем жить в мире».

Но старики были робкими. Они сказали: «Мы не знаем земли на западе; она для нас очень странна. Говорят, что она полна злых существ. Горы достигают неба. Люди сильны, как медведи, и уничтожат нас. Давайте останемся среди воронов, которых мы знаем. Давайте заключим с ними договор».

Наконец вождь согласился с этим и отдал приказ быть готовыми к выходу ранним утром следующего дня. «Когда сердце человека бьется от страха, лучше не останавливаться», — сказал он моему отцу.

Так началось странное отступление, о котором трудно рассказывать, потому что мы вернулись по своим следам через невысокий водораздел обратно в долину Роузбад, а затем спустились по Йеллоустоуну к Миссури, готовые начать наше изгнание. Для большинства из нас это была совершенно новая территория. Наши запасы продовольствия иссякли, и когда наши охотники принесли весть о стаде бизонов впереди, мы радостно бросились вперед, держась северного направления, и так вошли в землю племени Кроу.

Тем временем белые солдаты тоже отступили. Они не знали, где мы находимся. Возможно, они боялись, что мы внезапно нападём на них с фланга. В любом случае, они отступили и наполнили Восточную Канадскую Газету () (как я позже узнал) ложью о нас и наших вождях. Они сказали, что у вождя было четыре тысячи воинов, что его сопровождал белый солдат, и много других глупостей.

Наш народ ликовал, и по совету Сидящего Быка наша группа разделилась на небольшие отряды, чтобы лучше охотиться и запастись мясом на зиму. В небольших группах было легче добывать пропитание, и поэтому великая «армия» моего вождя, как называли ее белые люди, рассеялась, чтобы позже снова собраться вместе.

Должно быть, в октябре мы собрались вместе, и на большом совете, который последовал за этим, вождь объявил, что белые солдаты снова идут и что необходимо продвигаться на север. Это было на реке Милк, и там, можно сказать, произошло последнее сражение сиу, потому что именно на этом совете сердца огаллалов, наших союзников, ослабели. Один за другим их ораторы вставали и говорили: «Мы устали бежать и сражаться. Нам не нравится эта холодная северная земля. Мы не хотим идти дальше. Новый вождь белых солдат строит форт на реке Тонг. У него много солдат, и он требует нашей капитуляции. Он предложил принять нас с добротой».

Мой вождь встал и с презрением в голосе сказал: «Хорошо. Если ваши сердца слабы, если вы хотите стать белыми людьми, уходите!» И они встали и поспешно ушли, и мы больше их не видели.

Тогда шайенны сказали: «Мы тоже решили вернуться на свою землю. Мы боимся пустынного севера».

Тогда мой вождь очень опечалился, потому что шайены — могучие воины. «Хорошо, братья мои, — ответил он. — Вы пришли по своей воле, и мы не будем вас удерживать. Мы желаем вашей дружбы. Идите с миром».

И они покинули нас. Теперь нас было меньше половины прежней силы, но мы встретили северные ветры с храбрыми сердцами — даже женщины пели, чтобы подбодрить нас.

Мы были недалеко от Миссури, когда Майлз, белый вождь, внезапно встал на нашем пути и потребовал созвать совет.

В тот момент сражение было бы очень неравным, поскольку наших воинов было мало, а женщин и детей — много; поэтому Сидящий Бык и пять вождей пошли на встречу с Майлзом и его помощниками.

Возможно, вы читали об этом с точки зрения белых людей. Я расскажу вам о том, как это видели краснокожие, потому что мой отец в то время ехал рядом с нашим вождем.

У полковника Майлза было более четырехсот человек и пушка. Все его люди были прекрасно вооружены, а у нас было менее тысячи мужчин и мальчиков, и многие из мужчин вообще не имели оружия. К тому же мы были обременены женщинами и детьми.

Шесть белых мужчин встретили Сидящего Быка и его пятерых храбрецов. Мой отец был одним из этих мужчин, и он рассказал мне, что произошло.

Вождь медленно подъехал вперед и, приблизившись к белому вождю, тихо поздоровался с ним, а затем поднял руки к небу в молитве к Великому Духу. «Пожалей меня, научи меня. Дай мне мудрые слова», — прошептал он.

«Кто из вас Сидящий Бык?» — спросил полковник Майлз.

«Я», — ответил вождь.

«Я рад встретиться с вами. Вы хороший воин и великий вождь».

На это мой вождь резко ответил: «Почему вы остаетесь в моей стране? Почему вы строите здесь лагерь?»

На что Майлз строго ответил: «Мы получили приказ привести вас. Я не хочу воевать с вами, но вы должны подчиниться и подчиниться власти Вашингтона».

Сидящий Бык ответил спокойно, но с ударением: «Эта страна принадлежит краснокожим, а не белым. Я не хочу воевать с вами. Мой народ устал от войн и бегства».

«Почему вы не приходите и не живете спокойно в своей резервации в Стэндинг-Рок?»

«Потому что я краснокожий, а не агентский нищий. Синие мундиры из « » вытеснили нас на запад от Миссури, они ограбили нас в Блэк-Хилс, они заставили нас отнять эту землю у кроу, но мы хотим жить в мире. Вы не имеете права приходить сюда. Вы должны вывести все свои войска и забрать с собой всех поселенцев. Никогда не было белокожего, который любил бы краснокожего, и ни один лакота никогда не любил белокожего. Наши интересы прямо противоположны. Только в торговле мы можем встречаться в мире. Я Ункапаппа, и я хочу жить по обычаям моих отцов в долинах, которые Великий Дух дал моему народу. Я не объявлял войну Вашингтону, но я буду сражаться, когда вы зажмете меня в угол. Я не люблю конфликты. Неприятно всегда бежать от ваших ружей. Западный мир огромен, в нем мало людей. Почему бы вам не оставить его нам? Всю свою жизнь я жил вдали от вашего народа. За все, что я получил от вас, я заплатил. Мое племя ничего вам не должно. Вернитесь на восток, и мы будем жить так, как велел нам Великий Дух».

Генерал Майлз был очень тронут, но сказал: «Я хочу, чтобы вы пошли со мной на встречу с представителями Великого Отца и поговорили с ними».

«Нет», — ответил мой вождь. «Я боюсь этого, теперь, когда мы сражались с вашими солдатами. Мы ушли далеко, а ваши воины последовали за нами. Они напали на нас, когда мы были не готовы. Они застрелили наших женщин и детей и сожгли наши вигвамы. Тогда

мы сражались, как и положено всем храбрым людям, и убили многих. Я не хотел этого, но так сложилось. Не вините меня».

Белый вождь помолчал, а затем сказал: «Если вы не сдадите оружие и не перейдете в резервацию, я последую за вами и уничтожу вас».

На это мой вождь воскликнул: «Друг мой, нам лучше прекратить разговор, пока мы в хорошем настроении». Затем, подняв руку в мощном жесте, он произнес великую клятву: «До тех пор, пока у моих детей будет прерийный пес, а у моих лошадей — горсть травы, Сидящий Бык останется Ункапаппой и свободным человеком». И он развернул лошадь и вернулся в наши ряды.

За это время наши шпионы обнаружили оружие, которое Майлз направил на вождя, и поняли, что солдаты готовы застрелить наших послов.

Когда вождю сообщили об этом, он сказал: «Неважно. Мы подняли руки к Великому Духу; мы не должны стрелять первыми».

Он стремился к миру, потому что, хотя он все еще был вождем многих людей, он знал о силе Военного министерства и боялся ее. Всю ночь он сидел на совете с вождями, которые были мрачны и унылы. На следующее утро, услышав, что генерал Майлз приближается к его лагерю, Сидящий Бык выслал белый флаг и попросил о новой беседе. Полковник Майлз согласился, и они снова встретились. Мой вождь сказал:

«Мы обсудили этот вопрос и приняли следующее решение. Мы просим, чтобы ваши солдаты покинули нашу страну. Мы просим, чтобы все поселения были выведены с нашей земли, за исключением торговых постов, и чтобы наша страна была возвращена нам в том виде, в каком она была до прихода белых поселенцев. Мой народ говорит это через меня».

На это Майлз резко ответил: «Если вы не сдадитесь немедленно и не подчинитесь правилам резерваций, я нападу на вас и буду преследовать вас, пока вы не будете полностью уничтожены. Я даю вам пятнадцать минут на принятие решения. По истечении этого времени я открою огонь».

Тогда сердце моего вождя загорелось. Помахав рукой солдатам, он развернул лошадь и помчался обратно, крича: «Приготовьтесь! Белые солдаты собираются стрелять!»

По его приказу я и другие парни бросились вперед и начали поджигать траву, создавая густой дым между нами и врагом. Пока женщины спешно собирали вигвамы, мужчины ловили лошадей. Все было в смятении и криках. Но наши воины сдерживали врага, так что мы смогли увести наш лагерь из опасной зоны. Мы боялись больших пушек, но не боялись всадников и их карабинов.

Два дня Майлз преследовал нас, и мы отступали. Историки белых индейцев () всегда недоброжелательны, если не сказать ложны. Они не отдают должное моему народу. Подумайте о наших недостатках. С нами были наши женщины и дети, которых нужно было защищать. Многим молодым мужчинам приходилось ухаживать за нашими лошадьми и лагерным имуществом. Мы были вынуждены питаться дичью, а дичь была спугнута, в то время как белые солдаты имели продовольствие и лучших лошадей. Эта местность была для нас неблагоприятной. Майлз час за часом подгонял нас, и, несмотря на все умение наших вождей, мы потеряли большую часть наших пони и значительную часть продовольствия и одежды, и наш народ был глубоко удручен. Скорострельные ружья белых солдат наводили на нас ужас, и, хотя земля становилась все чернее и темнее, мы бежали на север.

Наконец, на третий день, между вождями состоялось решающее совещание. Сидящий Бык и Галл сказали: «Мы не сдадимся!» Но многие из младших воскликнули: «Какой смысл в сопротивлении ()? Белые люди слишком сильны. Страна становится все более бесплодной, дичь ушла. Давайте заключим мир. Давайте снова встретимся с Майлзом».

Но мой вождь с негодованием отказался. «Мы что, койоты?» — сказал он. «Мы что, будем прятаться в норе и скулить? Вы, янкитонезы и миннеконжусы, слишком много ели хлеба белых людей. Это лишило вас мужества. Вы хотите стать игрушкой в руках наших врагов? Тогда возвращайтесь в агентства и толстейте на обедках, которые они вам бросят. Что касается меня, я Ункапаппа, я не подчинюсь. Я не испытываю к белой расе ничего, кроме ненависти. Я не ищу войны с Майлзом, но если он будет преследовать меня, я буду сражаться. Мое сердце горит от того, что вы так трусливы. Я не буду участвовать в этих мирных переговорах. Я сказал свое слово».

Он снова встал и заговорил с ужасающей интенсивностью, пытаясь сохранить свое превосходство над угрюмыми и унылыми союзниками, но все было тщетно. Наконец он понял, что его объединение сил провалилось, и, собрав вокруг себя «Безмолвных Пожирателей», послал глашатаев по лагерю с призывом ко всем, кто желает последовать за ним, снимать лагерь.

Это был торжественный день для моего народа, горький момент для моего вождя. Он видел, как его союз рушится, превращаясь в песок там, где он думал, что он был сталью. Когда Сумасшедший Конь и шайены отстали, он не мог жаловаться, потому что они были всего лишь друзьями, которые заключили временный союз, но дезертирство янкитонезов было другим делом. Они были его кровными родственниками и покидали нас не для того, чтобы сражаться, а чтобы сдать. Они покидали нас и все, за что мы боролись. И сердце моего вождя было очень больно, когда он видел, как они уезжают. Менее двухсот шатров ушли с Сидящим Быком; остальные сдались.

Требовалось героическое мужество, чтобы в это время года отправиться на север. Эта земля была совершенно неизвестна даже нашим проводникам, а зима уже наступала. Она была безлесной, бесплодной и твердой, как железо. С первыми снегопадами начались наши страдания. Я читал рассказы белых историков об этом. Я читал в книге Майлза его хвастливые слова о героизме белых войск, которые шли за нами в холоде и снегу, но он не обращает внимания на тот факт, что мой вождь и его люди шли по той же дороге в той же погоде, с скудными одеялами и без провианта. Согласно его собственному отчету, его войска превосходили нас по численности, включая мужчин, женщин и детей, и все же он не догнал, а тем более не захватил ни одного из нас.

Наша сторона всей этой войны никогда не была рассказана. У вас есть все газеты, все историки. Ваши офицеры не осмеливаются сообщать истинное число убитых, и они всегда сообщают, что краснокожие присутствуют в огромном количестве. Мир бы улыбнулся, узнав правду. Вы прославляете себя за наш счет, и до сих пор у нас не было никого, кто бы оспаривал вас. В конце концов, я всего лишь бедный «индеец», и никто не будет читать то, что я пишу, но я говорю, что белые солдаты никогда не смогли бы победить равное число моего народа на тех же условиях.

Храбрые шайены бежали по замерзшим холмам

Это отряд северных шайенов под предводительством Тупого Ножа, известный как спартанцы равнин. И они заслуженно назывались спартанским отрядом, потому что, безжалостно преследуемые кавалерийскими войсками более десяти дней, эти доблестные воины сражались до последнего вздоха, оказав сопротивление только тогда, когда сама природа была истощена.

Иллюстрация из книги «Сержант отряда сирот» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, август 1897 г.

Поход

зимой

Отряд кавалерии США в зимней экипировке преследует группу индейцев племени Миннеконжу, которые покинули свою резервацию и направляются к лагерю врагов в Бесплодных землях.

Иллюстрация из книги «Сержант сиротского отряда» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, август 1897 г.

Наши мокасины изнашивались от бега. Мы всегда мерзли и голодали. Дров не было. Мы сжигали столбы наших хижин. Наши лошади слабели и умирали, а мяса у нас не было. Буйволы убежали, антилоп не было, а ветер всегда был резким, но мы продолжали бороться, мерзля и голодая, слыша плач наших детей и крики наших женщин, продвигаясь к далекой долине, где наши разведчики обнаружили дичь.

Наконец враг отстал, и мы разбили лагерь у устья реки Милк на Биг Мадди, и вскоре снова согрелись и наелись, но наши сердца были полны боли за непогребенных мертвых, которые лежали разбросанные по снегу позади нас. Удивляетесь ли вы, что наша ненависть к вам была очень велика?

Мы оставались там до весны. Солдаты безжалостно преследовали нас до наступления зимы; после этого они тоже разбили лагерь, и мы жили в мире, восстанавливая силы после нашего ужасного похода. И день за днем Сидящий Бык заседал в совете со своими «Молчаливыми Пожирателями».

Наши насущные потребности были удовлетворены, но сердце вождя было отягощено мыслями о будущем. Все наши союзники отпали. Шайенны и огаллалы храбро сражались за свою землю на юге, но янкитонезы и миннеконжу, наши родственники, с маленькими, холодными сердцами, сидели, заключенные в плену, в военном лагере белых людей.

Вы не должны забывать, что мы не обладали такими знаниями по географии, как вы. Мы знали только зло о землях, лежащих к северу и западу от нас. Мы были как люди, заблудившиеся в ночи. Каждый холм был незнакомым, каждая река — неизведанной. Со всех сторон вселенная заканчивалась в темноте, как освещенный круг костра. Мы знали лишь небольшую часть земли; все остальное было тьмой и ужасом.

Мы не могли понять мотивы правительства. Настойчивость и умение вашего военачальника пугали нас. У нас не было боеприпасов, мы не могли изготовить порох и капсулы для наших винтовок, и нас было мало. Майлз имел за спиной богатство Вашингтона. Вы должны помнить об этом, когда читаете о войнах против нас. Куда бы мы ни шли, наши женщины и дети были вынуждены идти за нами, и это сдерживало наши движения. Что бы сделал Майлз с пятьюстами женщинами и детьми, которых нужно было перевозить и охранять?

Все это делало дальнейшую войну безнадежной для нас, поскольку мы зависели от нашего врага в плане боеприпасов и оружия, без которых было невозможно прокормить наш народ. В довершение всех наших бед, бизоны становились очень дикими и отступали на юг.

До этого момента у нас была только временная нехватка продовольствия, но теперь, когда мы не могли следовать за буйволами в их миграциях, мой вождь начал понимать, что они могут покинуть нас в тот самый момент, когда мы больше всего в них нуждаемся. «Несомненно, Великий Дух отвернулся от нас», — сказал он, когда его разведчики вернулись и сообщили, что буйволы покидают долину.

Даже если бы вы говорили целый день, используя самые сильные слова, вы не смогли бы передать значение бизонов для моего народа в то время. Они были нашим хлебом и мясом. Они давали нам крышу над головой и постель. Они давали нам одежду для наших тел. Охота делала нас сильными, сдержанными и активными. Наши игры, наши танцы, наши песни поклонения и многие из наших легенд были связаны с этими великими животными. Они

были такой же частью нашего мира, как холмы и деревья, и в нашем сознании они были такими же постоянными и вечно повторяющимися, как трава.

Сказать «Буйволы исчезнут» было все равно что сказать «Солнце больше не взойдет». Наш мир пошатнулся в своих основах, когда краснокожий человек даже начал мечтать об этом. Мы говорили об этом шепотом.

«Уйти дальше на север — значит попрощаться с буйволами», — сказал вождь моему отцу, и в этих словах можно прочесть отчаяние величайшего лидера, которого когда-либо знало мое племя. Уйти на север означало столкнуться с все более сильным холодом в безжизненной, безводной и безлесной земле; уйти на юг означало попасть в ловушку белого вождя.

Однажды, когда старейшины сидели на совете, незнакомец, дружелюбный метис с севера, встал и сказал:

«Друзья мои, я слушал ваши рассказы о тяжелых сражениях и бегах, и мне кажется, что вы похожи на стаю лис, чьи норы замуровали камнями. Охотники разъезжают по всей стране, а у вас нет места, где можно укрыться. А на севере, в моей стране, на земле есть таинственная линия. Она настолько тонкая, что ее не видно; она тоньше паутины в сумерках, но она волшебная. По одну сторону от нее солдаты носят красные мундиры и имеют женщину-вождя. По другую сторону они носят синие мундиры и подчиняются Вашингтону. Прислушайтесь — слушайте! Ни один синий солдат не осмеливается пересечь эту линию. Это странно, но это правда. Друзья мои, почему вы не пересекаете эту чудодейственную черту? Там все еще есть бизоны и другая дичь. Менее чем в трех днях езды отсюда есть торговец, который покупает шкуры и мясо. Там вы можете наполнить свои пороховницы и купить ружья. Пойдемте со мной. Я покажу вам дорогу».

Когда он нарисовал эту заманчивую картину, раздались громкие крики одобрения. «Пойдем!» — сказали они один за другим. «Мы устали от того, что нас преследуют, как койотов».

Вождь долго молча курил, а потом встал и очень грустным голосом пропел: «Я родился в долине реки Биг Мадди. Я люблю свою родину, я боюсь покинуть ее, но бледные солдаты вытеснили нас, и мы стали странниками. Я выслушал нашего друга. Я хотел бы ему поверить, но не могу. Белые люди все одинаковы. У всех у них раздвоенные языки, и все носят брюки. Они будут относиться к нам одинаково, независимо от цвета их пальто. Если кто-то из вас хочет уйти, я не буду мешать. Что касается меня, то я еще не слаб в коленях, я еще могу бегать и сражаться, когда это необходимо. Я сказал свое слово».

Часть людей последовала совету кри и перешла границу, но Сидящий Бык остался в долине Миссури, пока весеннее солнце не растопило снег.

IV

ТЕМНЫЕ ДНИ ЗИМЫ

Я никогда не забуду ту ужасную зиму. Сейчас она кажется мне одной непрерывной метелью, наполненной плачем. Мы все время мерзли и голодали, а белые солдаты не отставали от нас (). Многие умерли, и крики женщин не умолкали. Казалось, что Великий Дух забыл о нас.

Вождь, наконец убедившись, что кри сказали правду, и отчаявшись в будущем, повернул свою маленькую группу на север и ранней весной пересек границу у истоков Френчманс-Крик и разбил лагерь недалеко от холма, который они называют Вуд-Маунтин, где у красномундирных была станция и небольшой магазин. Никто бы не узнал эту маленькую, оборванную, печальную группу как «армию Сидящего Быка».

Мой отец был великим человеком — таким же великим, как и его вождь, — но он был тем, кого вы называете философом. Он мало говорил, но много думал, и однажды, вскоре после этого, он позвал меня к себе и сказал: «Сын мой, ты видел, как белые люди пишут слова на кусочках бумаги. Теперь необходимо, чтобы кто-то из нас делал то же самое. Мы далеко от нашего дома и родных. Ты должен научиться записывать знаки на бумаге, как белые люди, чтобы мы могли отправлять сообщения тем, кого мы оставили. Я разговаривал с черной рясой (священником), и завтра ты пойдешь с ним, чтобы научиться чудесному языку знаков белых людей».

Услышав это, мое сердце замерло, и, если бы я осмелился, я бы убежал в прерии; но я сидел неподвижно, не произнося ни слова, и мой отец, увидев мои слезы, попытался меня утешить. «Не бойся, сынок. Я буду навещать тебя каждый день».

«Почему я не могу возвращаться домой каждый вечер?» — спросил я.

«Потому что человек в черной рясе говорит, что ты будешь учиться быстрее, если будешь жить с ним. Ты должен быстро пройти этот путь, потому что нам очень нужна твоя помощь».

Он отвёл меня к отцу Джулиану, и я начал читать.

Мы жили здесь мирно в течение двух лет. Кри сказали нам правду. Генерал Майлз не осмеливался пересекать границу, но он преследовал мой народ, когда тот осмеливался ее пересекать. В Вольф-Пойнт, на Миссури, был торговец, который говорил на нашем языке (у него была индейская жена), и мой вождь часто разговаривал с ним. У него также были шпионы в Форт-Пек (), который был агентством для ассинибоинов, и поэтому он всегда знал, где находятся солдаты.

У меня был друг, кри, который умел читать газеты, и из них я узнал, что белые люди говорили о нас. Через него я услышал, что многие люди сочувствовали Сидящему Быку и заявляли, что правильно защищать свою родную землю.

Эти слова порадовали вождя, но вызвали горечь у двух его главных помощников. Они стали завидовать, потому что белые не упоминали их имена, и они бы свергли моего вождя, если бы осмелились, но теперь на помощь ему пришли «Безмолвные Пожиратели». С их помощью вождь мог с презрением относиться к завистникам. Куда бы он ни пошел, мой отец и другие члены его охраны сопровождали его, чтобы ни один предатель не смог убить его и продать его голову белым людям.

Краснокожие хорошо относились к моему вождю. Он всегда был справедлив и миролюбив. Если какой-нибудь безрассудный молодой человек совершал что-то плохое по отношению к поселенцам, Сидящий Бык наказывал его и говорил: «Праведный человек не бьет руку, которая спасает его от волка. Никто не может украсть у наших друзей и остаться безнаказанным».

Однажды, когда он пошел навестить торговца в Вольф-Пойнт, я пошел с ним и присутствовал при их долгом разговоре. Торговец дал нам палатку и немного еды, а вечером, когда мы поужинали, он пришел и сел курить.

«Сидящий Бык, — начал он, — я не могу тебя понять. Я не могу видеть то, что видишь ты. Мы, белые люди, смотрим вперед, мы задаемся вопросом, что будет в будущем, а ты, кажется, идешь вслепую. Друг мой, что ты собираешься делать?»

Вождь внимательно обдумал вопрос, но ничего не ответил.

Торговец продолжил: «Буйволы скоро исчезнут — ты это видишь. Холод убивает их, а ружья белых охотников стреляют без перерыва. Что ты будешь делать, когда они исчезнут?»

Вождь вспылал: «Я не покинул Черные холмы () по своей воле; солдаты вытеснили меня. Я любил свой дом, но пришли бледнолицые, и с их приходом все старое начало меняться. Я держался от них подальше, не искал с ними войны, но они не успокоились, пока не загнали меня к красномундирникам. Красномундирники не много говорят с нами, но то, что они говорят, справедливо и прямо. Пока на равнинах остается сурок, я останусь и буду сражаться. Всю свою жизнь я был человеком мирным, но теперь я прижат к скале; я больше не буду бежать. Я не боюсь смерти, и все мои воины думают так же, как я».

Торговец ответил: «Ваш народ беден и страдает. Канадское правительство не может вам помочь. Наш Великий Отец богат. Он позаботится о вас и вашем народе. Почему бы вам не поступить так же, как янки-тонеэсы — переехать в резервацию и поселиться там».

«Потому что я краснокожий. Если бы Великий Дух хотел, чтобы я был белым, он бы с самого начала сделал меня таким. Он вложил в ваше сердце определенные желания и планы, а в мое сердце — другие, отличные от ваших желания. Каждый человек хорош в Его глазах. Орлам не нужно быть воронами. Сейчас мы бедны, но мы свободны. Ни один белый человек не контролирует наши шаги. Если нам суждено умереть, мы умрем, защищая свои права. В этом мы все согласны. Вы можете передать это Великому Отцу от моего имени».

Торговец подождал, пока эмоции вождя улеглись, и затем сказал: «Послушай, мой друг, не все белые люди являются твоими врагами. Многие из них на твоей стороне».

«Я не могу им доверять. Несколько месяцев назад пришли люди, которые заявляли о своей дружбе; они предложили мне землю и дом, но я боюсь всех, кто приходит с подарками. Я буду торговать, но не приму подарки. Я не веду войны, я только защищаю своих женщин и детей, как и вы».

Торговец встал. «Хорошо. Я сказал все, что хотел сказать по этому поводу, но я буду рад видеть тебя в любое время и хочу торговать с тобой».

«Вы будете торговать оружием?»

«Нет, я не могу этого сделать».

«Если мы охотимся на дичь, нам нужны ружья».

«Я знаю это, но я боюсь солдат так же, как и вы, вождь. Они говорят мне не продавать вам оружие, и я должен подчиняться».

Сидящий Бык встал и снял с пояса вышитый табачный мешочек.

«Ты добрый человек, и я буду торговать с тобой». Он передал мешочек торговцу, ибо это символ уважения среди моего народа, и они пожали друг другу руки и расстались. Если бы все люди были такими, как этот человек, мы не были бы сейчас изгоями.

Всю осень, пока я изучал книги белых людей, мой народ разбил лагерь неподалеку и торговал в Вольф-Пойнте. И хорошо, что они так поступили, потому что зима была суровой.

Холод стал смертельным, а у них было мало одежды. Они были вынуждены продать все, что у них было, чтобы купить еду и боеприпасы. Ужасно быть голодным в стране железа. Удивляетесь ли вы, что мы впали в отчаяние?

Как раз когда зима была в самом разгаре, пришел гонец, чтобы предупредить нас, что большая военная экспедиция направляется, чтобы поймать Сидящего Быка и его народ. Вождь немедленно отдал приказ собираться и с суровым лицом снова повел нас на север через Великий водораздел. У белых солдат было много одеял и еды. Они упорно преследовали нас. Непрекращались бури. Снег, поднимаемый и разносимый неустанным ветром, ослеплял глаза разведчиков и следопытов.

О, какой ужасный поход! В оврагах лошади спотыкались и падали, чтобы больше не подняться. Не было ни одного дерева, чтобы укрыть вигвам, ни топлива для костра. Женщины обморозили руки и грудь, а маленькие дети умерли от холода и голода. Лагерь с каждым днем становился все тише. Собак убивали на еду, а каждую ночь рубили столбы вигвамов, чтобы разжечь огонь, пока каждый вигвам не стал похож на детскую игрушку. Проводники заблудились в буре, и весь лагерь отчаянно блуждал по большому кругу. Мои слова не могут передать вам отчаяние и страдания того похода.

Когда они наконец пришли в старый лагерь у Вуд-Маунтин, они были изранены, оборваны и с впавшими от голода глазами. Сидящий Бык выглядел как старик. Командир едва его узнал, настолько он был изможден и сломлен, а я, помнивший его как гордого вождя двух тысяч семей, был опечален и озлоблен изменением в его лице.

Эта зима была самой холодной из всех, что знал мой народ. Они сидели, сгрудившись вокруг костров в лагере, пока охотники отчаянно искали дичь. Красные мундиры помогали нам, как могли, и незнакомцы из дальних мест, услышав о нашей нужде, прислали немного еды и одежды, но, несмотря на все это, многие из наших стариков умерли.

Охотничьи отряды отправлялись в отчаянные походы на юг, и некоторые из них так и не вернулись. Буйволов было мало, и они находились очень далеко, а наши разведчики из Йеллоустоуна сообщали, что целые стада уже замерзли. Мириады людей голодали из-за глубокого снега. «К весне никого не останется», — говорили они. «Несомненно, Великий Дух отвернулся от своих красных сыновей».

Страдания детей сломили гордые сердца вождей. Один за другим они начали жаловаться. Некоторые из них упрекали Сидящего Быка, а были и такие, кто хотел бы отдать его голову белым людям, но им помешали «Безмолвные Пожиратели», которые всегда были начеку.

Многие теперь говорили: «Давайте вернемся. Буйволы исчезли. Мы беспомощны, и наши дети голодают, в то время как наши братья в Стэндинг-Рок имеют все в изобилии и живут в тепле. Мы устали сражаться и бежать. Великий Дух разгневан на нас. Он лишил нас своей милости, и мы должны делать то, что хочет Вашингтон. Мы должны есть его пищу и выполнять его работу. Он всемогущ. Бесплезно сопротивляться дальше».

На все это вождь не ответил, а мрачно задумчиво размышлял, разговаривая только в хижине солдата. Его ум был занят проблемами жизни и смерти, о которых ему напевал зимний ветер.

Из моего теплого дома у священника, из комфорта и безопасности, которые я только начинал понимать и наслаждаться, я время от времени ходил в лагерь, и жалость, которую я испытывал, была почти невыносимой. Никто не разговаривал, никто не пел, никто не улыбался. Это было похоже на какой-то страшный ночной сон.

Что я мог сделать? У меня ничего не было. Я ел, но не мог отнести еду своему вождю. У меня была теплая одежда, но я не мог одолжить ее своему отцу. Хотя я был едва ли больше, чем мальчик, мое сердце было велико, как у мужчины. Я начал немного понимать могущественное распространение сети белого человека, но все же не осмеливался рассказать вождю о своих тайных мыслях.

Как я могу вам это объяснить? Разве вы не видите, что мы стояли перед концом нашего мира? Мой вождь столкнулся с пленением, оскорблениями и наказанием. Его яркий мир опасностей, свободы и безграничной активности сужался до могилы, и только инстинктивная любовь к жизни удерживала его и его «Безмолвных Пожирателей» от самоуничтожения. За всю историю мира не было более мрачного дня для расы, чем тот, когда на нас обрушилась середина зимы в той странной стране на севере.

V

ВОЖДЬ СДАЕТСЯ

Первые дни весны были хуже, чем зима. Дождь и снег с дождем сменяли друг друга, а те немногие оставшиеся бизоны, казалось, проваливались в землю, так быстро они исчезали. Белые люди читали в газетах о войнах, выборах и ценах на пшеницу; наши новости приносили отважные бегуны, и их рассказы были всегда одинаковыми.

«А что с бизонами? Где бизоны? Бизоны голодают?» Ответы всегда были одинаковыми. «Бизоны исчезли. Мы погибли!»

Сообщение о нашем отчаянном положении разлетелось по всему миру, и сочувствующие люди приезжали, чтобы убедить нас сдаться. Прибыл один посланник, священник, друг генерала Шермана, великого военачальника, по имени Эдмунд С. Уильямс (), и Сидящий Бык созвал совет, чтобы встретиться с ним, и там также присутствовали некоторые канадские офицеры.

После того как все закончили говорить, Сидящий Бык ответил: «Я готов заключить мир. Но что касается переезда в Стэндинг-Рок, то этот вопрос я должен долго обдумывать. Я не дурак. Я знаю, что человек, который убьет меня, будет вознагражден, и я не намерен попадать в плен. Я давно понял силу белых. По сравнению с этой замечательной и жестокой расой я похож на муху в горном ручье. Мне не хочется, чтобы моя голова была продана, чтобы какой-то человек-койот разбогател. Вот мой ответ: я заключу мир. Я буду держать свой народ в порядке, но в Стэндинг-Рок я не пойду. Мои дети могут пойти, если сочтут это лучшим решением».

На этом совет распался, но в частной беседе вождь сказал своему другу: «Галл возвращается, как и Полярный Медведь и многие другие. Скоро я останусь один. Черная Луна, Бегущий Журавль, все они покидают меня, но я останусь; я не вернусь, чтобы глупо умереть для удовольствия белых людей».

Все произошло так, как он и предвидел. Вождь Галл ушел на юг и сдался. То же самое сделали Красная Рыба и Журавль. Остались только немногие, среди них мой отец и Слохан.

Вождь был рад, что я осваивал магию белых людей. «Мне нужен переводчик, которому я могу доверять, — сказал он мне. — Продолжай идти по выбранному пути».

Однажды, когда он сидел в своем вигваме и курил, я услышал, как он тихо напевал «Песню вождей», но он изменил ее, добавив печальный финал:

«Я родился солдатом —

Я прожил долгую жизнь.

Ах, я прожил свою жизнь в бедности».

Мне было больно смотреть на него, сидящего там. Я видел его, когда он был духом всего народа сиу — гордым и уверенным вождем. Теперь он сидел над костром, напевая песню смерти, окруженный небольшим кругом из рваных хижин. Но я не мог винить его последователей. Они сдались не белым людям, а великим силам голода и холода.

Если вы спросите, что победило Сидящего Быка, я отвечу: «Исчезновение бизонов». Если вы спросите, что заставило его сдаться белым, я отвечу: его нежное сердце. Вы слышите, как офицеры хвастаются победой над Сидящим Быком, но привела его на пост его дочь. Любовь родителей к детям сильна в моем народе; она ужасна. Сидящий Бык был вождем, суровым и решительным, но он был также отцом.

Однажды британскому офицеру пришло письмо от друга моего вождя, в котором говорилось: «Скажите Сидящему Быку, что белые люди закованы его дочь в кандалы».

Эта дочь, его любимое дитя, покинула лагерь, соблазненная своим возлюбленным, и вождь не знал, где она находится. Его сердце кровоточило за нее, и теперь, когда он услышал это письмо, его возмущение было очень велико. «Это так?» — воскликнул он. «Они ведут войну против бедной слабой девушки? Я пойду к ней. Я убью ее похитителей. Я умру рядом с ней».

В ту ночь он созвал остатки своего отряда и сказал: «Дети мои, вы знаете, что белые люди часто пытались заставить меня пойти на юг, чтобы исполнить их волю, но я всегда отказывался. Теперь они похитили мою дочь, слабую девушку, неспособную защитить себя. Они надели на нее кандалы на ноги и руки. Наконец я должен пойти на юг. Я должен последовать за ней. Я хочу найти ее и убить тех, кто над ней издевался. Я не хочу, чтобы вы шли со мной. Я пойду один, чтобы принять любую участь».

Тогда все его люди сказали: «Нет, мы пойдем с тобой».

Он ответил: «Друзья, вы слишком долго оставались со мной. Если вы хотите идти, я не могу вам отказать, но дорога темна и опасна; куда она ведет, я не могу сказать».

Мы сразу же приготовились идти с ним, и хотя наши сердца были полны страха, мы были также рады. «Мы идем домой», — пели женщины. В последний раз он отдал приказ снимать лагерь на территории канадских индейцев синекожих () и повел нас через невидимую чудесную границу в землю синекожих.

Теперь его последователи были очень немногочисленны. Остались только его жены и сыновья, а также несколько самых верных из «Безмолвных Пожирателей». Многие даже из этой охраны ушли, но те, кто остался, были вдвойне верны, и он полагался на них, чтобы противостоять любому унижению. «Если на нас нападут, давайте умрем в бою, как подобает воинам», — сказал он, и все мужчины твердо ответили: «Да, так и сделаем».

Думаете ли вы, что легко отправиться в страну своих смертельных врагов, имея лишь горстку воинов, которые стоят между вами и пытками? Но именно это и сделал мой вождь. Он знал о ненависти и страхе, которые испытывали к нему белые люди, потому что я теперь мог читать ему и передавать ему то, что говорили. Он знал о цене за его голову и о том, что многие люди жаждали посадить его в цепи, но он все равно пошел.

«Я пойду к белым солдатам, — сказал он. — Они знают о моей дочери. Они воины, а воины уважают вождя».

Несмотря на то, что его эскорт был небольшим, командир форта Буфорд уважал его. Он принял Сидящего Быка как вождя и сказал: «У меня есть приказ доставить вас как военнопленного в форт Йейтс».

«Я знаю дорогу домой», — высокомерно ответил мой вождь. Затем он передал мне свое ружье и добавил более мягким тоном: «Я не испытываю гнева к белым солдатам. Я очень грущу. Моя дочь ушла по этой дороге. Я ищу ее. Я больше не буду сражаться. Я не люблю войну. Я никогда не был агрессором. Я сражался только для того, чтобы защитить своих женщин и детей. Теперь весь мой народ хочет вернуться на свою родину. Поэтому я сдаюсь». Мое сердце защемило, когда я услышал эти слова, но это была правда.

Полковник был очень вежлив. «С вами будут обращаться так, как один солдат обращается с другим, — сказал он. — Через два дня прибудет лодка, которая отвезет вас к вашему народу в Стэндинг-Рок. Плавать на лодке легко, и у вас будет достаточно еды, а я пошлю охрану, чтобы никто не причинил вам вреда».

Затем он показал нам, где разбить лагерь, и выдал нам продовольствие, и, поскольку мы все были голодны, его доброта тронула наши сердца.

На второй день он снова пришел к вождю: «Лодка пришла, чтобы отвезти вас в Стэндинг-Рок. Я надеюсь, что вы уйдете спокойно и займете свое место среди своего народа, который живет на своих древних охотничьих угодьях возле реки Гранд».

«Я не хочу быть запертым в загоне», — ответил Сидящий Бык. «Плохо, когда молодых людей кормит агент. Это делает их ленивыми и пьяными. Все индейцы из агентства, которых я когда-либо видел, были бесполезны. Они не красные воины и не белые фермеры. Они не волки и не собаки. Но мои последователи устали от голода и холода. Они хотят увидеть своих братьев и свой старый дом на Миссури, поэтому я склоняю голову».

Вскоре после этого мы поднялись на борт корабля и начали спускаться по реке.

Некоторые из нас почти не спали, настолько мы были взволнованы чудом корабля, но вождь сидел в тишине, курил и говорил только для того, чтобы отметить какие-то изменения в ландшафте или указать на хижину поселенца или стадо скота. «Наш мир — мир индейцев — почти исчез», — пробормотал он. Но никто не знал так хорошо, как я, насколько глубоко мы проникали в цивилизацию белых людей.

Мы все возбудились, когда лодка приблизилась к Бисмарку, потому что там стояла большая деревня белых людей, и мужчины и женщины выбежали посмотреть на нас. Они смеялись и кричали оскорбительные слова вождю, а некоторые из них кричали: «Убейте их!» Солдаты, которые нас охраняли, сдержали их, и мы прошли без повреждений, но я видел, что вид этой толпы бледнолицых снова сделал моего вождя очень озлобленным.

Я никогда не забуду странную боль в сердце, когда мы приблизились к высокому утесу, за которым скрывается форт Йейтс. Я не знал, как близко мы были к , пока старики не указали на ориентиры и не запели печальную песню:

«Мы возвращаемся, братья наши,

Мы идем, чтобы увидеть вас,

Но мы приезжаем как пленники».

Наконец мы увидели форт, где нас ждала большая толпа людей. Казалось, что там были все племена сиу, все друзья и все враги моего вождя. Некоторые смеялись, некоторые пели, некоторые кричали нам. Все на борту были безумны от радости, но вождь не изменил выражения лица; только по дрожи его губ можно было понять его чувства. Мы увидели

Галла, Бегущую Антилопу, Воронью Гриву и многих других наших друзей из племени су-лабаби (). На щеках этих суровых воинов были слезы, и они протягивали руки, чтобы поприветствовать нас.

Но вождь и мой отец были выведены с лодки под военной охраной, и никому не разрешалось приближаться к ним. Моя мать и сестра разбили наш вигвам в окружении солдат. Только немногим было позволено войти и увидеться с нами.

Вождь с тревогой спрашивал о своей дочери. Однажды она пришла, и когда вошла в шатер отца, ее лицо было скрыто за ладонями, а тело дрожало от слабости. Я не слышал, что вождь ей сказал, потому что его голос был тихим и мягким, но когда я увидел ее в следующий раз, она улыбалась. Он простил ее и был счастлив, что она пообещала остаться с ним.

Он был очень огорчен тем, что оказался в плену на глазах у всего своего народа, но эта забота о нем — этот страх белых перед ним — сделала некоторых из его подчиненных еще более ревнивыми к его величию. О них забыли, а многие незнакомцы приезжали издалека и давали моему вождю много серебряных монет за его фотографию. Его слава была больше, чем я мог себе представить, и вожди, у которых не было причин его ненавидеть, начали говорить против него. «Почему белые люди посылают ему подарки?» — спрашивали они и начали принижать его положение в племени.

Индейцы как солдаты

Для индейцев именно солдаты — люди в синей форме, а не гражданские агенты, посланные из Вашингтона, чтобы раздавать плохие и недостаточные пайки покоренному народу, — олицетворяли мужество, справедливость и правду. В результате индейцы очень гордились тем, что были солдатами, и опыт показал, что они являются не только самыми эффективными, но и самыми верными разведчиками и лучшим материалом для легкой нерегулярной кавалерии.

Иллюстрации из книги «ИНДЕЙЦЫ КАК НЕРЕГУЛЯРНАЯ КАВАЛЕРИЯ» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 27 декабря 1890 г.

Индийская мечта

Иллюстрация из работы Фредерика Ремингтона «Как был выполнен приказ № 6»

Первоначально опубликовано в HARPER'S MAGAZINE, май 1898 г.

Я не думаю, что мой вождь в это время советовал зло, но нельзя сказать, что он был покорным. Он просто ждал в своем вигваме действий своих похитителей. Новости, которые он получил о состоянии резервации, не были для него обнадеживающими, и грохот его рушащегося мира все еще звучал в его ушах. Он еще не до конца понимал намерения Вашингтона. «Я не знаю, буду ли я жить или умру», — сказал он моему отцу. «Какой бы ни была моя судьба, я счастливее, теперь, когда я увидел своего ребенка».

Примерно через три недели такого заключения нас поразили приказ снимать лагерь и снова садиться на лодку. «Вы отправляетесь в Форт Рэндалл как военнопленные», — объяснил мне агент. «Скажите им, что это мой приказ».

Когда я сообщил об этом вождю, он был очень обеспокоен и, созвав своих «Молчаливых Пожирателей», сказал: «Это может означать, что они собираются увезти нас на загадочный Восток, чтобы убить нас для развлечения или заморить голодом в тюрьме, вдали от наших родных. Так что слушайте, будьте готовы! Наша резервация заканчивается в Форт-Рэндалл. Если они попытаются увезти нас дальше, пусть каждый схватит оружие солдата и будет сражаться. Пусть никто не прекращает сражение, пока не будет убит последний из нас. Я стар и сломлен, но я все еще вождь. Я не потерплю оскорблений и не буду прикован цепями, как волк, для развлечения белых людей».

Все согласились с этим планом, и когда лодка приблизилась к форту, вождь дал команду, и мы рассеялись, напряженные и полные решимости, готовые начать смертельную борьбу, если судно пересечет линию. Никто не дрогнул. Мы плыли все ближе и ближе, и все ждали сигнала, когда лодка подаст сигнал берегу и остановится. Солдаты так и не узнали, как близко они были к смерти в тот день.

Мы снова отправились в лагерь под охраной, где солдаты хорошо о нас заботились. Все офицеры относились к Сидящему Быку с заметным уважением, и в течение дня сам полковник приходил, чтобы посидеть, покурить и поговорить с нами.

Вождь резко спросил его: «Я буду здесь всю жизнь?»

«Нет. Через некоторое время вас отправят обратно на север. Как только вы будете готовы подписать мирный договор и как только уляжется гнев белых. Я не ненавижу вас. Приходите поговорить со мной, когда почувствуете себя одиноким, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ваше пребывание здесь было приятным».

На это Сидящий Бык ответил: «Ваша доброта согревает мое сердце. Она дает мне мужество ступить на новые пути, которые лежат передо мной. Я очень грустен и недоверчив, потому что я похож на человека, который впервые вступает на незнакомую землю. Мне нелегко сидеть как пленник и мечтать о будущем. Для меня все темно. Ты мой друг. Ты мудр, и твои слова помогли мне. Если бы мы могли рассчитывать на помощь таких людей, как ты, новый путь был бы менее страшным для нас».

Молодые офицеры приходили и задавали нам много вопросов о том, как мы разбиваем лагерь, как воюем и так далее, и вождь всегда был готов отвечать. Иногда я делал вид, что

не понимаю английского, чтобы лучше понять, о чем идет речь, и часто слышал, как белые люди говорили нелепые вещи.

«Это Сидящий Бык? Да он же похож на старуху. Он не может быть воином». Другие замечали: «Какое у него грустное лицо!», и это было правдой, потому что он быстро состарился. Он много размышлял, и были дни, когда он не говорил ни с кем ни слова, даже с моим отцом.

Эти дни были просветлением для меня, как и для моего вождя, но они не приносили никаких признаков надежды. Мой отец был добрым человеком, от природы веселым и жизнерадостным, и его глаза быстро замечали все, что делали белые люди. Он так же хорошо, как и мой вождь, понимал подавляющую силу белых людей, но он был менее привязан к прошлому. «Оно ушло», — повторял он мне в частной беседе. «Мир наших отцов поглощен. Иди, сын мой, и узнай у белых людей секретную силу, которая позволяет им делать повозки, порох и ружья. Как мы можем сражаться с ними, если мы должны торговать с ними, чтобы получить их чудодейственное оружие и боеприпасы?»

И поэтому, когда один из офицеров, лейтенант Дэвис, увидел, что я держу в руках клочок бумаги, и спросил меня, умею ли я читать, я ответил, что умею. После этого он давал мне книги и помогал мне их понимать. Мы называли его «Черный дрозд», потому что у него были темные усы, похожие на крылья птицы. Я полюбил этого человека, потому что он был лучшим белым, которого я когда-либо знал. Он не осуждал нас за то, что мы были краснокожими. Он не хвастался и был солдатом. Он много разговаривал с Сидящим Быком, и его речи больше, чем речи любого другого человека, повлияли на изменение мнения моего вождя.

«Подчиняйтесь всему, что требует Белый Отец, — советовал он, — потому что так устроено в этом мире. Это не вопрос права или воли Великого Духа, — продолжал он, — это просто вопрос пушек и еды». В том, как он говорил эти слова, было что-то ужасающее. Он не верил в какого-либо Великого Духа. Я не мог понять его религию, но его ум был широким, а сердце — милостивым.

«Знание — это сила», — сказал он мне. «Учись, приобретай мудрость, мудрость белого человека, и тогда ты сможешь защищать права своего народа», — и его слова глубоко запечатлелись в моем сердце.

Два года мы жили здесь под его влиянием, пока однажды не пришел приказ возвращаться вверх по реке, и мы с радостью в сердцах подчинились.

Была весна, и в наших жилах текла радость, потому что эти годы тесного плена сделали обещание жизни в резервации почти похожим на свободу. Мы возвращались, смеясь от радости, и когда мы снова увидели холм над Стоящей Скалой, мой отец поднял руки в молитве, а женщины запели песню радости. Как только нас освободили, мой вождь созвал своих старых стражников и сказал:

«Мои сыновья, я передумал. Мы вступаем в новую жизнь. Перед нами лежит широкий и пыльный путь белого человека. Буйволы полностью исчезли, и мы должны полагаться на плоды земли. Вы видите, что Убийца Орла, Огненное Сердце и многие из нашего народа имеют волов и повозки. Если они не получили эти вещи, сбив их с неба (), я думаю, что мы сможем приобрести для себя подобные вещи. Белые люди пообещали, что пока растет трава и течет вода, мы будем жить здесь без притеснений. Давайте жить в мире с нашими соседями».

Сидящий Бык был вождем, потому что он мог делать многое, и, хотя теперь он был пленником вместе со своим народом, его власть и влияние остались. Его «Молчаливые

Пожиратели» собрались вокруг него, и для них его слова были законом. Агент также некоторое время относился к нему с уважением и был очень дружелюбным. Они часто разговаривали.

Нам сразу дали волов и повозки и поселили недалеко от агентства, где мы прожили год, но вождь очень хотел вернуться к реке Гранд, в свою родную долину, и в конце концов агент дал свое согласие, и мы переехали на равнину у реки, туда, где впадает Рок-Крик. Здесь он построил небольшую бревенчатую хижину и поселился, чтобы жить как белый человек, но я видел, что его сердце все еще стремилось к холмам Запада, а мысли были заняты прошлым. Поистине, было странно видеть Галла, Крейна и Слохана, сидящих в маленькой хижине и разговаривающих о смелых, свободных днях прошлого.

VI

В ПЛЕНУ

О том, что происходило в резервации в течение следующих четырех лет, я знаю очень мало, потому что уехал в Вашингтон учиться у лейтенанта Дэвиса, который был назначен на службу в Военное министерство, и не возвращался в Стэндинг-Рок много лет. Я время от времени получал вести от отца, который писал мне через моего друга Луи Примо. Он рассказывал, что вождь живет спокойно в Рок-Крик, но противостоит всем попыткам белых купить наши земли.

Мой отец также жаловался на сокращение продовольственных пайков и говорил: «У агента короткая память; он забыл, что эти пайки являются платой за землю. Он называет их подарками». Моя мать сообщила, что моя младшая сестра умерла и что многие болеют легочными заболеваниями. «Зимой нам очень холодно и мы голодаем», — сказала она, и мое сердце защемило от угрызений совести, потому что я был в тепле и сыт.

Я бы сразу же вернулся, если бы мой друг Дэвис не сказал мне остаться и узнать все, что я могу. «Дойди до вершины», — сказал он. «Не останавливайся на полпути. Тебе нужно быть очень мудрым, чтобы помочь своему народу».

Он был философом. Он не испытывал ненависти к какой-либо расе. Он рассматривал каждый народ как продукт своих условий и часто говорил: «Индейцы равнин были идеально приспособлены к окружающей среде, пока белые не нарушили их покой».

Его речи и мысли отражены во всем, что я пишу. Он научил меня излагать свои мысли просто и без риторики. Он давал мне читать книги, которые были правильными и честными, и во всем он был правдивым. «Твоя жизнь никогда не будет счастливой, — говорил он. — Ты всегда будешь краснокожим в одежде белых, но ты найдешь удовольствие в защите своего народа. Твоя раса нуждается и в историке, и в защитнике. Вся твоя жизнь должна быть посвящена тому, чтобы учить свой народ, как жить и как избежать страданий. Я не воспитываю тебя, чтобы ты был счастлив. Ты не можешь уклониться от своего долга. Напротив, я верю, что единственный способ обрести мгновение душевного покоя после возвращения в свое племя — это помочь им нести их бремя».

Он предупредил меня о переменах, которые произошли со мной, как и с ними. «Твое мальчишеское воображение идеализировало твой народ и жизнь, которую он вел. Ты видел их в героических условиях. Сейчас они бедны и отчаяны, и ты будешь потрясен их внешним видом и положением под властью агента, но не позволяй этому огорчить тебя. Под лохмотьями и грязью скрывается чудесная раса».

Я никогда не забуду тех долгих бесед, которые мы вели в его кабинете, высоко в его маленьком домике, потому что он не был богат. Иногда я не мог заснуть из-за тревожных

новых мыслей, которые он мне внушал. Часто он одним тихим замечанием сводил на нет все школьное обучение.

«Я советую тебе быть су, мой мальчик», — повторил он мне однажды вечером, после того как я спел несколько наших песен для группы его друзей. «Ты никогда не сможешь быть кавказцем. В твоих мыслях есть темные уголки. Песни, которые ты спел сегодня вечером, заставили твое сердце забиться воспоминаниями об охоте. Раса — это продукт условий, результат миллиона лет борьбы. Я не ожидаю, что краснокожий станет белым. Те, кто этого ожидают, ничего не знают о человеческом организме. На поверхности я могу внести некоторые изменения, но в глубине души твои эмоции, твои суеверия красные и всегда должны быть такими; в этом нет ничего постыдного».

Я рассказываю об этом эпизоде из моей школьной жизни, чтобы мое понимание моего вождя и моего народа было понятным. Это благодаря моему хорошему другу Дэвису, самому благородному белому человеку, которого я когда-либо знал. Я хочу, чтобы все знали, как много я ему обязан.

Мне было странно и очень неприятно обнаружить, какие ложные представления о нас и о нашем вожде были у жителей Вашингтона. Когда стало известно, что я су, и что я был с Сидящим Быком, многие хотели расспросить меня о нем, но я отказывался отвечать больше, чем: «Мы сражались за наши земли, как Вашингтон сражался за свои. Теперь вы держите моего вождя в заключении, как будто он волк. Но он мудрый и кроткий человек, философ, поэтому он взялся за плуг. Его ноги стоят на пути белого человека».

Эта история не обо мне, иначе я мог бы рассказать вам, как прекрасными мне показались некоторые белые женщины, и одна маленькая девочка, прекрасная, как весенний цветок, покорила мое сердце и удержала меня, как орла, привязанного к своему насесту, — только я не сопротивлялся золотой веревке, которая меня связывала. Все это было для меня очень странно, потому что я все еще любил девушку своей расы, которая посылала мне в подарок мокасины и писала через Луи, что ждет меня. Это было странно, говорю я, потому что мое сердце было привязано и к Аните, она была такой красивой, стройной и милой. Она ассоциировалась со всей роскошью и тайной жизни белого человека. Она манила меня новыми способами — способами, которые пугали меня, — в то время как Ома обращалась к чему-то более глубокому во мне, к чему-то, сродни широкому небу, коричневым холмам, западному ветру и запаху костра в хижине.

Как бы все закончилось, я не знаю, если бы мой друг Дэвис не был снова отправлен на Запад. Его отъезд положил конец моему пребыванию на Востоке. Без него я боялся оставаться среди белых людей.

«Пришло время тебе возвращаться, Япи», — сказал он мне. «Белые люди собираются навязать суям договор, и сейчас твое время помочь им».

Мне было очень трудно прощаться с другом, а еще труднее — с моей Анитой, которая любила меня, но сказала, что не может пойти со мной, хотя и хотела бы этого. «Я не могу оставить свою бедную мать, которая больна и бедна», — сказала она.

Я не был очень мудрым, но я знал, что у меня нет места, даже хижины, где я мог бы ее содержать, и поэтому я сказал: «Я пойду вперед и подготовлю для тебя место, а потом ты приедешь и поможешь мне научить мой народ, как жить?»

Она обещала мне это, и я уехал очень грустный, потому что путь от Стэндинг-Рок до Вашингтона казался мне очень длинным, особенно для бедного су, который не знал, как заработать деньги.

Некоторые друзья присоединились к моему другу, белому вождю-солдату, чтобы купить мне одежду и несколько подарков для моих родителей, и так, с сердцем, которое, как мне казалось, вот-вот разорвется, я сел в поезд, направлявшийся на Запад.

Я сидел, не шевелясь, часами — всю ночь напролет, — пока ужасный двигатель, созданный белым человеком, мчался в темноте. На рассвете я с тревогой выглянул в окно, чтобы увидеть, знакома ли мне эта земля, но она не была мне знакома. Только на третий день она начала пробуждать отголоски в моем мозгу. Мое знание английского языка не позволяет мне выразить то дикое волнение, которое охватило мое сердце, когда я выглянул в окно и снова увидел широкие равнины Дакоты, отмеченные следами исчезнувших буйволов. Я возвращался домой!

Пять лет — это долгий срок, когда речь идет о таких душевных переменах, которые произошли со мной. Казалось, что прошла половина жизни с тех пор, как я с грустью сел на пароход, чтобы спуститься по реке и выучить язык белых людей. Тогда я был диким, длинноволосым юношей. Теперь я возвращался, подстриженный и одетый как белый человек, но в душе оставаясь су.

В стране произошли изменения, но не такие большие, как я ожидал. Даже белый человек оставляет лишь небольшой след на этих засушливых равнинах. Хижины стали более серыми, поля немного больше, и это все. После того как белые поселенцы лишили моего народа земли и уничтожили бизонов, они обнаружили, что эта страна не подходит для их нужд. Их города казались маленькими, бедными и печальными.

Мое сердце замерло, когда я пересек реку Кэннонболл, вошел на землю сиу и увидел пожелтевшие вигвамы наших кузенов, янкитонезов, разбросанные неровными группами вдоль реки. Это все еще была земля моих предков; это все, что мы сохранили от того яркого мира, который принадлежал нам в старые, великолепные дни!

Был июнь, и трава еще была зеленой. Стада пони паслись на холмах, и одна из лошадей, которую я вел, подняла голову и заржала; она тоже помнила старую свободу. Небо сияло ярким светом, а холмы дрожали, как будто в экстазе жизни. Регион был в самом лучшем виде, обманчиво прекрасен. Я знал его настроения. Я знал, насколько пустынными и безжалостными могут быть эти холмы в середине зимы, насколько сухими и жаркими в июле.

Когда мы поднялись на холм, я встретил человека, везущего небольшую упряжку к тяжелому фургону. Он был в широкой шляпе, которая лежала на его плечах, а большие дымчатые очки скрывали его глаза. Когда он подошел ко мне, я понял, что он был су, и позвал его на своем родном языке.

«Подожди, друг мой. Куда ты так спешишь?»

Он повернулся ко мне в своих больших очках и сказал:

«Прежде всего, кто ты такой, что так плохо говоришь на языке лакота?»

«Я Иапи, сын Шато».

«Ах!» — воскликнул он с улыбкой. «В таком случае, ты возвращаешься из школы? Я знаю тебя, я — Красный Гром!»

Красный Гром! Я замер от удивления. В моей памяти всплыл образ, каким я видел его в 1876 году. Тогда он был высоким и гибким, с пронзительными, свирепыми глазами, лидером воинственной фракции среди янкитонезов, прекрасным всадником, безрассудным и грациозным. А теперь он сидел в повозке белого человека, согнувшись в плечах и одетый в плохо сидящую одежду из агентства. Мое сердце сжалось, когда я сказал:

«Друг, ты изменился со времени совета на реке Паудер. Я тебя не узнал».

Он снял очки и отложил шляпу; его улыбка тоже исчезла. Он отвернулся на запад:

«Сынок, это было давно, и кровь Красного Грома больше не питается мясом буйволов. Его мышцы ослабли. Он предпочитает сидеть в своей повозке и погонять своих пони. Великий Дух забыл своих красных детей, и Белый Отец повелевает нами. Я делаю все, что могу. Старые тропы закрыты, осталась только одна — та, что проложил Вашингтон».

Я поехал дальше, и мое ликование полностью исчезло. Если Красный Гром был в таком мрачном настроении, как же я найду Ункапаппа, которые были консерваторами племени?

Я проехал мимо нескольких хижин, и они меня огорчили, так как были маленькими и грязными. Я был рад видеть, что в некоторых из них еще сохранились потные хижины. Каждый дом состоял из лачуги и двух или трех вигвамов из брезента, а женщины готовили еду под навесами из тополя, как и в старину. Их движения и запах дыма пробудили во мне такие воспоминания, что я едва сдерживался, чтобы не закричать и не заплакать.

Чем дальше я уходил, тем более болезненным становилось впечатление, которое производили на меня эти пленники. Они были похожи на бедных белых фермеров, оборванных, грязных и сторбленных. Одежда, которую они носили, была дешевой, серой и вызвала у меня глубокое отвращение. Их одежды из буйволиной кожи, их леггинсы из оленьей кожи, их мешочки с бисером — все вещи, которые я помнил с гордостью, — были изношены (или проданы). Даже гордые воины моего племени были сведены к положению тех, кто одновременно является пленниками и нищими. Когда я добрался до агентства, мое сердце было тяжелым, как свинец.

Мне было больно это делать, но я сразу же явился к агенту и попросил разрешения навестить отца и мать.

«Они ждут тебя, — сказал он. — Ты найдешь их в лагере за кладбищем».

Я рад, что сначала увидел отца и мать в их вигваме. Мать готовила еду под небольшим навесом из брезента. Я позвал ее, и когда она посмотрела на меня, не узнав, что-то шевельнулось глубоко в моем сердце. Как она потемнела, состарилась и сморщилась! Тогда я сказал: «Ты меня не узнаешь, мама?»

Тогда ее голос повысился, и она поспешила ко мне, восклицая: «Мой сын! Мой сын вернулся!»

Она взяла меня за руку, не смея обнять меня, потому что, по ее словам, я выглядел точно как белый человек, но я сжал ее руки, и тогда, пока она напевала маленькую песню радости, мой отец вышел из своего жилища и медленно подошел ко мне.

Я не буду долго останавливаться на этой встрече. Я сразу спросил о нашем вожде. «Он все еще живет в том же месте, недалеко от Рок-Крик, и хочет сразу же увидеться с тобой», — сказал мой отец. «Белые люди снова пытаются отнять нашу землю, и вождь хочет поговорить с тобой об этом».

«Давайте пойдем к нему сегодня вечером», — ответил я, и по этой причине мы сняли лагерь и отправились через равнины.

Для меня было странно помогать отцу запрягать лошадей в повозку. Тот, кого я сотни раз видел впереди в погоне, кого я наблюдал на рассвете, ведущего отряд разведчиков по крутому склону изваянного холма, или с ружьем в руках охраняющего спящего Сидящего Быка, теперь был возчиком, а я, одетый в одежды белого человека, был грустен и стыдился. Я не мог не заметить, что мы оба были более достойны восхищения как краснокожие воины, чем как подражающие саксонским фермерам. Это моя красная кровь, понимаете.

Но мой отец гордился мной и моей способностью общаться с агентом. «Сын мой, — сказал он, — наши сердца полны радости, потому что ты вернулся к нам. Теперь это твой долг. Ты должен выслушать все, что скажут комиссары, и подробно рассказать нам, чтобы мы не были обмануты. Мы слышали, что большой совет разослал документы, которые Вашингтон хочет, чтобы мы подписали, но Сидящий Бык и большинство наших вождей согласились, что мы никогда этого не сделаем. Три года назад они уже пытались заставить нас продать землю, но когда белые люди рассердились и сказали: «Если вы этого не сделаете, мы все равно заберем вашу землю!», Сидящий Бык встал и сказал: «Вы сошли с ума», и одним движением руки распустил совет, и мы все ушли. Теперь предательские белые снова приходят, и нам нужно, чтобы ты выслушал их и рассказал нам, что они говорят».

Я знал о совете, о котором он говорил — генерал Логан был тем человеком, который угрожал им, — но я не слышал, что вождь распустил совет. Это показало мне, что Сидящий Бык все еще был вождем. Я заметил это.

«Да, — сказал мой отец, — он до сих пор является главой всех сиу, но агент выступил против него. Он оказывает предпочтение Траве, Желтому и Серому Орлу, которые все завидуют Сидящему Быку и стремятся занять его место. Агент стал враждебно относиться к нашему вождю, потому что тот не делает того, что он говорит, и потому что наш отец всегда работает на благо своего народа. Он не делает ничего только для себя, как многие другие».

Когда мы поднялись на вершину холма и посмотрели в долину, отец указал на небольшую двухкомнатную бревенчатую хижину и сказал: «Там живет Сидящий Бык».

Вождь находился в большом вигваме, который стоял рядом с домом, и когда мы вошли, мы застали его развлекающим Слехана и Католана. Он сидел в центре, резал табак, а его гости ели из блюда с хлебом и мясом. Когда я стоял в присутствии этих моих уважаемых вождей, мое сердце наполнилось тоской по старым добрым временам. Здесь царили достоинство и вежливость () времен буйволов. Вождь племени сидящих быков () был частично одет в одежду белых людей, но его волосы были уложены по-старинке, а жесты были жестами любезного хозяина. Его достоинство, а также серьезность всех мужчин произвели на меня глубокое впечатление.

Сначала он не узнал меня, но поздоровался с моим отцом, который, обращаясь ко мне, сказал: «Это мой сын, он вернулся из Вашингтона».

Тогда вождь улыбнулся и воскликнул: «О, сынок! Я рад тебя видеть. Я слышал, что ты приедешь. Ты так похож на белого человека, что мои глаза ослепли. Ты должен рассказать мне все, что ты сделал и все, что ты слышал».

Я поздоровался с каждым из стариков и сел рядом с вождем, которому сказал: «Все ли у вас в порядке? Агент справедливо с вами обращается?»

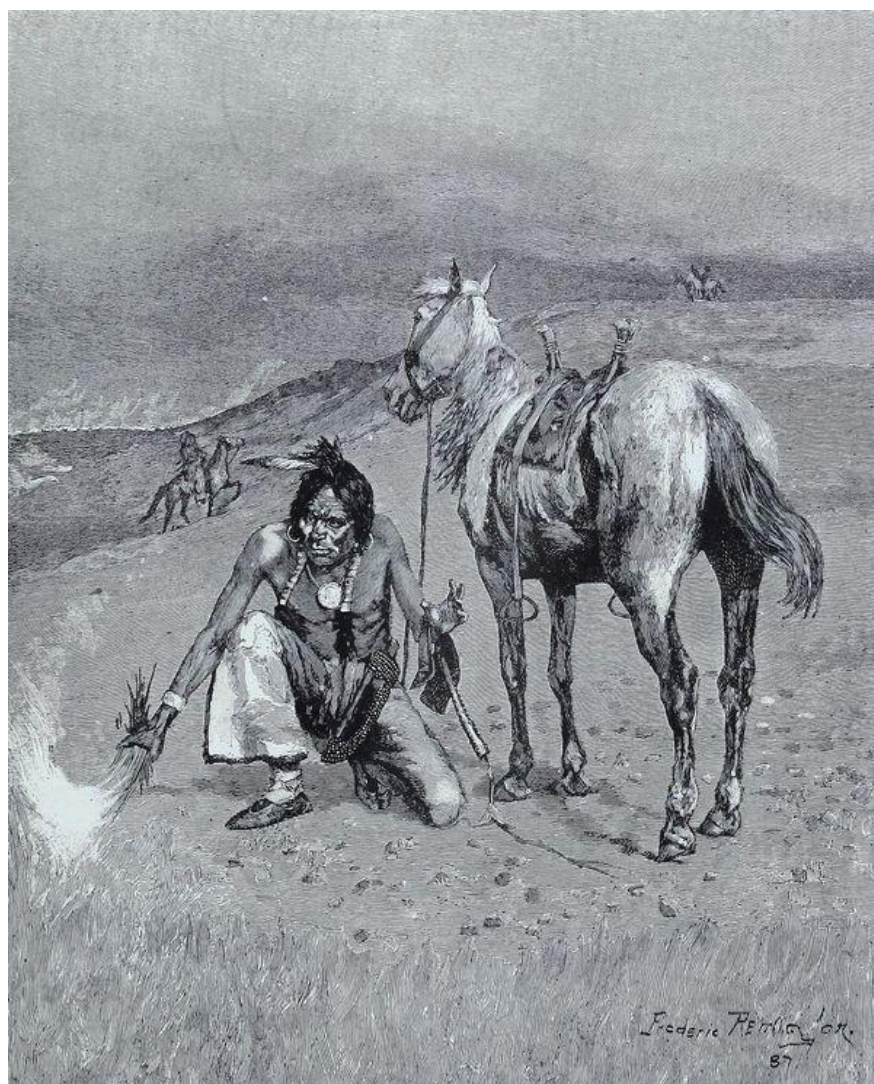
Его лицо потемнело, но он наполнил трубку, прежде чем ответить. «Агент больше не мой друг. Он командует мной, как собакой. Он не дает мне разрешения покинуть резервацию и

контролирует меня во всем. Думаю, он хочет сломить меня, но он никогда не поставит ногу мне на шею».

Я очень хотел понять ситуацию и внимательно слушал, пока другие рассказывали о многих несправедливостях, от которых они страдали. Вождь настоятельно просил меня написать в Вашингтон, чтобы ситуация изменилась.

Я согласился это сделать, но больше ничего не обещал, потому что хорошо знал, что такие письма могут навредить тем, кого я люблю. Я также предвидел, что мое положение в племени станет очень сложным.

«Мы готовы жить новой жизнью, — заявил вождь, — но мы не можем возделывать землю так, как того хочет агент. Пойдите посмотрите на наши поля. Каждый год они выгорают на солнце. Листья кукурузы уже скрутились. Пшеница начинает засыхать. Нет сена, а наши пайки сокращают».

Выжигание пастбищ

Опыт научил нас, что выжигание травы способствует ее лучшему росту, и здесь нам показаны индейцы, выжигающие свои пастбища. Через день или два после пожара снова появляется сладкая, сочная трава, и тогда утомленные тяжелым трудом индейские пони на короткое время наслаждаются нежной зеленью.

Иллюстрация из «СЖИГАНИЕ ПАСТБИЩ»

Первоначально опубликовано в HARPER'S WEEKLY, 17 сентября 1887 г.

Индеец старых времен с северных равнин

Чтобы получить скальп, воин должен нанести убитому удар. На иллюстрации индеец как раз делает это. В старину удар наносился оружием, но в более поздние времена индейцам выдали специальные палки. Тот, кто первым наносил удар жертве, имел право на скальп.

Иллюстрация из книги «Некоторые американские всадники»

полковника Теодора Айро Доджа, США.

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, май 1891

Я видел, что он не любил свою фермерскую работу. Жизнь была слишком тяжелой и горькой. Он действительно был похож на прикованного цепями орла, который сидит и мечтает о широких просторах, над которыми он когда-то свободно парял. Он использовал свое влияние в нужных масштабах, но был критичен и откровенен во всех спорных вопросах, что вызывало гнев агента, который стремился подтолкнуть всех людей к тому, что он называл «самообеспечением». Вождь не возражал против этого, хотя и не мог жить в стране белых людей. «Это утомляет и огорчает меня», — сказал он.

Мне понадобилось не больше дня, чтобы понять, что я оказался между двух огней. Все мои друзья были среди тех, кого агент называл «непримиримыми», и мой вождь рассчитывал на мою помощь в отмене договора о продаже их земель, в то время как агент ожидал, что я буду лидером прогрессивной партии. Было нелегко служить двум хозяевам, и я был вынужден в некотором смысле быть двуличным, что мне не нравилось.

Агент открыто выступал против моего вождя. «Старик избалован известностью в газетах, — сказал он мне. — Его власть должна быть сломлена. Он — великая и опасная реакционная сила, и он и все старые вожди должны быть лишены власти и сделаны ничтожными, прежде чем племя сможет продвинуться вперед. Ему нужно дать понять, что здесь хозяин — я, и что ни один краснокожий не имеет никакой власти».

Я не ответил на это, потому что не мог с ним согласиться. Человек, который является вождем в силу своих врожденных способностей, не может быть унижен и лишен значения. Сидящий Бык был вождем благодаря силе своего характера. Как и раньше, он работал на благо своего народа. Если он видел несправедливость, он немедленно обращался к агенту и просил исправить ее. Это злило агента, потому что он считал вождя назойливым. Он ревновал к его положению «маленького отца». Он был хорошим человеком, но упрямым, резким и вспыльчивым. Он не доверял моему вождю. Когда другие сделали его спикером своего совета, он не стал его слушать. «Он смутьянин», — сказал он.

В офисе есть определенные книги учета, в которых хранятся копии всех писем, и когда я узнал об этом, я нашел время, чтобы прочитать все, что агент написал о вожде. Моя должность клерка по вопросам позволяла мне свободно передвигаться по офису, и поэтому, когда никого не было поблизости, я читал. Я хотел узнать, что произошло за пять лет моего отсутствия.

Сначала агент писал о вожде хорошо. В ответ на запросы он говорил: «Сидящий Бык живет здесь спокойно и хорошо продвигается вперед. Он тихий и безобидный, хотя и гордится своей славой вождя». Год спустя он писал о нем: «Его влияние не прогрессивно, но верующих в него мало, в то время как многие индейцы являются его врагами».

Я убедился, что это правда. Вождь Галл и Джон Грасс были почитаемы за его счет. Грасс был умным и добродетельным человеком, который рано союзился с белыми людьми. Он был лидером тех, кто видел безнадежность сохранения традиций предков, и, естественно, агент относился к нему с заметной вежливостью. В ответе на письмо с просьбой назвать имена главных вождей племени он назвал первым Джона Грасса, вторым — Белого Медведя, третьим — Галла — и полностью проигнорировал вождя.

Галл, и без того завидующий великой славе Сидящего Быка, легко перешел на сторону агента. Он был энергичным, громкоголосым человеком, храбрым и мужественным, но не политичным. Он не полностью порвал со своим старым вождем, но принял должность у агента и слушал, как тот критикует Сидящего Быка со своей точки зрения.

Несмотря на всю свою мягкость манер, в Сидящем Быке таился старый огонь, и он сказал мне, говоря о нападении Шелл Фиша на него: «Я здесь, старый и побежденный — пленник, подчиняющийся слову белого хозяина, но никто не будет меня оскорблять. Я убью того, кто ударит меня. Что для меня смерть? Я умру так, как жил — вождем». В основном он был настолько тихим и скромным, что его не замечали. Он никогда не выдвигался на первый план; он мечтал в тишине.

Он несколько раз посещал мир белых людей, но эти видения не помогли ему; на самом деле, они повергли его в глубокое отчаяние. «Что мы можем сделать в борьбе с этими чудотворными духами?» — спрашивал он. «Это так же глупо, как пытаться летать с орлами. Белые люди владеют всей плодородной землей. Что мы можем сделать, возделывая эту твердую почву? Кто мы по сравнению с этими роящимися поселенцами? Мы как кузнечики перед несущимся стадом бизонов».

Он не хотел смотреть из окна вагона во время этих поездок. Он и его воины сидели в тишине или пели песни об охоте и победоносном возвращении домой, пытаясь забыть о внешнем мире.

«Ничто их не удивляло и ничто их особо не интересовало», — сказал мне Луис, рассказывая о своей поездке в Вашингтон. «Вождь был в очень невыгодном положении, но он редко допускал ошибки. Он был лакотой и не пытался быть кем-то другим».

В конце концов вождь ответил на все подобные просьбы: «Я не хочу быть на виду».

Он был очень субъективен. Он всегда был человеком медитации и молитвы и скрупулезно соблюдал обряды своего племени. Теперь, когда он не видел надежды на возвращение своей прежней свободы, он обратил свой взор внутрь себя и погрузился в раздумья. Он был и философом, и ребенком. Природа была для него загадочной, но не в конечном смысле, как для образованного человека, а близкой, как для мальчика. Луна, облака, ветер в траве — все это было для него необъяснимым, как, впрочем, и для величайших белых людей; только для моего вождя все это было чем-то более близким.

В те дни я часто видел, как он сидел на закате на своем любимом месте — холме над своей хижинкой — крошечной точкой на фоне неба, глубоко размышляя о воле Великого Духа, и мое сердце наполнялось болью. Я тоже скорбел о мире, который так быстро и неизбежно уходил.

VII

ОН ПРОТИВОВОСТОЯЛ ВСЕМ ДОГОВОРАМ

Во время моего отсутствия белые поселенцы захватили древнюю родину дакотов и уже требовали землю, на которой жил Сидящий Бык, и он был глубоко встревожен. Он знал, насколько алчны эти земледельцы, и боялся их. По его мнению, наш дом был жалко мал, и он настоятельно просил меня немедленно разобраться с этой угрозой вторжения.

Я так и поступил и сообщил ему, что комиссия уже направляется к нам и что они скоро вызовут нас.

Сбросив свою апатию, он вновь стал «вождем, заключающим договоры». Созвав совет всех старейшин, он сказал им:

«Необходимо выбрать ораторов, которые будут представлять нас на этой встрече. Неразумно, чтобы я был одним из них. Давайте посоветуемся, что нам делать, назовем наших ораторов и будем готовы к приезду комиссии».

Итак, они выбрали Джон Грасс, Бешеный Медведь, Вождь Галл и Большая Голова в качестве ораторов и через несколько дней отправились на встречу с комиссарами.

Мой народ попросил своего переводчика, Луи Примо, которому они доверяли, и совет начался в хорошем настроении. Члены комиссии поднимались один за другим, выступали и раздавали много копий договора. Затем совет был отложен.

В тот вечер все старейшины собрались в хижине вождя. Я прочитал ему договор, и Луи тоже. Сидящий Бык снова сказал: «Оплата слишком мала, и, кроме того, они изменили наши границы. Не подписывайте». Итак, когда мы собрались на следующий день, наши ораторы отказались подписать, и комиссары были очень разочарованы. Они долго и громко спорили, но безрезультатно.

Нам снова объяснили, что правительство предлагает выделить пять больших резерваций: одну для огаллалов, одну для брюле, одну для народа Кроу-Крик, одну для народа Шайенн-Ривер, и что границы для великого народа сиу были установлены в Стэндинг-Рок. Северная граница проходила по реке Кэннонболл, южная — по реке Моро, но на западе она простиралась всего на восемьдесят миль.

Обращаясь к своим вождям, наш вождь сказал: «Кто провел эту границу на западе? Белый человек или индеец? Они говорят, что границы старых договоров, установленные краснокожими или белыми людьми, должны оставаться неизменными (). Но я не признаю этот договор. Он был украден у нас. Мы заплатили за все, что они для нас сделали, и даже больше. Они никогда не выполняли договоры. Посмотрите, какая жалкая маленькая земля у нас осталась. Не подписывайте. Если вы подпишете, мы погибнем».

Комиссары, до сих пор недовольные, теперь пришли в ярость. Они обвинили Сидящего Быка в запугивании народа. Они гневались и протестовали. Они уговаривали и угрожали, но вождь покачал головой и сказал: «Не подписывайте. Этот человек говорит от имени белых, а не от нашего. Он использует много слов, но меня он не обманет. Не слушайте его». И они посмеялись над лживым оратором.

Наконец Галл, сидевший рядом с вождем, сказал: «Мы закончили. Мы полностью закончили».

Тогда Сидящий Бык встал и сказал: «Мы мило беседовали и дошли до этого момента в хорошем настроении. Теперь мы идем домой», — и дал знак, и совет распался в замешательстве.

Договор не был подписан, и Сидящий Бык был обременен виной за его провал. Что касается меня, я восхищался его твердостью, самообладанием и простой достоинством. Он по-прежнему оставался главным человеком в переговорах.

Но белые люди не сдавались. Они никогда не отступают. Поражение демократов привело к изменению состава Конгресса, и сразу же была предпринята новая попытка заключить договор. Извлекая уроки из ошибок других комиссий, они не пришли сначала в Стэндинг-Рок (они боялись сопротивления Сидящего Быка); они отправились в нижние резервации и собрали всех сanteeв, всех «помесей» и членов других племен, людей, которых мой народ не признавал своими. Эта новость очень разгневала моего вождя. «Белые люди не имеют чувства справедливости, когда имеют дело с нами», — сказал он с горечью. «Они безумны от желания заполучить наши земли. Они сделают все, чтобы их украсть».

Когда комиссары появились в Стэндинг-Рок, они торжествовали благодаря генералу Круку. Продовольствие было в дефиците, люди голодали, и генерал Крук воспользовался этим. Во время переговоров о договоре он щедро раздавал говядину. На третий день он грубо сказал: «Вам лучше принять то, что мы предлагаем. Конгресс все равно откроет резервацию».

Каждую ночь, как и раньше, Сидящий Бык выступал против договора. «Это все, что у нас есть», — говорил он в отчаянии. «Когда-то у нас были обширные земли, а теперь их осталось мало. Вы купили мир у белых, продав свои земли; а теперь, когда вам больше нечего продавать, что вы будете делать? Я никогда не принимал договоров от белых. Я против этого. Я не подпишу. наших земель мало, и они плохие. Белые люди заперли нас в пустыне, где ничего не живет, но это наш последний дом. Вы хотите разрушить стены и позволить белым людям смести нас? Вы говорите, что мы получим за это много денег. Как было в прошлом? Как правительство выполняло свои обязательства? Конгресс сокращает наши пайки по своему усмотрению; то, что они нам должны, не имеет значения. Вы видели, как трудно здесь выращивать продовольствие. Нам нужна каждая пядь нашей земли, чтобы выжить. Я становлюсь стариком; через несколько лет я буду с моими предками; но перед тем, как уйти, я хочу, чтобы мои дети были обеспечены. Пусть правительство заплатит нам то, что оно нам должно, скотом, и тогда мы сможем жить. Я не буду подписывать».

В тот вечер Джон Грасс сдался. Комиссия убедила его, что этот договор был лучшим из всех возможных. Был срочно созван новый совет, чтобы Грасс подписал договор, и мой вождь не был об этом проинформирован до тех пор, пока слушание не подошло к концу.

Когда он вошел в комнату, он был одновременно зол и отчаян, и потребовал дать ему возможность выступить. «До сих пор я держался в тени, — сказал он. — Теперь я хочу, чтобы меня слышали...»

Но они боялись его и отказались его слушать. «Мы не хотим больше разговоров. Джон Грасс, выходи вперед и подпиши!»

Грасс вышел вперед. Сидящий Бык прокричал пронзительным голосом: *«Не подписывайте! Пусть все последуют за мной»*.

По его приказу все его старые соратники встали и ушли, но Джон Грасс взял перо и подписал. Он был человеком часа; он представлял компромиссную политику. Он был готов стать инструментом белых людей. А я, сидящий там в качестве переводчика, бессильный помочь своему вождю в его героической борьбе за остатки империи, которая принадлежала нам, мог только склонить голову в знак признания мудрости большинства — ведь я знал ненасытного белого человека лучше, чем Джон Грасс. Отказ от договора только отсрочил бы конец.

Мой вождь ушел в свою хижину, все еще оставаясь Ункапаппой, все еще непокоренным, олицетворяя все, что было особенного и достойного восхищения в старой жизни охотников; но теперь он знал, что белый человек владеет землей.

«Теперь все кончено», — сказал он с грустью моему отцу. «Нам не осталось ничего, кроме дома в Стране Духов».

VIII

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУХОВ

Год, последовавший за подписанием этого договора, был мрачным для Сидящего Быка. Даже те, кто наиболее явно соглашался с образом жизни белых людей, стали грустными.

Вы должны помнить, что мой народ, ункапапы, является самой западной ветвью великого племени сиу и до момента своей капитуляции в 1880 году знал о белых людях очень мало. Мы ничего не знали о возделывании земли. Мы были в основном охотниками на бизонов и оставались таковыми на протяжении многих поколений. Янктонауэс (Yanktonaise), Миннеконжус () и Миннеконжус () гораздо лучше знали образ жизни белых людей. В те дни, когда они занимали всю верхнюю долину Миссисипи, мы по-прежнему оставались на западе, среди бизонов и лосей. Наши вигвамы по-прежнему были сделаны из шкур.

Разве вы не видите, что этим всадникам равнин — этим кочующим, бесстрашным, гордым охотникам — даже в самых благоприятных условиях было бы очень трудно отказаться от кочующего образа жизни и осесть, чтобы заниматься выращиванием кукурузы и тыкв?

Легко подрезать крылья орлам, но бесполезно бить их и приказывать, чтобы они мгновенно превратились в гусей. Даже при самых благоприятных условиях Слохану, Галлу и Сидящему Быку было бы трудно стать сельскохозяйственными рабочими.

Я призываю вас быть справедливыми по отношению к моему великому вождю, потому что он честно пытался принять эту новую жизнь. Я утверждаю, что ни один человек с его духом и воспитанием не смог бы сделать больше. Он изо всех сил старался сдержать свое слово; в качестве свидетеля я призываю самого агента, который в те первые дни сказал о нем: «Сидящий Бык живет здесь мирно и преуспевает». Даже в ноябре 1888 года, в год создания первой комиссии, он хвалил его. Только потом агент изменил свое мнение и начал оскорблять его. Сейчас я расскажу, почему так произошло.

Видите ли, белые люди не дали нам времени на перемены. Мы веками формировали привычки, которые, по их мнению, нужно было немедленно изменить. Они отрезали нас от нашей дичи. Они приказали нам заниматься сельским хозяйством, не зная характера нашей резервации. Почва в этой стране очень твердая и сухая, а климат суровый. Это высокогорная прерия, пересеченная несколькими тонкими, медленными ручьями, которые протекают по глубоким оврагам. На возвышенности растет короткая сухая трава, и бывает, что в начале июня она уже сухая, как сено. Она хороша для выпаса скота, но дает очень мало сена на зиму. Это засушливая страна; в большинстве случаев урожай сгорает под палящим солнцем и еще более жестоким ветром. Зимой это ужасное место для жизни, если только вас не защищают тополевые и ивовые рощи на берегу реки. Изначально эту землю дали нам, потому что считали ее бесполезной для земледельцев.

На этой суровой земле белые поселили мой народ и сказали грозным голосом: «Возьмитесь за сельское хозяйство или умрите!» Мы пытались, но год за годом наши попытки заканчивались неудачей. Нам дали неподходящие орудия труда, большие плуги, которые наши пони не могли тянуть, и плохие семена, и эти затраты исчерпали нашу годовую ренту и лишили нас возможности разводить скот. Наши друзья среди белых людей рано начали понимать, что попытки заставить нас возделывать эту железную почву были бессмысленными, и настаивали на выдаче скота, но предоставление бесполезных вещей было воспринято как повод для отказа в выдаче скота, и когда наконец его прислали — несколько коров и овец — слишком мало, чтобы быть полезными, это было использовано как повод для сокращения наших пайков, которые (как постоянно утверждал вождь) были не подарком, а справедливой платой.

Их никогда не хватало, даже когда они выдавались честно и в полном объеме, а когда качество было плохим или выдача сокращалась, многие из них фактически голодали три дня в неделю. В одной из великих книг правительства можно прочесть следующие слова: «Внезапно и почти без предупреждения их призвали отказаться от всех своих древних занятий и без предварительной подготовки заняться сельским хозяйством на земле, в значительной степени непригодной для таких целей. Свобода охоты была променена на праздность лагеря. Бескрайние просторы были заменены ограниченной резервацией, а изобилие — ограниченными и сокращающимися средствами к существованию и запасами. В этих условиях человеку не свойственно не быть недовольным и беспокойным, даже буйным и жестоким». Так сказал комиссар по делам индейцев.

Несмотря на все это, я утверждаю, что мой народ был терпелив. Сидящий Бык старался не делать ничего, что могло бы навредить его народу, и часто молча уходил, не отвечая на резкие обвинения агента.

Голод был тяжело переносим, но были и другие вещи, которые делали жизнь очень бедной и трудной. Вокруг нас, на севере, востоке и западе, роились поселенцы. Наша резервация казалась такой маленькой по сравнению с нашими старыми пастбищами — как маленький остров в огромном океане. Каждый визит наших вождей на восток или запад приносил им весть об отчаянии. Поток белых людей, который был сдержан западным берегом Миссури, теперь текла большими потоками на запад и поворачивала на север. Везде враждебно настроенные фермеры строили свои хижины. Они все носили оружие, в то время как нам это было запрещено. Они ненавидели нас так же, как мы ненавидели их, но на их стороне был весь закон.

Таким образом, физически мы были поглощены нарастающей волной чуждой расы. Точно так же наши старые обычаи и привычки тонули под цивилизацией белых людей. Одна за другой умирали наши песни. Одна за другой наши танцы были запрещены правительством, а наши молитвы и церемонии, милые и священные для нас, уже были осуждены или категорически запрещены. Наши красивые мокасины были объявлены табу, наши рубашки из оленьей кожи, украшенные бисером, были заменены рваными пальто. Наши женщины выглядели глупо в дешевых платьях белых женщин. Мы стали племенем оборванцев, подобных беднякам, над которыми смеются газеты и которых называют «бродягами».

Позвольте мне рассказать вам больше. Вы не сможете понять мой народ, если будете считать религию белых людей и их образ жизни единственно правильными, одобренными Великим Духом.

Мои друзья в Вашингтоне, люди, с которыми я учился, натолкнули меня на эту мысль. Во всех религиях и всех расах есть добро, и я пытаюсь описать несправедливость по отношению к моему народу с этой точки зрения. Сидящий Бык любил старую жизнь, но он часто говорил: «Мы жили той жизнью, которую Великий Дух начертал для нас. Мы не знали другой. Если вы сможете показать нам, что ваш образ жизни лучше, что он сделает нас счастливее, тогда мы примем ваш образ жизни», и какое-то время он думал, что, возможно, образ жизни белых людей ближе к воле Великого Духа; но когда ему было холодно и он был голоден, он почувствовал несправедливость этой высшей расы и засомневался.

Мы все видели, что с течением лет старые радости уходили, а на их место не приходили новые, в то время как нужда, знакомый враг, оставалась рядом с каждым очагом. Наши лучшие мыслители понимали, что красивые большие дома и хорошая теплая одежда были недостижимы для огромного числа белых людей, «как же тогда простой краснокожий человек может надеяться их получить?» Они начали говорить: «Мы отдали нашу свободу, наш мир, наши традиции за темную хижину, жесткие, жестокие сапоги, презрение

поселенцев и болезни солдат». «Наша раса исчезает. Новые условия уничтожают нас. Если мы не можем сохранить себя как сиу, зачем вообще сохраняться? В мире и так достаточно белых нищих, зачем добавлять себя к армии бедняков?»

Именно по этой причине вождь выступил против договора о разделении резервации. «Наша сила в том, что мы — народ. Как отдельные личности, белые люди будут плевать на нас». Когда договор был готов к подписанию, один белый человек спросил его: «Что вы, индейцы, об этом думаете?»

Он выпрямился, и в его глазах вспыхнул старый огонь, когда он сказал: «Индейцы! Кроме меня индейцев больше не осталось». Но позже он с грустью сказал: «Я не могу измениться. Я не могу подписать, но мои дети могут подписать, если захотят».

Как раз в это время наш скот начал гибнуть от странной болезни, а наших детей поразила таинственная болезнь, которую белые люди называют гриппом, но для которой у нас не было названия. У нас не было лекарств, чтобы бороться с этой лихорадкой, и врач агентства не мог нам сильно помочь. Наши дети умирали сотнями. Это было ужасно. Казалось, что всех нас сметет.

Епископ Хэр и генерал Майлз оба видели и сообщали об этих условиях, и я в агонии спешил написать всем своим друзьям, но правительство медлило с принятием мер в нашей нужде, хотя всегда спешило разделить нашу землю и раздать ее. Никто не заботился о том, что с нами станет. У нас не было голосов, мы не могли помочь никому занять должность. Все обещания были забыты, и, чтобы усугубить наше несчастье, сказали, что новая администрация еще больше сократит наши выплаты и пайки, которые нам полагались. Когда эта новость дошла до нас, нам показалось, что сама земля, на которой мы стояли, проваливается под ногами. Старый мир бизонов, свободная жизнь прошлого, с каждым днем становились все прекраснее, а мир вокруг нас, тюрьма, в которой мы жили, чернел от туч отчаяния.

В этот момент безнадежного страдания — эту невыносимую зиму трагического уныния — к моему народу дошел слух о чем-то очень чудесном. Посланник моего вождя сказал, что далеко на западе, у подножия огромной белой горы, чудесный знахарь спустился с облака, чтобы встретить и спасти краснокожих. Так же, как когда-то Христос пришел к евреям, так и теперь Великий Дух послал посланника к краснокожим, чтобы вернуть старый мир бизонов и заселить его сияющие просторы теми, кто умер. И они сказали: «Верой и чистотой мы снова возобладаем над этой землей».

Это было семя, посеянное в нужное время в нужную почву. В ночь своего отчаяния мой вождь слушал это послание как сладкую сказку, не веря в него, но жаждая услышать больше.

Вестником новой веры был Брюле, который закончил свои слова так: «Кикинг Беар, один из наших вождей, отправился на поиски начала этой истории. Именно он послал меня к вам. Он хотел, чтобы я рассказал вам о том, что он услышал».

«Когда он вернется, — ответил вождь, — скажи ему, что я хочу поговорить с ним об этой странной вещи».

Сообщение об этом человеке распространилось среди народа, и многие поверили в него. Мы начали смутно слышать о новом танце, который приняли некоторые люди в Роузбаде и Пайн-Ридже — церемонии, чтобы проверить веру тех, кто верил, — лечебном танце, чтобы вернуть прошлое, — и люди размышляли над словами брюле, который сказал, что мир бизонов будет им возвращен, а все старые обычаи и радости вернуться.

Это была волшебная мысль. Их глубокое желание заставило ее расцвести в их умах, как чудесный цветок, и они с нетерпением ждали прихода вестника.

Не следует забывать, что каждое слово, которое мой народ знал о христианской религии, готовило его к этому чудесному изменению. Религия белых людей была полна подобных чудес. Разве Христос не воскрешал мертвых? Разве он не родился от Девы и не превращал воду в вино? Мудрецы из Библии, как нам рассказывали, могли остановить солнце, а однажды стены великого города рухнули под волшебным звуком рогов баранов. Много раз мы слышали, как проповедники, мудрецы белых людей, говорили: «Верой сдвигаются горы», поэтому наши умы были готовы поверить в восстановление мира бизонов. Разве для Великого Духа не было так же легко, как заставить воду покрыть самые высокие горы? Мой друг Черный Птица говорил: «Каждая раса презирает суеверия других, но цепляется за свои собственные». Я — су, и эта история не могла не взволновать меня.

Мой мозг реагировал на каждую историю, рассказанную стариком. Я снова увидел великолепные просторы равнины. Я участвовал в охоте на бизонов. Я слышал песни радости, когда женщины вешали красное мясо для сушки. Я снова играл среди хижин. Да, все это было очень приятно мечтать, но я сказал вождю: «Я был среди белых людей, я изучал их книги. Мир никогда не возвращается назад. Мы должны идти вперед, как реки, в неизвестность».

«Посмотрим», — ответил он. «Я часто упрекал тебя за то, что ты говоришь «да, да» всему, что говорит белый человек. Это может быть ложь. Кикинг Беар отправился на запад, чтобы встретиться с этим чудотворцем. Когда он вернется, мы обсудим его отчет. До тех пор мы ничего не будем делать».

Но никакая сила не могла помешать распространению этой истории и мечты среди моего народа. Они быстро ухватились за эту слабую надежду и стали строить на ней свои планы. Разве вы не можете понять наше состояние ума? Представьте, что великая и могущественная раса появилась из-за моря и изгнала ваш народ с его исконных земель, и так далее, пока в конце концов не осталось лишь горстка людей. Представьте себе эту горстку людей, запертых в маленькой, мрачной долине, отрезанных от всех природных явлений, с запрещенными религиями, танцами и церемониями, голодных, замерзших, отчаявшихся. Смогли бы вы тогда быть логичными, разумными и вполне здравомыслящими?

Если бы моя раса была рабской, готовой играть роль бабуинов, быстро подражающей, то она не исчезла бы, как это произошло, в войне и голоде. Мы свободные люди. Мы всегда были свободны от любых чужих законов. Мы двигались, как хотели, ведомые буйволами, направляемые ветрами, пресмыкаясь только перед снегом. Поэтому мы возмущались ограничениями белых людей. У нас были сердца орлов в наших клетках, и все же, имея глаза орлов и мозг людей, мы наконец поняли полную бесполезность борьбы. Мы потеряли всякую веру в физическую войну и сели умирать. Как раса, мы смирились со смертью, и в эту ночь нашего смирения восшла звезда пророчества. Мы обратились за помощью к мистическим силам.

IX

ПОСЛАНИЕ КИКИНГ БЕАР

Однажды в октябре 1890 года группа индейцев племени брюле-су из агентства на реке Шайенн прискакала в долину реки Гранд, разыскивая Сидящего Быка. Когда они проходили мимо хижины моего отца, он вышел и остановил их.

«Что вам нужно от Сидящего Быка?» — спросил он с авторитетом одного из старых «молчаливых едоков».

«Мы принесли ему сообщение», — ответил вождь. «Я — Кикинг Беар. Немедленно отведи нас к нему».

В то время вождь жил со своей молодой женой в двухкомнатном бревенчатом доме (рядом стояла хижина для его первой жены), и когда незнакомцы подошли к двери, их встретила старая женщина, которая работала у костра под открытым навесом. В ответ на вопрос моего отца о вожде она указала на большой вигвам, стоящий за домом, и, отвернувшись, мой отец поднял дверной полог и вошел. Вождь был один, он курил трубку, погруженный в серьезные размышления.

«Отец, — сказал мой отец, — к тебе пришли несколько человек из племени шайеннов».

«Я Кикинг Беар, — сказал посетитель, — тот, кого ты звал».

Индейский вождь

Иллюстрация из книги «A BUNCH OF BUCKSKINS» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано R. H. RUSSELL, 1901

Вождь встретил гостей с мягкой вежливостью и пригласил их сесть. «Друзья мои, я рад вас видеть. Вы наверняка проголодались. Отдохните и покушайте. Когда вы насытитесь и освежитесь, мы поговорим». Затем он позвал жену, чтобы она подала гостям еду, и сам курил, тихо наблюдая за тем, как они едят. Когда все насытились и успокоились, он сказал Киккингу Беару: «Теперь, мой друг, я готов слушать».

Голос гостя был полон волнения, но сначала он хорошо себя контролировал. Он сказал:

«Друг мой, мы все знаем тебя; твоя слава широко известна. Ты — глава всего нашего народа. Мы знаем это. Ты всегда был верен традициям наших отцов. Ты долго и хорошо сражался против прихода белых. Поэтому я пришел к тебе. Вот какова история: первыми людьми, узнавшими о Мессии на земле, были шошоны и арапахо. Год назад Добрый Гром, Огаллала, услышав эту чудесную историю, взял с собой четырех своих друзей и отправился посетить место, где, как говорили, находился чудотворный Сын Великого Духа. Он отсутствовал много дней, но наконец прислал весть, что он нашел Мессию, что тот находится среди тех, кто ест рыбу, далеко в высоких белых горах, и он попросил меня прийти и стать свидетелем. Тогда я тоже отправился туда — с большим страхом. Через много дней я нашел это место. Оно находилось глубоко в странной стране — пустынной стране. Там разбили лагерь многие люди. Говорили на всех языках, но все были в мире. Говорили, что там было шестнадцать разных племен, и что все они пришли, как и я, чтобы узнать правду. Никто не думал о войне. Все распри были забыты».

Сидящий Бык слушал с полузакрытыми глазами, взвешивая каждое слово. Мой отец сказал мне, что было очевидно, что Кикинг Беар с трудом сдерживал свои эмоции. Один за другим члены семьи вождя собрались вокруг вигвама, чтобы послушать. Это был знаменательный момент.

«Они разложили одежды по кругу, чтобы сделать место для танцев, — продолжил посланник, — и мы все собрались там около заката. Говорили, что Мессия готов явиться и научить нас новой религии. Сразу после наступления темноты кто-то сказал: «Вот Великий Отец». Я посмотрел и увидел его сидящим на одной стороне круга. Я не видел, как он пришел. Я не знаю, как он туда попал. Свет костра падал на него, и я ясно его видел. Он был не таким темным, как краснокожий, но и не был белым. Он был красивым человеком с добрым, мудрым лицом. Он был одет в белое и не имел ни бороды, ни усов. Один за другим все вожди подошли к нему, чтобы поприветствовать его. Я пошел с остальными, но когда подошел, склонил голову; его глаза были так остры, что ослепили меня. Затем он встал и начал петь, и те, кто был там раньше, начали танцевать в новой церемонии.

Когда мы на мгновение прекратили танцевать, он заговорил: «Дети мои, я рад, что вы здесь. Мне нужно многое вам сказать. Я Сын Великого Духа, посланный, чтобы спасти вас от гибели». Мы стояли неподвижно, пока он говорил; никто не шептал; все слушали. Он говорил на всех языках, чтобы мы могли его понять. «Я — Создатель этой земли и всего, что вы видите вокруг себя. Я могу пойти в мир мертвых, и я видел всех, кого вы потеряли. Я научу вас также посещать мир духов; в этом смысл танца. Давным-давно я пришел к белым людям, но они злоупотребили мной. Они вбили гвозди в мои ноги. Посмотрите на шрамы!» И он поднял руки, и мы увидели шрамы».

Сидящий Бык воскликнул в удивлении: «Ого! Вы видели шрамы!»

«Я видел их отчетливо», — торжественно ответил Кикинг-Беар, и слова удивления разнеслись по тепи, «и все мои друзья видели их так же отчетливо, как и я. Затем Мессия сказал: «Я нашел своих белых детей плохими и вернулся к Великому Духу, моему Отцу. Я сказал им, что через много сотен лет я вернусь. Теперь я вернулся, но на этот раз я пришел к краснокожим людям».

«Я пришел, чтобы научить вас новой религии и сделать вас счастливыми. Я должен обновить землю, которая старая и изношенная. Если вы будете следовать моему учению, если будете делать то, что я вам велел, я совершу чудесные вещи. Это послание моего Отца, Создателя. Он был недоволен своими детьми. Он отвернулся от краснокожих на многие годы. Если бы вы остались верны путям своих отцов, эти несчастья не обрушились бы на вас. Вы не были бы теперь заперты белыми людьми, вы были бы свободны и счастливы, как в старину. Но сердце Великого Духа снова смягчилось к вам, и он велел мне сказать: «Если вы будете жить по законам Спасителя, которого я послал к вам, я снова улыбнусь вам. Я заставлю белых людей исчезнуть с лица земли вместе со всеми следами, которые они оставили после себя с помощью плуга и топора. Я верну старый мир. Он скользнет над нынешней землей, как одна рука скользит над другой; белый человек и все его дела будут похоронены, а красный человек будет поднят в воздух и опущен на эту старую землю, когда она вернется, и он найдет бизонов и лосей, оленей и антилоп, пасущихся, как в древние времена, на сочной траве. Винтовка больше не будет нужна, как и еда и одежда белого человека. Все будет так, как было во времена наших отцов. Никто не будет стареть, никто не будет болеть, никто не будет умирать. Все будут снова рады и счастливы».

Говоря это, Кикинг-Беар сильно возбудился. Он встал, и его голос зазвучал громко и ясно. Женщины начали стонать, но вождь сидел неподвижно, очень неподвижно; его время говорить еще не настало.

Кикинг-Беар продолжил: «Он велел нам отбросить все злые мысли. Мы не должны сражаться и отнимать друг у друга все хорошее. Мы должны быть друзьями со всеми — в том числе и с белыми людьми. Наши сердца должны быть чистыми и добрыми.

Он также научил нас танцу и новым методам очищения, и велел мне передать их вам». На этом Кикинг Беар закончил, обращаясь к вождю: «Вот это послание, отец, и вот это обещание: *если все краснокожие объединятся, отбросив все, что принадлежит белым людям, молясь и очищаясь, тогда вернется старый мир — старый счастливый мир бизонов, и все мертвые из нашего племени вернутся, могучая армия, гнавшая перед собой бизонов*».

Вождь долго сидел в тишине, и когда он заговорил, его голос был очень тихим, с грустной интонацией. «Это очень порадовало бы меня. Но как я могу знать, что это не ложь? Какое доказательство того, что все эти хорошие вещи сбудутся? Захватчик силен. Я отказался от войны, потому что знаю, что сражаться с ним — глупость. Я видел его земли на востоке. Я знаю, что он поглотил леса и заставил расти кукурузу там, где когда-то текли глубокие воды. Его больше, чем когда-либо было бизонов. Все краснокожие людей всех равнин и холмов не могут победить его. Бесполезно говорить о том, чтобы оттеснить его».

«Это правда, — ответил Кикинг-Беар, — но ты слышал, как о этих вещах говорит Библия белых людей. В древние времена, говорят они, когда люди отчаялись в оружии и войне, они начали молиться своему Великому Духу, и он послал невидимые силы, чтобы помочь им. Они рассказывают о городах, которые пали под звуки трубы. Мы не должны больше сражаться с помощью оружия. Бесполезно использовать топор. Мы должны угодить Великому Духу; мы должны умолять его снова обратить свое лицо к нам, и тогда наши враги растают».

«Но какое доказательство этому? Это все сказки. Это как шум приятного ветерка в деревьях».

«Доказательство в этом», — искренне ответил Кикинг Беар. «В этом танце люди могут покинуть тело, улететь далеко и увидеть духи умерших, а также прокатиться по равнинам древних времен в погоне за бизонами. Я сам видел этот старый мир, ожидающий своего восстановления. Давайте созовем совет. Давайте станцуем, и некоторые из вашего народа — возможно, сам Сидящий Бык — смогут покинуть тело, посетить чудесный мир духов и вернуться, чтобы рассказать об этом людям! Давайте станцуем, и доказательство появится».

На это вождь ответил осторожно: «Мы не будем торопиться. Останься с нами, и мы поговорим об этом подробнее».

Слохану он сказал: «Этот человек хорошо говорит. Он утверждает, что был на западе и видел Мессию, но мы должны быть осторожны. Мы тщательно изучим этот вопрос. Мы не должны выглядеть глупо». Затем он снова обратился к брюле. «Когда же это благое изменение придет к нам?»

«Отец сказал, что если все его слова будут выполнены, он создаст новую землю с прорастающей травой».

«Ты веришь в эту историю?» — резко спросил вождь.

«Да».

«Что заставляет вас верить?»

Кикинг Беар был глубоко взволнован; его голос дрожал, когда он ответил: «Потому что с тех пор, как я коснулся его руки, я много раз покидал свое тело. Я тоже побывал в мире духов, я тоже видел мертвых, я видел бизонов и сияющий новый мир, более прекрасный, чем старый. С тех пор, как я вернулся, я часто вижу Спасителя во сне. Я знаю, что через него вы и все ваше племя можете улететь в мир духов и увидеть своих друзей. Поэтому я пришел, чтобы научить вас песням и танцам, которые приводят в транс и дают видения».

«Ты говоришь о гибели белых людей. Как это произойдет?» — спросил вождь.

«Все с помощью великой магии. Война бесполезна. Все, кто верит, должны носить орлиное перо, и когда новая земля накроет старую, те, кто носит священное перо, будут подняты и спасены, а белые люди и все, кто отвергает послание Отца, будут сметены и погребены глубоко». Затем посланник воскликнул с страстью: *«Отец, все танцуют — пиуты, шошоны, огаллалы, шайенны — все люди. Послушай меня! Я принес истинное послание! Послушай, я умоляю!»*

Он начал петь, и его товарищи присоединились к нему. Песня, которую они пели, была незнакома моему отцу и очень, очень грустная — такая же скорбная, как ветер в голых ветвях вяза. Это была не боевая песня, а плач, который растопил все сердца. Пока они пели, Кикинг Беар начал дрожать, а затем его правая рука начала дико кружиться, как будто это была дубина. Затем он упал на землю, как человек в припадке.

Сидящий Бык быстро поднялся. «Ха! Что это значит?» — спросил он, оглядываясь по сторонам с настороженностью.

«Он впал в транс, — сказал один из других. — Он сейчас в мире духов. Не трогайте его».

Долгое время посланник лежал, как мертвый, и никто не смел его беспокоить. Мой вождь сидел, куря, терпеливо ожидая, пока Кикинг-Беар заговорит. Наконец он снова ожил и сел. «Я видел Отца, — сказал он с сияющим лицом, — и он дал мне знак. Он сделал мою левую руку сильнее, чем у самого сильного человека. Подойди и посмотри!» Он протянул руку, и мой отец взял ее, но она испугала его, и он отбросил ее от себя. Она заставила его мышцы сократиться, а плоть защемила, как будто в нее вонзили иглы. Тогда Медведь воскликнул: «Смотри! Я говорю правду. Я видел Мессию. Он дал мне руку силы в знак. Он велел мне вернуться и научить Сидящего Быка новой религии». Он взял тяжелую белую чашу. «Видите знак?» — воскликнул он и раздробил чашу на куски в своей руке.

Сидящий Бык был глубоко взволнован. «Мы поговорим об этом завтра», — сказал он и ушел, глубоко потрясенный тем, что увидел.

На следующее утро он созвал совет своих близких друзей, наконец послал за Киккинг-Беаром и сказал: «Ваша история приятна для наших ушей. Возможно, она правдива. Я так не думаю, но мы попробуем. Мы подошли к тому моменту, когда все оружие бесполезно. Мы в отчаянии и слабы. Оружие бесполезно. Великий Дух, безусловно, отвернулся от нас. Возможно, молитвы и песни заставят его снова улыбнуться нам. *Ты можешь научить нас танцу*».

Х

НАЧАЛО ТАНЦА

Так семя тайны упало на подготовленную почву умов моего народа. Это была не новая религия; она была действительно очень старой. Многие другие народы верили в нее; пришло время, когда суи приняли ее. В своем отчаянии они жадно ухватились за нее. В своем вынужденном безделье они приветствовали ее.

Новость быстро разлетелась, конечно, с дикими преувеличениями. Говорили, что Мессия послал послание прямо вождю и что курьеру был дан знак, который убедил моего отца и многих других, хотя Сидящий Бык все еще сомневался.

Индейцы такие же, как и все другие народы. Есть среди них возбудимые и сомневающиеся, те, кто легко верит, и те, кто склонен все проверять. Многие старухи, чьи сыновья и дочери недавно ушли в мир духов, сразу же поверили этой новости. Снова наступала зима; еды было мало; дети болели; жизнь была безрадостной и не сулила ничего хорошего. Поэтому, как и среди белых людей, осиротевшие быстро приняли любую веру, которая обещала воссоединение.

Наконец, люди с более острым умом, такие как мой отец, задумались и сказали: «Возможно, это правда. У белых был Спаситель. Почему Великий Дух не может послать его и нам? Мы можем хотя бы изучить историю этого человека. Мы можем пойти и посмотреть на танец».

Другие, которые переросли веру своих отцов и также отвергли христианскую религию, улыбались и говорили: «Это глупо!» Тем не менее, из любопытства посмотреть, что происходит, они слонялись поблизости, чтобы посмотреть и посмеяться.

Последними были те, кто с горечью размышлял о прошлом — прикованные цепями львы, которые никогда не принимали господства белых людей, которые боялись только плена и которые сидели в своих вигвамах, укутавшись в одеяла, курили, размышляли и вспоминали древние времена, когда они были храбрыми. «Мы — пленники, — говорили они. — Нам не

разрешают покидать узкие пределы нашей мрачной резервации. Мы не можем ни охотиться, ни навещать наших друзей. Какой смысл жить? Почему бы не умереть в бою? Разве не лучше быть убитым и сразу перейти в мир духов, чем умереть от голода и холода? Мы знаем, что судьба мертвых не может быть хуже нашей судьбы здесь».

В свете воспоминаний страна их юности была землей колышущейся травы, великолепного неба, журчащих ручьев, сияющих вигвамов, смеха, песен и героических подвигов. В мечтах они снова были молодыми разведчиками, выбранными для особой миссии. В мечтах они снова скакали по бескрайней равнине, охотясь на диких черных быков. Они выжидали бобров у безымянных ручьев. Они сидели в глубоких ямах, слушая рев парящего орла, и всегда, просыпаясь в реальность, они обнаруживали, что стали оборванными нищими под контролем белого человека, преданными и забытыми своими вероломными союзниками.

Что осталось у них от всего этого могущественного наследия? Небольшой участок бесплодной земли и благословенная привилегия работать как китаец или негр. Белые поселенцы лишили их всей прежней приключенческой, богатой и мирной жизни. Километр за километром захватчики пожирали дерн. Буйволы, лоси, бобры исчезли под их ружьями. Они перекинули мосты через реки и поставили заборы в долинах. Агент всегда говорил, как будто каждый краснокожий, кто пожелает, может иметь большой дом, фруктовые деревья и приятные вещи, но теперь было совершенно ясно, что этим гордым охотникам на бизонов не осталось ничего, кроме фактического рабства у поселенцев; их судьбой было убирать навоз из конюшен белых людей.

С этой точкой зрения «Молчаливые Пожиратели» были полностью согласны. В первые дни после возвращения с севера они были заражены энтузиазмом своих учителей. Они тоже надеялись на некоторые блага цивилизации белых людей.

Сам Сидящий Бык был полон надежды. Он смело говорил им, советуя им встать на путь белых людей; но с течением лет он все сильнее и сильнее ощущал ограничения и запреты своего надзирателя. Он видел, как льстецы и лицемеры возвышались, а его собственные желания пресекались или встречали презрение, и его лицо становилось все печальнее и суровее. Когда он смотрел в будущее, он видел почти неминуемое страдание и окончательное исчезновение своей расы, поэтому он тоже неизбежно обратил свой взор внутрь себя, чтобы мечтать о прошлом. Не имея надежды на земные блага, он теперь, вопреки себе, был очарован рассказами об этом Спасителе на Западе. Конечно, он не мог запретить своему народу это утешение.

Он также обладал естественной гордостью лидера. Он считал себя главой своего племени, и ему было больно осознавать, что он полностью лишен власти. Агент теперь намеренно унижал его, игнорируя его предложения и представляя его в невыгодном свете среди белых людей. «Эти старые вожди должны уступить место», — говорил он. «Если мы хотим цивилизовать этих индейцев, все старое племенное правительство должно быть уничтожено». И в этом он имел поддержку многих друзей своей расы.

Одно из самых серьезных разногласий, существовавших в то время, заключалось в отказе Сидящего Быка признавать авторитет полиции агента, состоящей из коренных жителей. «Я по-прежнему глава своего племени, — гордо заявлял он. — Мне не нужна ваша помощь, чтобы поддерживать мир».

Тогда агент очень хитро назначил тех, кто завидовал вождю, главами своей полиции, и таким образом обеспечил себе их поддержку на случай возникновения проблем. Вождь был вынужден выглядеть и чувствовать себя человеком, живущим по милости других, в то

время как отступники, которых он презирал, и предатели, которых он ненавидел, были поставлены над ним. Тем не менее, он терпеливо сносил все это; он даже подчинялся личным оскорблениям, чтобы не выглядеть смутьяном.

Послание Мессии пришло, таким образом, как раз в тот момент, когда вождь и его «молчаливые едоки» подвергались окончательному унижению со стороны агента. Было тяжело умирать в это время, как изгой, без надежды для своего народа. Они не могли понять, почему они стали мишенью злобы агента. Они гордились своим лидерством. Быть вождем было почетным делом. Качества, которые делали вождя вождем, не были низкими; они были благородными. Почему другие, более низкие люди должны были получить над ними презрительную власть?

И поэтому эти гордые души закрыли глаза на будущее и тосковали, как ни один белый человек никогда не сможет понять, по славным дням бизонов.

В течение трех дней Кикинг-Беар наставлял тех немногих, кто поверил, готовя их к танцу. «Вы должны отбросить все, что принес вам белый человек», — сказал он. «Мессия повелевает выбросить все металлы. Опустите все оружие, ибо это танец мира. Необходимо, чтобы вы оделись, как в старину, до прихода захватчиков. Пусть каждый, кто танцует и принимает слово Отца, носит белый орлиный перо, ибо это будет знаком, когда придет новая земля. Вы будете подняты на облака благодаря вашей вере, а все остальные погибнут. Вы также должны очиститься, используя потную хижину, и после танца вы должны искупаться в чистой, холодной воде. В это время вы должны отбросить всю злобу и жестокость и говорить с всеми людьми доброжелательно. Так говорит Отец».

Во всем этом было что-то возвышенное, и это очень глубоко тронуло людей, а вождь внимательно слушал все это.

На третью ночь его проповеди я был присутствовал, потому что мой отец послал за мной. Получив от меня обещание не рассказывать никому из белых, он описал все, что произошло. Сначала я не был впечатлен. «Это глупо», — сказал я.

«Тем не менее, ты должен прийти и увидеть этого человека. Он чудесный волшебник. Я его не понимаю».

Встреча состоялась в типи вождя, который был большим и крепким. Когда я вошел, я увидел много мужчин и женщин, сидящих небольшими группами у двери, но только около пятнадцати человек были приглашены присоединиться к кругу, который, как я вскоре обнаружил, был сформирован для репетиции некоторых церемониальных песен Мессии. В центре хижины горел небольшой яркий огонь, а суровое лицо вождя было неподвижно застыло в задней части хижины. Справа от него сидел Кикинг Беар. Слева было пустое место, которое занял мой отец. По знаку вождя я сел рядом с отцом.

Фантазия из танца войны пони

Среди многих интересных элементов представления, которое индейцы племени блэкфут устраивают по особым случаям в своей резервации в Канаде, самым зрелищным является «Танец войны пони» или «Отправление на битву». В этой сцене участвуют около шестидесяти молодых мужчин, скачущих на лошадях, столь же диких, как и они сами. Игра актеров яростная — не похожая на имитацию сражения на нашей сцене, — но исполняемая с отчаянным энтузиазмом людей, надеющихся прославиться на войне.

Иллюстрация из книги «CHARTERING A NATION» Джулиана Ральфа

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, декабрь 1891 г.

Разведчик Чи-Чи-Чаш на флангах

Шауны, или, если использовать название, которым шауны называют самих себя, Чи-Чи-Чаш, были разведчиками из корпуса Пайн-Ридж, организованного в этой резервации, и вместе с другими шаунами из Тонг-Ривер оказали ценную услугу дяде Сэму во время восстания сиу в 1890 году в Южной Дакоте. В декабре того же года эти храбрые индейцы вступили в многочисленные стычки с дикими сиу, которые, одетые в рубашки призраков, вышли на тропу войны, укрывшись в Бесплодных землях — регионе, который казался созданным для хитрости и убийств, и где ничто, кроме холодного голубого зимнего неба, не было свидетелем его тайн.

Иллюстрация из книги «Последний разведчик лейтенанта Кейси»

Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в «Pony Tracks», Harper & Brothers,

1895

Вскоре после нашего входа вождь зажег свою трубку и, поднеся ее Земным Духам и Духам Небесным, передал ее своему гостю. Медведь сделал то же самое, а после курения передал трубку дальше. Так она прошла по кругу. Когда трубка снова оказалась в руках вождя, Кикинг-Медведь и его пять товарищей поднялись, протянули руки на запад и замерли, пока Медведь молился:

«О великий дух на западе

Отец наш,

Помилуй нас. Мы бедны и слабы.

Пошли нам добрую весть.

Помоги нам увидеть добрую землю.

Помоги нам увидеть наших близких».

Затем он запел песню — песню об обещании — и вот какие были слова:

«Отец так сказал,

Он обещал, что

Ты снова увидишь своих умерших.

Они снова оживят.

Ты увидишь своих родных

Из духовного мира.

Это говорит Отец

Своим верным».

Эта песня тронула меня, хотя я был скептиком. Ее пели с большой энергией и искренностью. Медведь объяснил нам, что это была вступительная песня танца, а затем все сели, и по очереди гости взяли и спели песни, которые они выучили. Их было много, и все

они были основаны на одной и той же идее — воскресении мертвых, обновлении изношенной старой земли и возвращении бизонов.

Пока они пели, моя голова была заполнена множеством великих, но сбивчивых мыслей. В том свете, в той обстановке любая магия казалась возможной. Именно так ученики Христа из Галилеи собирались вместе и обсуждали его учение. Я часто слушал религию белых людей, но гимны мучеников не трогали меня так, как эти песни. Прошрое и настоящее странным образом слились в моем сознании, когда подули древние сияющие ветры и вернулись старые радостные дни.

Вы снова поставите вигвамы.

Вы снова будете есть пеммикан.

Вы повесите мясо буйвола.

И везде будет изобилие.

Вы будете жить, а не умирать в старом мире, который возвращается заново.

Вы будете охотиться на буйволов.

Вы будете весело мчаться по яркой прерии.

Таковы были обещания песен, и когда гости пели, мой отчаявшийся народ стал похож на маленьких детей; их сердца растаяли, они смеялись, плакали и кричали в такт музыке. Какая-то странная сила, казалось, сопровождала движения рук Медведя. Мы все, казалось, смотрели на те самые сцены, о которых он пел, и мое горло сдавило от эмоций, которые я не мог сдержать.

Старик по имени Глядящий Орел внезапно встал, протянул руки и воскликнул волнующим голосом:

«Я вижу ее — новую землю! Я вижу, как пасутся тысячи буйволов. Наступила весна, и трава только что выросла. Мой отец стоит у входа в свой шатер. Он машет рукой. Там моя мать. Хо! Я иду, отец мой».

Затем он упал на землю, и Ударный Медведь и его друзья взялись за руки и, запев песню, от которой забилося мое сердце, начали танцевать кругом вокруг костра:

«Весь мир мертвых возвращается.

Наш народ идет, идет, идет.

Орел принес нам весть,

Неся слово Отца —

Слово и желание Отца.

Они идут по радостной новой земле,

Наши мертвые гнают лосей и оленей.

Смотрите, как они гонят стада бизонов.

Это обещал Отец,

Это дал Отец».

Один за другим сидящие уступали место, вставали и присоединялись к танцу, пока только вождь Слохан и я остались сидеть. Мой отец присоединился к ним в конце, и снаружи вигвама слышались голоса женщин (), которые пытались подхватить и повторить песню (). Это было мучительно слышать. Каждое сердце разрывалось от тоски и печали.

Вдруг голова Медведя начала сильно качаться из стороны в сторону; казалось, что она вот-вот вырвется из своего места. Его глаза застыли в ужасном взгляде, а рот застыл в ужасном раскрытии. Затем он встряхнулся и упал лицом вниз рядом с костром.

Остальные танцевали еще некоторое время, затем сели и стали ждать возвращения духа своего жреца. Орёл-Смотрящий всё ещё спал.

Сидящий Бык сидел молча, серьезно и медленно куря, но его рука дрожала. Было очевидно, что он тоже хотел верить в танец, но не мог. Мои собственные нервы дрожали от волнения, и я с затаенным дыханием ждал пробуждения спящих.

Прошло много времени — казалось, что уже почти утро — когда Медведь снова начал шевелиться и тереть глаза, как будто проснулся ото сна. Он был очень спокоен, и его голос был мягким, когда он сказал: «Я был с Отцом. Он дал мне еще одно послание для Сидящего Быка. Вот оно: *«Все люди на юге танцуют мой танец. Пойдет ли вождь всех сиу за своим народом?»*»

Затем вождь сказал: «Когда мой сын» — он коснулся моей руки — «или один из моих верных воинов сможет отправиться в мир духов и вернуться, чтобы сказать мне, что это правда, тогда я, возможно, поверю. Если эта религия истинна, все другие поступки бессмысленны. Принесите мне доказательства. Мои уши открыты, мои глаза еще не помутнели. Если эти песни правдивы, то я больше не буду плакать. Если они неправдивы, то я хочу умереть. Давайте завтра устроим танец». И жестом он отпустил нас, но сам остался наедине с Глядящим Орлом, который все еще лежал неподвижно там, где упал.

XI

РАЗРУШЕНИЕ ТРУБЫ МИРА

Знание о танце распространилось как пламя по всему району Гранд-Ривер, и молодые и старые начали стекаться в лагерь Сидящего Быка- , жаждущие услышать больше, жаждущие попробовать. «Мы тоже хотим увидеть наших друзей, которые ушли перед нами, — говорили они. — Мы хотим услышать, что они говорят. Научите нас пути транса».

Я очень сильно ощущал влияние их мыслей, когда сидел среди них, но потом, когда я вернулся в агентство, это показалось мне самой дикой глупостью, и когда другие спрашивали меня об этом, я всегда отвечал: «Это просто глупость, не придавайте этому значения». Но мои слова не смогли остановить волну веры в это.

Хотя не было предпринято никаких особых усилий, чтобы скрыть этот факт от белых людей, прошло несколько дней, прежде чем агент узнал о Киккинге Беаре и его миссии. Этот агент, позвольте мне сказать, был хорошим человеком, но ревновал к своей власти, и когда он узнал, что вождь сам пригласил Киккинга Беара в резервацию, он рассердился и сказал: «Я не потерплю здесь никакой ерунды», и, позвав Кроу, лейтенанта полиции, сказал: «Кроу, сходи в дом Сидящего Быка и скажи ему, что эта история с Кикингом Беаром и Мессией должна прекратиться. Немедленно выгони Кикинга Беара из резервации!»

Я был очень встревожен этим приказом и с тревогой ждал, что скажет вождь. Я боялся его восстания.

На следующий день Кроу вернулся из Рок-Крик, как человек, идущий во сне. Он не смог дать агенту внятного объяснения ни о себе, ни о том, что он видел. «Он чудотворец, — повторял он, — я не смог его прогнать. Когда он взял меня за руку, я почувствовал себя слабым, как ребенок. Я видел танец, и когда он помахал пером, у меня закружилась голова, я упал на землю, и мои глаза повернулись внутрь».

Агент устался на него, как на сумасшедшего, затем повернулся ко мне и сказал: «Иапи, я хочу, чтобы ты спустился и посмотрел, что означает весь этот фокус-покус. Возьми с собой пару полицейских и убедись, что они отправят этого злоумышленника домой. И скажи Сидящему Быку, что я хочу его видеть. Скажи ему, что агент ожидает, что он уволит Киккинга Беара из резервации».

Я не сказал ему, что уже знал, что было сделано. Я чувствовал, что если кто-то и должен передать такое сообщение вождю, то лучше всего это сделать мне, потому что он был не в настроении, чтобы его упрекали, как мальчика. Я не взял с собой полицейских, а уехал один, полный сомнений.

Едва я миновал форт, как пожалел, что согласился на эту миссию. В конце концов, я был Ункапаппа и уважал своего вождя. Всякий раз, когда я входил в тень вигвама, я переставал быть чужим; я сливался со своим племенем. Мне нравились торжественность и порядок в шатре моего вождя, а звуки женских песен растапливали мне кости. Я не был белым, я был красным. Освоение языка завоевателей не изменило моего сердца.

По всем этим причинам я понял, что меня отправили на бесчестную миссию. Мне было невозможно произнести слова агента. Когда я встретил своего старого товарища по играм, Кружащего Грома, и узнал, что многие танцуют, мое лицо застыло. Я надеялся поговорить с вождем наедине.

«Ты веришь в это?» — спросил я.

Мой друг покачал головой. «Не знаю. Многие утверждают, что побывали в мире духов, и, как говорят, Смотрящий Орел принес оттуда горсть пеммикана. Там было много бизонов, и люди были очень счастливы».

«Откуда ты знаешь, что это был пеммикан?»

«Я попробовал».

«Может, это была просто говядина».

«Возможно, — сказал он, но его глаза все еще были затуманены мечтами.

Многие из тех, кого я встречал, находились в таком же состоянии сомнения. Они хотели убедиться. Было так приятно мечтать о мире старых времен, и все же они не могли в это поверить. Они находились слишком близко к суровой реальности голода и холода, и все же мой народ — народ провидцев. Для них сон еще не утратил своего чудесного предзнаменования. В трудные времена они поднимаются на холмы и ждут видения, которое наставит и утешит их.

В молодости я разделял эти верования. У меня были дни поста и молитвы; да, я тоже входил в сон, который открывает тайны. Я встречался и разговаривал с птицами и животными, и однажды я почувствовал, как рука моей умершей матери погладила меня по волосам. Я постился, пока не смог ходить среди расписных вигвамов духовного мира, и я смотрел на черные стада бизонов.

Мое обучение у ученых дало мне новое понимание этих явлений, но я не мог передать свои знания своему народу. Моя мудрость считалась чуждой и поэтому недостойной доверия. Какой смысл было спорить с ними, когда они были в ярости?

Был яркий октябрь, очень теплый и туманный, и наша жестокая, вероломная земля была лениво прекрасна. Небо было без облаков — беловато-голубое — и равнина, покрытая желтоватой короткой травой на возвышенностях и пурпурными и золотыми одеждами синего сустава () в ложбинах, казалась поднимающейся со всех сторон, как гигантская чаша. Копыта моей лошади барабанили по сухой дернине, когда я мчался вперед.

Это неумолимая земля — земля, на которой человек должен быть свободен мигрировать, как жаворонки или бизоны. В старые времена мы никогда не думали о том, чтобы жить на этих высоких, продуваемых ветром просторах. Они были для нас просто охотничьими угодьями. Наши зимние лагеря всегда располагались у реки, за глубокими берегами, под сенью дубов и тополей. В те дни равнина казалась менее суровой, чем сейчас, когда мы вынуждены пересекать ее в любую погоду, плохо одетые. Во времена бизонов мы сами выбирали время и место для миграции; теперь же мы были прикованы к одному месту, как прикованные цепями койоты.

Когда я поднялся на холм, с которого открывался вид на лесистую равнину, я увидел множество вигвамов, расположенных вокруг хижины вождя, и понял, что танцы продолжаются. Время от времени до меня доносился крик, слабо пульсирующий в туманном воздухе. Возможно, именно так белые рыбаки Галилеи собирались вместе, чтобы приветствовать приход своего Мессии. Был ли этот Спаситель Запада более невероятным, чем Христос?

Я размышлял об этом, медленно спускаясь с холма. А что, если все это правда? Белый человек, который утверждает, что знает все, верит в свою Библию, а его Библия полна чудес.

Вскоре я услышал песню. Это была та же печальная песня, которую я слышал в вигваме вождя. Она резко контрастировала с солнечной землей и ласковым ветром и пронзила мое сердце, как плач скорбящей женщины. Вскоре я подошел достаточно близко, чтобы расслышать тоскливые слова. Это была мольба:

«Отче наш, мы идем.

Мы приходим к Тебе со слезами.

Помилуй нас, о Отец.

Мы бедны и слабы,

Без тебя мы ничего не можем.

Помоги нам, о Отец.

Помоги нам увидеть старый мир,

Счастливые охотничьи угодья буйволов,

Славную землю нашего детства.

Услышь нас, Великий Дух».

Они танцевали большим кругом, около шестидесяти мужчин и женщин, переплетая руки и смотря в землю. Каждый танцор был одет в простую рубашку из оленьей кожи без украшений. Никто не носил никакого оружия. Они сознательно ушли далеко от белых

людей, отбросив все, к чему прикоснулась их разрушительная рука. На голове каждого (даже у женщин) развевалось орлиное перо, священное перо, и все были раскрашены красной краской, которую принес с собой Мато — он называл ее священной краской. Вокруг них было много других, которые наблюдали, а тут и там на земле лежали те, кто был в трансе.

Как только я подошел, песня закончилась, и Мато, стоявший в кругу, поднял в руке странную палочку и воскликнул, как священник: «Думайте только о том, что вы хотите увидеть во сне, и это будет вам дано. Старые станут молодыми, а больные выздоровеют. Отбросьте всю злобу и ненависть и обратите свои мысли к Мессии на западе, который слушает всех своих детей».

Затем кто-то запел другую песню, и они снова начали танцевать. Я поискал вождя и увидел его сидящим в тени небольшого дерева рядом с кругом танцоров. Мой отец, Слехан, Слехан (), Кружащийся Ястреб (Circling Hawk) и еще один человек, которого я не помню, сидели с ним. Все они были очень серьезны и сосредоточены. Они почти не заметили меня, и моя задача стала тяжелой и сложной.

Я помахал отцу, и он вышел, и я сказал: «Я из агентства. Я голоден, как и моя лошадь».

Он послал мальчика с моим пони и отвел меня в свой типи неподалеку, где я молча съел хлеб и мясо. Когда я закончил, я начал: «Отец, я пришел, чтобы остановить танец и убрать священника».

Мой отец выглядел обеспокоенным. «Ты пришел от агента?»

«Да, он слышал о танце и получил приказ остановить его».

«Сын мой, все это плохо. Это причиняет боль моему сердцу. Не говори сейчас с вождем. Подожди до вечера, когда он устанет. Агент не прав. В этом танце нет ничего плохого. Разве Мессия не сказал: *«Не бейте никого; оставьте все наказания Великому Духу»*? Вернись и скажи агенту, что в этом нет ничего плохого».

Я не слушал внимательно, потому что песня снаружи с каждой минутой становилась все более дикой и печальной. Теперь они танцевали очень быстро, и земля, голая и очень сухая, была вытоптана в пыль, мелкую как мука, и она поднималась из-под их ног, как дым, наполовину скрывая тех, кто находился с подветренной стороны. Все пели жалобную песню-мольбу. Особенно пронзили меня женские голоса с их отчаянной мольбой. Эта песня заставляла меня содрогаться — голоса умирающего народа, взывающего о жизни и молящего о возвращении счастливого прошлого. Я не мог понять, как белые люди могли слушать это и не смягчиться.

Вождь пристально смотрел на круг. Он казался застывшим в ожидании, его лицо было глубоко изрезанным и очень печальным. Сидя так, он выглядел как семидесятилетний старик. Было очевидно, что он еще не позволял себе поверить в это послание. Он тоже чувствовал боль и усталость мира, но все же не мог присоединиться к песне. Его ум был слишком ясным и сильным, чтобы легко запутаться.

Интерес теперь был очень велик. Волны возбуждения, казалось, пробегали по кругу и по тем, кто наблюдал. Крики смешивались с пением. Главная песня, которую они повторяли бесконечно, была обещанием Мессии о вечной жизни:

«Вот приходит Отец,

Вот идет Отец,

Говоря, как он летит.

Призывая, как он приходит, это радостное слово,

«Вы будете жить снова», — зовет он,

«Ты будешь жить за пределами могилы»,

Он зовет, приходя».

Многие не пели; они только звали на помощь, умоляя показать им тех, кто умер. «О, услышь меня! Великий Дух, позволь мне увидеть моего малыша — моего мальчика; позволь мне услышать его голос», — умоляла одна женщина, и ее голос потряс меня так, что мои волосы зашевелились, как будто мимо прошел дух.

Лица некоторых женщин были искажены горем, и их охватило нервное возбуждение, которое они не могли контролировать. Когда они одна за другой начинали проявлять это напряжение, Мато и его помощники подходили к ним, махая перед их глазами перьями на палках и произнося хриплое, монотонное и быстрое заклинание: «Ха-ха-ха-ха-ха-ха!», пока обезумевшая, судорожно дергающаяся и бредящая женщина не падала в круг и не лежала неподвижно на земле.

Но круг не останавливался. Падение каждого нового участника, казалось, придавало песне новую силу, потому что каждый надеялся стать следующим пораженным. Внезапно Шато, отпустив руки тех, кто танцевал рядом с ним, поднял руки к небу с жестом, как будто хотел вырвать солнце из его места. Было страшно смотреть на его сжатые пальцы. Он оставался в таком положении, жесткий, как железо, но стоял на ногах твердо, как дуб. Никто не трогал его; напротив, все старались не беспокоить тех, кто находился в трансе. Другой мужчина стоял в стороне, отталкивая танцоров, чтобы они не наступили на его жену, которая, страдая от какой-то изнурительной болезни, присоединилась к кругу, ища исцеления у Великого Духа.

Когда я смотрел на это, мое сердце сжималось. Мне казалось, что я смотрю на фактическое распад — агонию смерти — моей расы. Мои знания в этот момент были бесполезны. Я дрожал, как тростник в порыве этой первобытной страсти. Было ли это безумие или какая-то необъяснимая божественная сила, способная в самом деле объединить живых и мертвых в одном судорожном, восторженном союзе?

Меня охватило мгновенное чувство веры. Разве не лучше было положить конец всему, умереть и отправиться со всем моим народом на счастливые охотничьи угодья! Мир белых людей — что это было, как не мир забот и печали?

Песни продолжались, но становились тише. Несколько из тех, кто пел громче всех, теперь лежали безмолвные в пыли. Те, кто кружился и пел, были более зоркими и спокойными. Это были те, кто мыслил, и они не могли впасть в транс. Я начал понимать, что те, кто погрузился в сон, были не самые умные, а самые эмоциональные мужчины и женщины моего племени, те, кто был ослаблен потерей близких.

Песня больше не была криком — в ней были красивые слова. Она стала более радостной:

«Видишь ли ты, как приближается мир?

Новый, более спокойный мир близок.

Орел приносит весть нашему племени.

Так говорит Отец.

Они приходят, покрывая всю равнину,

Буйволы, лоси и олени.

Ворона принесла весть племени.

Так говорит Отец,

Так он дает нам радость».

В конце этой песни, повторенной четыре раза, танцоры разжали руки и сели на землю. Когда они это сделали, вождь встал, вошел в круг и сел рядом с Мато, который поднялся, поднял руки на запад, снова помолился в тишине, а затем сказал:

«Друзья мои, вы видите, что слова Мессии — это истинные слова. Многие спят. Они скоро вернутся и расскажут нам о своем добром путешествии в мир духов. С тех пор, как Мессия говорил со мной, я думал о том, что он сказал, и вижу в этом только добро. Это прекрасная религия. Религия белых людей не для нас. Ее слова все странные. Она рассказывает о неизвестных животных и далеких странах. Мы не понимаем имен вождей, но эту новую религию все могут понять. Она полна знакомых слов. Она для нас. Наш Мессия сказал нам, что все наши умершие вернутся на землю, и поскольку земля слишком мала для такой толпы, он должен удалить белых людей. Он также снимет небо, чтобы сделать мир шире, и тогда все краснокожие люди смогут жить вместе в дружбе. Не будет больше войн, только охота, пиры и игры. Этот хороший мир придет к нам, если мы будем делать то, что он велит».

В этот момент Чейзинг Хоук, который выполнял роль привратника, привел в круг женщину, только что пробудившуюся от транса. Ее лицо сияло от счастья, но язык был тяжелым, и она едва могла говорить. Вождь внимательно слушал ее.

«Что ты видела?» — спросил Мато.

«Я видела своего малыша», — ответила она.

«Где он был? Что он делал?»

«Он играл в траве, в прекрасной стране. Моя бабушка была рядом и готовила для него еду».

Мато громко повторил ее ответы всем, кто слушал, и все собрались поближе, чтобы услышать о славе земли, из которой вернулся ее дух. Крики радости раздались в быстром эхо криков жреца, но лицо вождя оставалось серьезным и задумчивым.

Когда эту женщину уводили, в круг вошел другой сновидец, Орлодержатель, который не нуждался в крикуне. Он был гордым оратором. Протянув руку в жесте ликования, он воскликнул:

«Во сне я увидел огромного орла, летевшего ко мне. Он мчался со скоростью ветра, шум его крыльев был подобен буре, его глаза были красными, как луна в сумерках. Когда он приблизился, я схватил его за шею, и он унес меня прочь». Раздались крики удивления. «Он унес меня высоко в небо и на восток; ветер завывал у меня в ушах (), и какое-то время я ничего не видел; все было в тумане. Наконец он начал кружить, я отвернулся и увидел новую землю Мессии». («Ха! Ха!» — воскликнули люди.) «Это была прерия» (женщины начали петь), «где паслись бесчисленные стада бизонов» («Ах! Ах!») «и озера, над которыми плавали большие белые птицы. На берегу озера стоял круг из вигвамов, сделанных из кож, отбеленных глиной, они были очень большие, чистые и новые. Охотничья группа как раз выезжала; они были очень счастливы и пели, пока ехали».

Он внезапно замолчал, а женщины восторженно завывали. Наконец он продолжил: «Затем орел вошел в облако, и я больше ничего не видел. Я проснулся и обнаружил себя здесь, на земле».

Эта история, хотя и была великолепно рассказана, произвела на слушателей меньшее впечатление, чем сияющее, восторженное лицо матери, которая видела своего духовного ребенка. Ее медленная, мечтательная речь была более красноречива, чем яркие жесты и мелодичный голос Орла-Держателя.

Один за другим просыпались остальные и рассказывали о встрече с друзьями и посещении старых мест. Некоторые рассказывали о людях, которых никогда не встречали при жизни, и подробно описывали хижины, в которые никогда не входили. Эти истории вызывали дикие крики удивления и радости. Было очевидно, что многие поверили. Я не видел своих людей такими счастливыми с детства, до битвы при Биг-Хорн.

Наконец, когда все высказались, они встали, взяли за руки и снова запели; затем вождь поднялся и вышел из круга, а я, перехватив его, сказал: «Вождь, я принес тебе весть». Он сделал жест, означающий «следуй за мной», и я сопровождал его до его вигвама, который он любил за его связь с былыми днями и в который он ходил для медитации и совещаний.

Было бы неправильно, если бы я не признался, что знал, что вождь мне не доверяет, потому что это было так. После того как я занял должность под началом агента, он стал менее свободно высказывать мне свои мысли, и это меня огорчало. Мой отец увидел, как мы уходим, и присоединился к нам, и я был рад его присутствию. Его доброе старое лицо помогло мне начать разговор.

Вождь сел в задней части хижины и сказал: «Говори. Я слушаю».

«Сир, — сказал я, — агент слышал плохие отзывы об этом танце в других резервациях, и несколько дней назад он послал сюда полицейских, чтобы запретить его. Теперь он слышит, что он все еще продолжается, и послал меня сказать, что Мато, посланник, должен уйти, а танец должен прекратиться».

Я видел, как вены на его шее наполнялись горячей кровью, пока он слушал, и когда я закончил, он сказал: «Мы что, собаки, которых можно заставить замолчать пинками? Скажи агенту, что белые люди избили нас и лишили нас всего хорошего, но они не заберут у нас нашу религию. Я не буду подчиняться этому приказу! Я сказал!»

Здесь мой отец прервал меня, сказав: «Ты сам сказал мне, что видел среди белых людей такие же сны. Почему они пытаются нам помешать? Ты читал нам священную Большую Книгу белых людей и говоришь, что она полна лекарственных снов. Почему мы не должны тоже видеть сны?»

Тогда я ответил: «Я не приказываю вам это. Это говорит агент. Не вините меня».

Вождь, который уже успокоился, тихо вставил: «Сын мой, ты прав. Мы не должны винить тебя, а того, кто послал тебя. Поэтому я говорю: передай агенту следующие слова: *«Я не откажусь от танца»*».

В надежде убедить его, я спросил: «Ты веришь в танец?»

«Я не знаю», — ответил он. «Я наблюдаю, я слушаю. Это похоже на религию белых людей — очень удивительную и очень трудную для веры. Я хочу попробовать и посмотреть. Белые люди очень мудры, но их проповедники говорят, что солнце остановилось для Иисуса Навина, а Христос, их великий знахарь, исцелял хромых и воскрешал мертвых».

«Но это было давно», — поспешил я сказать.

«Если такие чудеса происходили тогда, они могут произойти и сейчас», — ответил он. Затем он страстно воскликнул: «Я хочу эту новую землю. Мой народ в отчаянии, их сердца полностью опустошены. Нам нужна помощь. Мои воины скоро станут похожими на китайца в форте, годными только для мытья оконных стекол. Наши продовольственные пайки сокращаются. Чего же нам ждать? Ничего. Я видел на востоке много бедных людей. Они очень тяжело работали и носили рваную одежду. Все они были не богаты и не счастливы. Среди белых людей мой народ будет просто еще одними бедными людьми, рваными и голодными, ползающими по земле и питающимися объедками, как голодные псы. Я боюсь за них, поэтому я внимательно слушаю слова этой новой религии, которая уверяет меня, что старый мир — мир моих отцов — вернется. Ты говоришь, что агент недоволен. Есть ли что-нибудь, что я могу сделать, чтобы не вызвать его недовольство? У белых людей есть своя религия — они молятся и поют. Почему мы не можем петь, если у нас есть душа для этого? Иди к и спроси его, боится ли он, что Мессия действительно пришел и что белые люди будут сметены.

«Он думает, что это военный танец, — сказал я. — Он боится, что это вызовет конфликт».

«Иди и расскажи ему, что ты видел. Скажи ему, что это мирный танец. Здесь нет оружия, нет разговоров о борьбе. Это магическая молитва. Мато говорит, что те, кто лежат там, находятся с духами. Ты слышал, как они рассказывали о том, что видели. Если эти рассказы правдивы и если бы мы все могли быть такими, как они, то мир белых людей действительно исчез бы, как дым, и снова появились бы пастбища буйволов. Это странно — я знаю — но в религию белых людей тоже очень трудно поверить. Священник расскажет вам такие же чудесные истории, как и проповедник. Их Мессия родился в хлеву среди скота, а наш появился среди гор. Их Христос воскрес из мертвых. Так же как и наш. Их Христос пришел к бедным людям, так они говорят. Неужели мы настолько презираемы Богом, что не можем иметь своего Мессию? Я не говорю, что все это правда, я только хочу проверить и увидеть».

Я видел, что его ясный ум не мог принять новую религию, но его сердце глубоко желало этого. Однажды он сказал: «Я не понимаю вашего Христа и его учение. Мне нужно время, чтобы подумать; я не позволю себя подтолкнуть к этому», и так как он часто упрекал свой народ за то, что тот соглашался со всем, что говорил белый человек, то теперь он был столь же осторожен, только он был старше и испытывал более глубокое желание получить утешение.

Моя задача была выполнена только наполовину, и я сказал: «Вождь, агент просил меня передать вам: «Уберите Мато». Прошу вас пойти со мной, встретиться с агентом и объяснить ему значение танца, и тогда, возможно, он не будет настаивать на этом недружелюбном требовании».

Лицо вождя стало очень суровым. «Агент — собака! Он оскорбляет меня. Я не буду с ним встречаться! Если он хочет поговорить со мной, пусть придет сюда. Я жду».

Отец дал мне знак уйти, и я ушел. Я слышал, как они разговаривали тихими голосами, но не мог понять, о чем они говорили. Наконец отец позвал меня, и я снова вошел.

Вождь выглядел менее суровым и сказал мне: «Хорошо, Мато пойдет сегодня ночью».

«Хорошо», — сказал я. «Сегодня в десять часов вечера Бык-Голова и я придем, чтобы переправить их через реку».

Мы с отцом вышли и оставили его сидеть одного.

Когда я вернулся в десять часов с Бычьей Головой, хижина вождя была полна людей. Женщины плакали, а мужчины были мрачны. Когда я вошел в вигвам, Мато как раз говорил. Вождь сидел, куря, и смотрел в пол. Жрец говорил:

«Вы видите, как обстоят дела! Красный человек не может ничего скрыть от белого человека, который завидует даже нашей религии. Вашингтон лишит нас наших мечтаний. Агент — это волк. Тем не менее, я уйду, потому что моя миссия здесь выполнена. Я передал вам слова Отца; я научил вас обрядам. Отныне вы можете сами проверить истинность *этих* слов». Затем шесть посланников Мессии, стоя прямо и выстроившись в линию, подняли ладони своих рук на запад и помолились в тишине. Чуть позже они начали петь эту песню:

«Дети мои, идите по этой дороге,

Мои дети, идите этим путем,

Говорит наш Спаситель.

Это хорошая дорога,

Говорит Отец;

Она ведет к радостным землям,

Говорит Отец».

Пока они пели, люди начали кричать: «Останься и расскажи нам больше», но Мато вывел всех из хижины.

Когда я стоял у двери, готовый последовать за ним, вождь встал на ноги, и его взгляд заставил замолчать всех, кто его увидел; он был свирепым, но в то же время возвышенным. Держа в вытянутых руках свою трубку, любимую трубку, которую он носил с тех пор, как стал вождем, он сказал: «Здесь я ломаю свою трубку мира. Если эта религия истинна, то больше не будет войн. Если она не истинна, то я хочу умереть, как умирает воин, сражаясь!» Жестом он сломал трубку на куски. Все люди закричали, и с сердцем, охваченным страхом, я вышел в ночь.

Началась последняя война моего вождя с белыми захватчиками.

XII

ВОЖДЬ ПРЕДЛАГАЕТ ИСПЫТАНИЕ

Тем временем танцы продолжались не только среди всех сиу, но и среди народов шайеннов, арапахо и шошонов, и поселенцы многих штатов были сильно встревожены. Они делали вид, что верят в воинственный характер церемонии. Они ничего не знали о песнях и молитвах. Ковбои, пьяные и жаждущие немного развлечений, ворвались в приграничные города с криками: «Су идут на войну!» И целые поселения, охваченные паническим страхом, бежали на восток, громко призывая правительство послать войска. «Остановите это восстание», — стало требованием.

Все это давление и волнение ухудшили наше положение. Те, кто верил, говорили: «Видите, как обстоят дела, белые люди боятся нашей религии, они пытаются помешать приходу нового мира»; а те безрассудные, кто был готов сражаться, кричали: «Готовьтесь. Давайте воюем!»

На агента в Стэндинг-Рок посыпались письма и телеграммы с просьбой дать правдивое объяснение ситуации. На все они он отвечал: «Опасности нет, эти индейцы миролюбивы», но в своих ответах он не упустил случая опорочить моего вождя.

В этом он переборщил, потому что, назвав Сидящего Быка человеком без силы, лжецом и трусом, он стал неразумным. Бояться такого маленького и подлого человека было по-детски. Он также неверно описал религию танца. Он насмеялся над моим отцом и другими, называя их «индейцами, недавно ставшими знахарями», и закончил словами: «Сидящий Бык поднимает восстание среди своего народа». Забыв все благоприятные отзывы, которые он много раз давал о моем вожде, он ложно заявил: «Сидящий Бык был дестабилизирующим фактором с момента своего возвращения в 1883 году».

Что мог знать такой человек о отчаянии, в которое впал мой народ? Он был жесток, невообразим и ревниво относился к своей власти. Он также был фанатиком, и любому, кто не является поэтом или философом, трудно быть справедливым по отношению к людям, имеющим иное мировоззрение. Расовая ненависть и религиозные предрассудки стоят как стены между краснокожими и белыми. Су не могут понять священника, а священник не терпит су. Наш агент стал злым, высокомерным и неразумным. Он чувствовал, что его правительство подвергается сомнению. Его гордость была уязвлена.

В течение нескольких дней после того, как я сообщил об отъезде Мато, все было тихо, и агент полагал, что, что касается его подопечных, буря улеглась. Он только беспокоился о том, чтобы Сидящий Бык и его последователи не узнали, насколько сильно их танцы всколыхнули поселения. Тем не менее, вождь знал об этом, и это помогло ему сохранить веру в магию, которую он испытывал. Он не упомянул о том, что сломал свою трубку мира, но отказался отказаться от танца.

Своему другу, учителю Джону Кариньяну, он сказал: «Агент жалуется, что я кормлю своим скотом тех, кто приходит танцевать. Какая разница? Если бизоны вернутся, они мне не понадобятся. Если новая религия — ложь, то я не хочу заниматься скотоводством. Великий Дух послал мне сообщение. Он сказал: *«Если ты хочешь жить, присоединяйся к танцу, который я дал»*. Я еще не могу сказать, правда ли это сообщение. Я ищу доказательства».

В противовес горьким словам агента я приведу слова Джона Кариньяна, который держал школу недалеко от дома Сидящего Быка. Этот человек говорит на нашем языке. «Я хорошо знал вождя, — сказал он, — и не видел в нем ничего плохого. Он был индейцем, но я не могу винить его за это».

В этот трудный период мой вождь часто навещал учителя своих детей. Джек был единственным белым человеком, с которым он мог свободно разговаривать, и вместе они спорили о новой религии. Джек любил моего вождя и однажды сказал мне об этом, когда мы обсуждали отношение агента к танцу. «Вождь часто приходил обедать с моей семьей и всегда вел себя с достоинством и честью. Я всегда находил его внимательным и скромным».

«Наша религия кажется вам глупой, но ваша религия кажется глупой мне», — сказал мой вождь. «У баптистов, методистов, пресвитериан и католиков у всех разные Боги. Почему мы не можем иметь своего собственного? Почему агент хочет отнять у нас нашу религию? Моя раса умирает. Наш Бог скоро умрет вместе с нами. Если эта новая религия неправдива, то какая разница? Я не знаю, во что верить. Если бы я мог видеть сны, как другие, и сам посещать мир духов, то мне было бы легко верить, но транс ко мне не приходит. Он проходит мимо меня. Я помогаю другим видеть их умерших, но мне самому не помогают».

«Именно так», — ответил учитель. «Посмотрите, какие люди впадают в транс. Ваши сильные, ясномыслящие люди не верят».

«Это правда», — признал вождь, — «но я надеюсь, что некоторые из моих старейшин все же смогут впасть в транс. Возможно, мы просто не знаем, как подготовиться к этому».

Под этим он подразумевал, что они не научились гипнотизировать, потому что именно этим стал этот танец. Это было похоже на собрание спиритуалистов, которые сидят в ожидании видений. Это было похоже на собрания возрожденных свободных методистов или старинных шейкеров или квакеров. Мой друг Дэвис написал мне длинное письмо, в котором сказал: «Это глупо, как ты и говоришь, но, на мой взгляд, не более абсурдно, чем десятки других форм религиозного экстаза. Мой совет — пусть все идет своим чередом, это само собой пройдет. Движения такого рода растут благодаря противодействию».

Все, что он сказал, было правдой, но, как и вождь, я не мог не надеяться, что что-то произойдет, потому что, когда они пели свои песни, это согревало мое сердце и делало мое образование малозначимым. Раскрашенные стрелы, развевающиеся перья, символические фигуры — каждая мелочь привлекала меня. Когда они поднимали в воздух дрожащие ладони и зывали к Мессии на западе, я с трудом сдерживал себя, чтобы не присоединиться к их молитве. Это может показаться странным, но это правда, и вы никогда не поймете этот последний отчаянный крик моего народа, если я не расскажу вам правду.

Мы верили в то, кем мы были. Мы гордились своей расой. Мы исполняли свое предназначение как охотники и свободные люди. Думаете ли вы, что за десять лет вы сможете заставить мой гордый народ склонить голову перед бичом ежедневной ненависти белого человека? Разве Великий Дух — неумеха? Разве он рисует фигуру на земле, только чтобы стереть ее, как ребенок пишет на доске?

«Почему нас так притесняют и унижают? Должно быть, мы разгневали Великого Духа. Мы должны вернуться к тому месту, где находится наш старый след», — так рассуждал мой отец.

Грань, разделяющая таинственное и обыденное, очень тонка в сознании моего народа. Вы этого не понимаете. Они берут патрон. Как это чудесно! Как он сделан? Нож — что придает его острию блеск и упругость? Травинка — что заставляет ее пробиваться из земли? Облака — куда они уходят, что они такое? К западу от нас находится страна воронов; а что за ней, кто знает? Вы должны поставить себя на место тех, кто так думает, прежде чем судить их строго. Многие из этих вещей я теперь понимаю, но я не знаю, почему люди рождаются и почему они умирают. Я не знаю, почему солнце дает жизнь траве.

Мой вождь понимал больше, чем большинство мужчин его племени, но для него мир был столь же загадочным, как и для меня. Изучение религий белых людей не приносило ему никакой пользы. Их было так много и они были настолько противоречивы, что он был сбит с толку. Он всегда был набожным человеком — тщательно соблюдал Танец Солнца и все обряды Ункапаппа. Он был серьезным человеком и никогда не делал ничего необдуманно. Он всегда просил Великого Духа о помощи, но никогда не был шаманом, как говорят белые люди. Он не стал им и во время этого танца. Он помогал гипнотизировать танцоров, но так же поступали и другие; это не означало, что они были жрецами или шаманами — это означало только то, что они обладали способностью вызывать трансы.

Это было время великого смятения, вопросов и сомнений. Никто не думал о настоящем; все мечтали о прошлом, надеясь вернуть его. Будущее было черным хаосом, если только Великий Дух не восстановит их мир бизонов.

Танец продолжался с постоянно растущим волнением. Осень оставалась очень мягкой и благоприятной для церемонии, и все же в ней участвовало меньше людей, чем предполагал агент. Наиболее активными по-прежнему были скорбящие. Те, кто потерял детей, стекались

на танец, как белые люди ходят на спиритические сеансы, в надежде прикоснуться к рукам своих малышей и услышать голоса своих дочерей. Они искренне верили, что встретят своих умерших, и глубоко возмущались жестоким приказом агента, который не давал им возможности совершить это сладкое воссоединение.

Было очень трогательно смотреть на их счастливые лица, когда они стояли и пронзительными голосами кричали: «Я видел своего ребенка — своего маленького сына. Он играл со своим маленьким луком и стрелами. Я позвал его, и он побежал ко мне. Он был очень счастлив со своим дедушкой. Солнце светило на цветы, и никто не был голоден. Мой мальчик держался за мою руку. Я не хотел возвращаться. О, научите меня, как туда снова попасть!»

Я думаю, что тех, кто верил в приход нового мира буйволов, в то, что белые люди будут сметены, было немного, но сотни считали возможным отправиться в страну духов и увидеть тех, кто умер, и они, как и мой вождь, возмущались вмешательством правительства. В мире не осталось ничего ценного, кроме этого, и они использовали горькие слова, когда им приказали отбросить эту утешительную веру. «Почему у нас отнимают наши духовные собрания?» — спрашивали они меня.

Несмотря на ветер, пыль и палящее октябрьское солнце, над лагерем висела завеса таинственной страсти. Детей забрали из школы, чтобы они могли участвовать в богослужении. Ни о чем другом не говорили. Днем, пока старые вожди совещались, женщины собирались вместе и рассказывали о своих переживаниях. Среди тех, кто принимал в этом участие, были обманщики и многие самообманщики, но в большинстве своем они были смертельно серьезны; ликование на их лицах было неподдельным. Они жили в облаке радостных воспоминаний, не заботясь и не думая о приказах Великого Отца. Их одолевала одна-единственная мысль: «Как вернуть исчезнувший мир отцов?»

В офисе агента царил совершенно другой мир. Там правили ненависть и циничная грубость. Переход от танца к агенту был для меня горьким опытом. Я был вынужден обманывать. Никто не осмеливался говорить о танце, кроме как со смехом или недоверием. Все предатели, нанятые правительством, присоединились к насмешкам и рассказывали пошлые истории о вожде и церемониях. Они не могли понять, что это значило. Что касается меня, я мало говорил, но предвидел беду для своего народа и горе для себя.

Главный клерк ненавидел меня и всех индейцев. Он был очень способным человеком, но сварливым и угрюмым по отношению ко всем, кто ему не нравился. У него не было детей, жены и веры. Его голос был как рычание, а лицо — как холодный ветер. Он никогда не разговаривал с индейцами, не проклиная их. Агент был не таким, но он был фанатиком, нетерпеливым к старому, стремящимся прославиться для себя и своего поста. Верный идеалам белого человека, он был бесчувственным, жестким и материалистичным в отношении традиционных предрассудков моей расы.

Он послал за Джеком, учителем, и попросил его прийти и поговорить с ним. «Расскажи мне все об этом, — сказал он, — что это значит?»

В ответ Джек сказал серьезно: «Они очень серьезно относятся к своей новой религии, но они миролюбивы. Вчера Сидящий Бык долго разговаривал со мной, и мне было трудно опровергнуть его аргументы, основанные на чудесах из Библии. Танцорам велено отложить в сторону все, что создал белый человек, и сосредоточиться на том, что они хотят увидеть больше всего. Они впадают в транс и лежат так часами. Когда просыпаются, они очень счастливы. Они приходят и рассказывают мне свои сны, и некоторые из них очень красивые.

Мой совет — оставить их в покое. Это увлечение, подобное старомодному методистскому возрождению. Оно угаснет с наступлением зимы».

Это свидетельство человека, который понимал наш язык и ежедневно общался с племенем Сидящего Быка, побудило агента принять более спокойные меры. Он решил дожидаться, пока ажиотаж уляжется.

К сожалению, длинное письмо, которое он написал в Вашингтон о «мессианском увлечении», попало в руки репортеров, и ежедневные газеты « » мгновенно заполнились черными заголовками, в которых приводились глупые и ложные сообщения о том, что происходило. Писатели поспешили в Стэндинг-Рок и отправили телеграммы с тревожными сообщениями о том, что они услышали, и все это отразилось неблагоприятно на танцорах.

Затем агент возложил вину на моего вождя. «Он реакционер, — сказал он, — он смутьянин и был им с самого начала. Он выступал против всех договоров и всегда настаивал на том, чтобы с ним обращались как с вождем», и во всех своих письмах и беседах он продолжал говорить о нем плохо.

Он послал сообщение через меня и Джека, говоря Сидящему Быку: «Приходи в агентство. Я хочу поговорить с тобой. Прекрати этот глупый танец и приезжай сюда, чтобы побыть некоторое время в лагере, где я смогу поговорить с тобой. Белые люди встревожены, и ты должен прекратить этот танец».

Вождь, озлобленный нападками агента, отказался ехать в Стэндинг-Рок. «Я не собака, на которую можно свистеть. Я не пойду к агенту, чтобы он меня оскорблял и бил», — и он созвал вокруг себя свою старую гвардию «Молчаливых едоков». «Агент угрожает посадить меня в тюрьму и разбить танец. Если он придет сражаться, он найдет нас готовыми».

С каждым днем отношения между агентством и его полицией, с одной стороны, и вождем и танцорами, с другой, становились все более тревожными, и агент был вынужден отправить множество телеграмм в Вашингтон и за пределы резервации, чтобы успокоить опасения поселенцев, и в конце концов он решил поехать в Рок-Крик и сам посмотреть, что там происходит. Ему следовало сделать это раньше.

Он попросил меня поехать с ним в качестве переводчика, и я согласился, но с большой неохотой, потому что это ставило меня слишком на его сторону.

Он планировал внезапно появиться на месте танца, и многие танцевали, когда мы подъехали к внешнему кругу хижин. Распространилась весть, что прибыл агент, но никто из-за этого не прекратил танцевать. Они были слишком увлечены, чтобы обращать внимание на какую-либо власть. Некоторые из тех, кого он окликнул, ответили ему презрительными словами, бросив вызов его приказу, и я, зная о страшной силе армии президента, задрожал, увидев, как потемнело лицо агента.

«Какая глупость!» — сказал он мне. «Это должно прекратиться! Иди и скажи Сидящему Быку, чтобы он пришел ко мне».

Я пошел к месту, где сидел вождь, и передал ему требование агента.

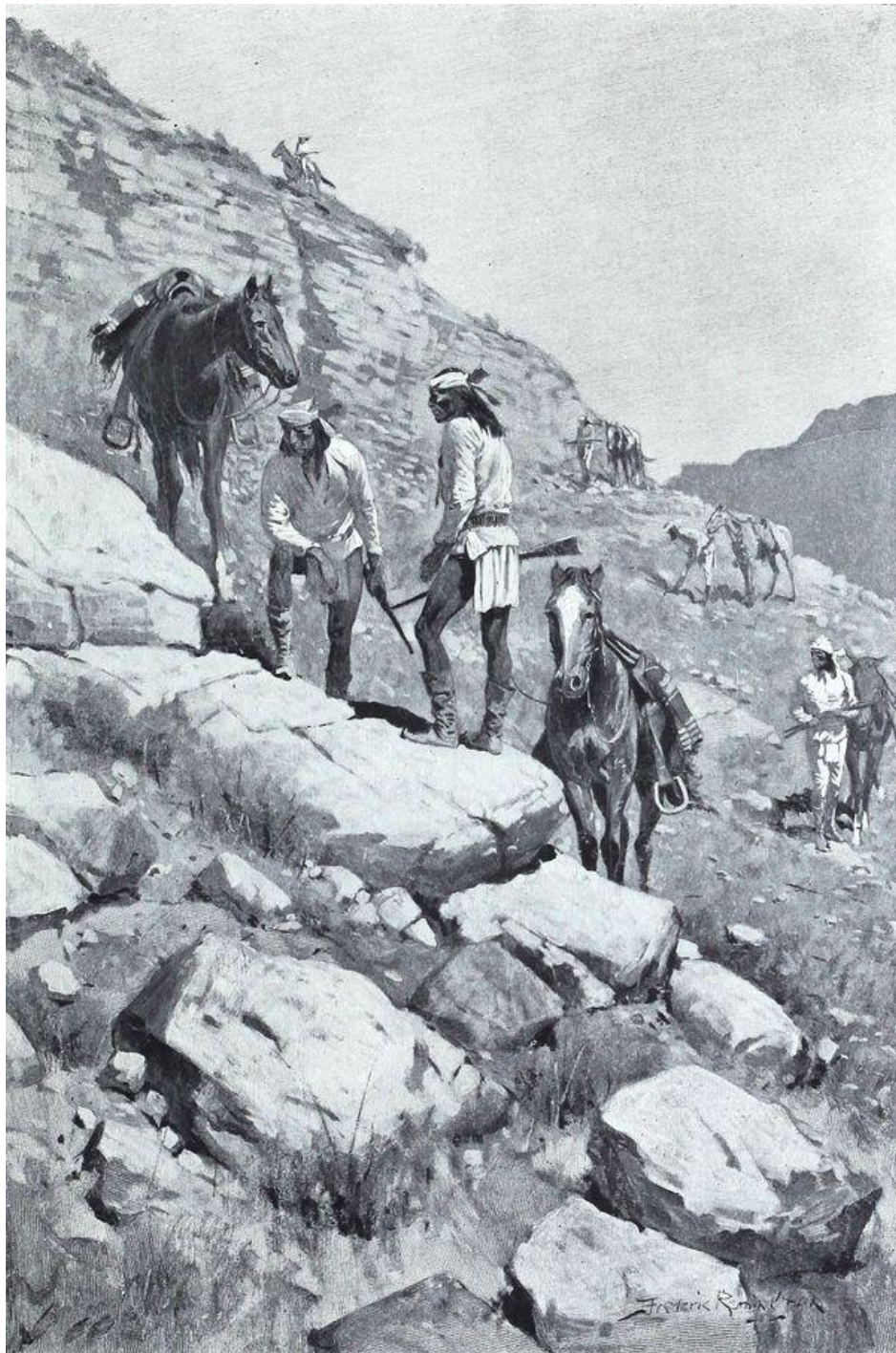
Я видел, что он ассоциировал меня с ренегатами, которые подлизывались к агенту, и слушал мои слова с холодным, суровым выражением лица. Я умолял его выполнить приказ. Я рассказал ему о ярости страха, охватившей поселенцев, и предупредил, что солдаты придут, чтобы прекратить танец.

На все это он не ответил ничего, кроме как: «Раз агент пришел ко мне, скажи ему, что я поговорю с ним утром. Сейчас я занят. Я не могу покинуть танцы».

Агент был в ярости, когда я передал ему это, и, когда мы ехали к школе, пробормотал угрозу: «Я заставлю его за это поплатиться, этот наглый старый пес». Мы застали учителя Кариньяна почти одного в школе. Сидящий Бык сказал: «Если эта религия истинна, то она важнее ваших книг», и велел своему народу забрать детей из школы. «Если мир белых людей подходит к концу, какой смысл учиться его обычаям?» — argumentował он.

Агент откровенно говорил с Кариньяном о вожде. «Его нужно унижить», — гневно заявил он. «Его власть должна быть сломлена. Я увижусь с ним утром и дам ему еще один шанс уйти мирно. Если он этого не сделает, я его арестую. Он поймет, что не может управлять этой резервацией».

На это Кариньян ответил: «Я не думаю, что он хочет создавать проблемы, но он глубоко заинтересован в этой новой религии. Я думаю, он поддастся разуму».

Разведчики

Эти индейские разведчики идут по следу апача чирикауа по имени Масаи, известного в девяностые годы как самый жестокий и свирепый из апачей. След Масаи был настолько извилистым, что даже сами индейцы не могли по нему идти.

Иллюстрация из книги «Извилистый след Масаи» Фредерика Ремингтона

Первоначально опубликовано в журнале HARPER'S MAGAZINE, январь 1898 г.

На

реке Литл-Бигхорн

Когда Чешапа, сын пожилого вождя племени кроу Поундед Мит, стал шаманом и стал претендовать на лидерство в племени, группа су пришла в гости к кроу. Опасаясь, что пир и красноречие Чешапы могут настроить их на войну, были отправлены войска, чтобы вернуть гостей домой. Су довольно покорливо отправились домой, но Чешапа с кричащей толпой своих молодых друзей начал кружить вокруг колонны, угрожая напасть на солдат, которые так грубо прервали их обед, и не прекращал даже тогда, когда солдаты переправились через реку. Тогда вождь полиции Кроу подъехал к Чешапе и приказал ему вернуться, но в ответ получил оскорбление, которое для индейцев означало кровную месть. Но если бы не старый вождь Поундед Мит, который подъехал к своему сыну и запугал его последним вспышкой власти, стрельба началась бы тут же.

Уже много говорилось о том, что военное министерство пошлет кого-нибудь, чтобы успокоить беспорядки, и агенту это не нравилось. Он был агентом по делам индейцев в течение многих лет и гордился тем, что знал, как обращаться со своим народом, и особенно стремился сохранить главную власть полностью в своих руках. Несмотря на то, что Сидящий Бык стал бедным и презираемым, даже агент считал за честь арестовать и посадить его в тюрьму. Кроме того, я видел, что он не хотел пытаться сделать это, кроме как в крайнем случае.

На следующее утро агент, Кариньян и я пошли навестить Сидящего Быка. Он был в своем вигваме, курил рядом с небольшим тлеющим костром. Он был очень холодный и тихий, выглядел уставшим и слабым. Его волосы были разделены посередине, а грустный взгляд его лица делал его похожим на старую женщину. Для меня он был лишь трагическим призраком своего прежнего я. Его глаза были тусклыми и тяжелыми. Сидя там, он был типичным представителем моей исчезающей расы, и мое сердце сжалось от жалости к нему.

Он поприветствовал нас тихим словом и пожал нам руки. Мы все сели в хижине. Немногие люди шевелились.

«Скажите вождю, что я пришел поговорить с ним об этом танце», — начал агент.

Я передал вождю, и он сказал: «Говори, я слушаю».

«Скажите ему, что я слышал, что он танцует этот глупый танец почти каждый день, утомляя свой народ, так что они пренебрегают своим скотом и забирают своих детей из школы. Скажите ему, что все люди возбуждаются. Поэтому Вашингтон говорит, что танец должен прекратиться!» — продолжил агент.

Я передал вождю эти слова. Его лицо не изменилось, но его глаза немного загорелись. «Белые люди боятся этой новой религии? Почему они хотят ее прекратить?» — презрительно спросил он в ответ.

«Скажите ему, что я не боюсь танца — я считаю его глупым, — но я не хочу, чтобы он тратил энергию людей. Он должен немедленно прекратить это!»

На это вождь ответил: «Я разумный человек и миротворец. Я не ищу неприятностей, но мой народ находит утешение в этом танце. Они потеряли многих дорогих людей, и в этом танце они снова видят их. Я еще не решил, правда это или нет, но мой народ верит в это, и я не вижу в этом ничего плохого». Здесь он на мгновение замолчал. «Я хочу сделать вам предложение», — сказал он твердо. «Эта новая религия пришла ко мне из резервации Брюле; они получили ее с запада. Мато и Киос утверждают, что видели Мессию. Давайте мы с вами вместе отправимся в путь, чтобы развеять эту историю о Мессии. Если, когда мы дойдем до последнего племени на земле, где зародилась эта история, они не смогут показать нам Мессию или дать нам удовлетворительные доказательства, то мы вернемся, и я скажу моему народу, что они были слишком доверчивы. Этот отчет положит конец танцу навсегда. Нельзя просто приказать моему народу прекратить танцевать; это убедит их, что танец — настоящая магия».

Вождь был очень серьезен в своем предложении. Он знал, что не сможет просто приказать прекратить танец, но если он отправится в это путешествие с агентом и проведет тщательное расследование, то по возвращении сможет говорить с авторитетом. Он сделал это предложение как один разумный человек другому, и если бы агент пошел ему навстречу или хотя бы позволил ему послать моего отца или Слохана, то, возможно, удалось бы предотвратить трагедию, но агент был слишком зол, чтобы вести переговоры. Его ответ был презрительным.

«Скажите ему, что я отказываюсь это рассматривать. Это так же безумно, как и танец. Это будет только пустая трата времени».

Я убеждал его согласиться, потому что в последующие месяцы ажиотаж уляжется, но он не слушал.

«Я не буду рассматривать это. Это было бы все равно что пытаться поймать ветер, который дул в прошлом году. Я не хочу здесь спорить. Скажи ему, чтобы он пришел завтра ко мне домой, и я дам ему ночь и день, чтобы он доказал мне, что он не глупый старик, гонящийся за блуждающим огоньком».

На это вождь ответил: «Разве чудеса бывают только в религии белых людей? Я слышал, что вы верите, что когда-то было великое наводнение и все люди утонули, кроме мужчины и женщины, которые взяли всех животных, самцов и самок, в большой пароход (). Когда это произошло? Откуда вы это знаете? Разве танец духов более глуп? Разве мой народ должен остаться без религии, потому что она не нравится белым людям?»

На это агент нетерпеливо ответил: «Я отказываюсь обсуждать это. У меня есть приказ прекратить танец, и этот приказ должен быть выполнен. Скажите ему, чтобы он пришел завтра в агентство, и мы там все обсудим. Сейчас я не могу этого сделать».

К моему удивлению, вождь мирно ответил: «Я приду. Мой народ малочислен и слаб, я не хочу создавать проблем. Давайте поговорим об этом с умом. Вы сейчас злитесь, а мой народ взволнован. Я приду, и мы спокойно поговорим».

Но лица старой гвардии были мрачны, и Черный Бык, который стоял рядом, воскликнул: «Оставьте нас в покое. Мы не откажемся от танца. Мы боимся. Отправьте койота прочь! Сидящий Бык боится?»

Это глубоко задело вождя, и он сказал: «Нет, не боюсь, но я не хочу неприятностей».

Мой отец заговорил и сказал: «Не уходи. Белый человек посадит тебя в тюрьму, если ты уйдешь».

Черный Бык снова закричал: «Белый человек — лжец! У него двойной язык. Он устроил ловушку. Вы хотите в нее попасть?»

Вождь повернулся ко мне. «Это правда? Они говорили о том, чтобы посадить меня в тюрьму?»

Я не мог это отрицать, и пока я сидел в молчании, подбирая слова, которые не раззадорили бы его, Поймать Медведя сказал: «Я слышал, что они планируют убить тебя. Не ходи в агентство».

Вождь теперь был убежден, что агент и я пришли, чтобы заманить его в ловушку. Он встал, и его лицо приняло вид льва-воина, когда он сказал: «Я не пойду в агентство. Я не умру в тюрьме. Если я должен умереть, то это будет здесь, как солдат, на том месте, где я родился».

Даже тогда агент мог бы убедить его мирными словами, но он тоже был зол и сказал: «Я даю тебе время до завтрашнего утра, чтобы принять решение. Если ты не придешь в агентство, я пошлю полицию и заберу тебя». Затем он вернулся в школу.

Кариньяну он сказал, садясь в свою повозку: «Тебе лучше отправить всех своих людей на пост. Сегодня ночью я собираюсь арестовать Сидящего Быка, и это может вызвать проблемы», — и в таком настроении он уехал.

XIII

ВОЖДЬ ПЛАНИРУЕТ ПУТЕШЕСТВИЕ

В лагере Сидящего Быка была темная ночь. Женщины плакали, а мужчины с мрачными и свирепыми лицами собрались на торжественное совещание. Черный Волк, Лови Медведя и Два Удара громко выступали за сопротивление, их горячие сердца были в огне, но вождь продолжал курить свою трубку, что было признаком нерешительности. Он по-прежнему был миротворцем и заботился о благополучии своего народа.

Когда он заговорил, он сказал: «Сражаться сейчас — значит умереть. Белые люди раздавят нас, как мух. Я знаю это, потому что видел их армии. Счастливые охотничьи уголья так же близки мне, как и любому из вас, но я не готов умереть. Я глубоко обдумал этот вопрос и решил не сражаться, потому что, если мы не намерены убить всех наших детей и не оставить никого, кто бы последовал за нами, белый человек обрушит свою ненависть на тех, кто останется. Если агент придет со своими отступниками, чтобы арестовать меня, я буду сопротивляться до смерти, но если за мной придут солдаты, я пойду с ними, потому что у них сердца воинов и они знают, как обращаться с вождем. Таково мое решение; но что бы ни случилось, пусть никто не вмешивается в мою пользу, потому что это приведет только к кровопролитию, а это не принесет ничего хорошего. Я ваш вождь — они накажут меня. Я встречу их один».

Затем он обратился к своим «Безмолвным Пожирателям» и сказал: «Поставь стражей на холмах и следи за всем, что происходит в агентстве. Не позволяй шпионам приблизиться к нам».

После этого танец продолжался в каком-то безумном ритме, как будто отчаянном от нужды. Крики молящихся были душераздирающими. «О Великий Дух, спаси нас; принеси счастливую землю быстро, пока белый человек не убил нас», — они повторяли это снова и снова, потому что дни летели быстро, а зимние волки приближались.

Когда вождь не появился, как обещал, агент провел четкую границу между агентством и лагерем и задействовал силы голода и холода. Он послал весть всем жителям Гранд-Ривер, приказав им перебраться и поселиться в постоянном лагере возле агентства. «Те, кто не придет, будут лишены продовольствия». А своему клерку он сказал: «Это покажет последователям старого вождя, на чем они стоят».

Невозможно переоценить последствия этого приказа. Северный ветер теперь был резким, а у людей было мало мяса и совсем не было муки. Они зависели от агентства в плане ежедневного питания. Им было запрещено покидать резервацию для охоты, а дичи осталось очень мало. Этот приказ провел четкую грань между теми, кто верил в танец, и теми, кто только притворялся, что симпатизирует ему. Остаться означало голодать и замерзнуть; уйти означало признать окончательное превосходство белого человека и всего, что он олицетворял. Таково было то ужасное решение, которое было навязано им.

Когда приказ дошел до лагеря Сидящего Быка, танцоры пришли в замешательство. Был созван срочный совет, и лидеры вскоре приняли решение отказаться от танца. Большинство

из них сразу сказали: «Это бесполезно. Великий Дух не услышал нас. Остается только одно. Давайте подчинимся агенту. Сопротивляться — глупо».

Другие говорили: «Что значат несколько месяцев жизни в плену? Давайте танцевать, и если белый человек придет сражаться, давайте все умрем как храбрецы». И пока они говорили, женщины начали петь старые боевые песни, призывая к сопротивлению захватчикам. «Мы можем голодать и умереть, потому что когда мы умрем, мы пойдем в счастливую страну. Немного боли, и все закончится. Давайте сражаться!»

Как только вождь обдумал дело, он сказал: «Пока у меня есть скот или деньги, вы будете сыты», но у него почти ничего не осталось. Он уже отдал все, что имел.

Я не знаю, что думал мой вождь в этот момент. Думаю, что в моменты, когда его возмущение достигало пика, он тоже говорил: «Давайте сражаться до смерти. Счастливые охотничьи уголья близки. Они ждут нас. Зачем нам продолжать голодать и отчаиваться?» А потом, когда какой-нибудь добрый человек говорил с ним, напоминал ему о друзьях среди бледнолицых, у него появлялся проблеск надежды, и он забывал свои горькие слова.

Я знаю, что он не боялся. Смерть не вызывала у него ужаса. Жизнь не давала ему почти ничего. Почему он должен был бояться смерти? Ему было пятьдесят шесть лет, и его дни были почти сочтены. Кроме того, он не мог смотреть в будущее без боли, потому что видел свой народ рабами или бродягами среди чужого народа.

В течение этих недель страх и ненависть к нему возродились среди поселенцев во всех западных штатах, и газеты были полны требований казнить его. Близлежащие белые поселенцы громко требовали прислать войска, а некоторые из тех, кто жил на севере, пошли так далеко, что патрулировали границы резервации, чтобы встретить воинов Сидящего Быка, когда те выйдут в боевом порядке. Они были рады поводу, чтобы высказать свои обвинения против нас как захватчиков земли, которую они желали. Чувствуя за спиной миллионы своих соратников и зная, что войска находятся поблизости, они были очень смелы.

Несмотря на жестокий приказ агента, большое количество самых суровых воинов Ункапаппас осталось в Рок-Крик, и когда он увидел это, он побоялся осуществить свой план по аресту вождя. Намереваясь объединиться с холодом и снегом, он дождался наступления зимы, внимательно следя за Военным министерством, чтобы министр Эндрюс () не узурпировал честь ареста вождя. Он не хотел провоцировать вмешательство со стороны военных. «Я могу позаботиться о резервации», — повторял он командиру поста.

Вождь понимал его чувства и сказал моему отцу: «Я буду подчиняться приказам великого военачальника, но не буду подчиняться приказам этого агента. Он обращался со мной как с собакой. Великий Отец в Вашингтоне сказал мне: «Сидящий Бык, ты — глава народа сиу, и я возлагаю на тебя ответственность за поведение твоего народа. Сохраняй мир». Я пообещал ему, что буду это делать, но агент всегда отворачивался от меня или бросал в меня слова, подобные камням или грязи. Он лгал обо мне, и его письма разгневали поселенцев. Теперь он хочет заставить меня замолчать, чтобы он мог улыбаться и говорить: «Я великий вождь, я победил Сидящего Быка». Я не позволю ему этого сделать».

Поэтому его вооруженные часовые продолжали патрулировать холмы, окружавшие лагерь. Никто не мог приблизиться к его лагерю ближе чем на двадцать миль, не увидев теневых всадников, появляющихся и исчезающих на высоких холмах. Каждое одеяло скрывало оружие, а танцы продолжались почти днем и ночью, и один за другим его скот убивали и съедали, пока, наконец, не осталось ни одного.

Мое собственное положение с каждым днем становилось все более невыносимым. В моем сердце боролись противоположные страсти. Здесь были мои братья, готовые сразиться в своей последней битве, упорствуя в своем вызове, который был столь же безумным, как и их религия. Я не мог обманывать себя. В тот момент, когда я вернулся к белым людям и увидел свои книги, я осознал трагическое отчаяние своего народа. Танец стал просто еще одним из религиозных безумий, которые, по словам мудрецов, периодически нападают на человечество на протяжении десяти тысяч лет. В письме от Черного дрозда было сказано: «Держись подальше, Филип. Не вмешивайся в эту заварушку. Ты ничего хорошего не сделаешь. Из твоего письма ясно, что трагический конец неизбежен. Ты сделал все, что мог. Присоединись к белым людям (). В целом, белые люди имеют организацию, подходящую для новых условий. Умереть вместе со своим народом было бы великолепно, но это было бы напрасной тратой. Не делай этого, мой мальчик. Используй свое лучшее влияние против насилия, но избегай опасности. Тебе предстоит работа по оказанию помощи своему народу в преодолении пропасти между их образом жизни и нашим».

Я сказал ему, что меня уже осудили как труса и предателя своего народа. Он ответил: «Неважно; через десять лет те, кто останется в живых, увидят в тебе мудрого лидера». И в духе этого письма я послал сообщение своему вождю, сказав, что лучше всего принять правила агента.

Департамент не хотел, чтобы его называли опрометчивым; он опасался влияния друзей индейцев на Востоке и поэтому колебался, и эти дни ожидания были для нас всех мучительными. Я не мог смотреть никому в глаза. Я выполнял свои обязанности, как будто я тоже был в трансе. Меня действительно можно было назвать шпионом, потому что, когда один из разведчиков моего отца спросил меня, что происходит в агентстве, я сказал ему, что я подозреваюсь обеими расами и не знаю, к кому обратиться за помощью.

Агент требовал, чтобы я каждый день появлялся в его офисе, а чтобы увидеться с отцом и вождем, нужно было проехать почти восемьдесят миль ночью. Я не осмеливался этого делать, потому что вождь теперь считал, что я точно перешел на сторону врага, и я был уверен, что он не позволит мне прийти к нему. Меня презирали и отвергали и белые, и краснокожие, и у меня не было никого, кто мог бы меня утешить.

Погода оставалась мягкой. Каждый день я искал в небе признаки бури. Если бы только снежная буря обрушилась на нас, она остановила бы танцы, охладила бы ярость гнева, и все же, когда ненависть и презрение белых людей прорывались в моем присутствии, я надеялся, что мой вождь будет сражаться. Лучше умереть как лев, чем жить как пойманный в ловушку волк.

Тем временем вождь и его небольшая группа продолжали испытывать новую религию, но вождь не был удовлетворен.

«Почему эти видения приходят только к женщинам и слабым мужчинам? Почему они не приходят к моим «Безмолвным Пожирателям»? Почему я не могу пойти, увидеть все это и вернуться?»

Он устал от своей тюрьмы и тосковал по яркому миру, где обитали духи. Наконец он принял важное решение. Он решил покинуть резервацию и навестить Кикинг Беара, чтобы узнать больше о Мессии. Он хотел узнать, были ли какие-либо новые откровения другим племенам. Он исчерпал ценность этого явления в своем собственном лагере и остался неубеденным.

Он сказал: «Агент скоро пошлет за мной. Я могу пойти в агентство, а могу и не пойти. Неважно. Вы не должны попадать в беду из-за меня».

Можете ли вы представить, что это значит для вождя, когда его гордая, свободная раса опускается до положения нищих и детей, которым запрещено торговать, запрещено охотиться, запрещено дарить подарки, которых заставляют выстраиваться в ряд, как скот, лишают развлечений, как заключенных, и обязывают носить отброшенную одежду белых людей?

«Если эта религия истинна, то у нас есть надежда. Если нет, то все кончено», — сказал он. «Я сам пойду искать тех, кто видел чудотворца. Возможно, я найду его, и он сжалится над нами и спасет нас от гибели. Терпеливо ждите моего возвращения, и тогда вы узнаете правду».

Он договорился уйти на рассвете, а его охранник должен был последовать за ним позже, чтобы убедиться, что с ним не плохо обращаются. «Молчаливых едоков» теперь было не много, но они были готовы пойти туда, куда пойдет он, и умереть вместе с ним, если понадобится.

Я не претендую на то, чтобы следить за поворотами его мыслей, но я думаю, что он решил покинуть резервацию, даже рискуя быть арестованным и возвращенным полицией, считая, что слово и обещание, которые он стремился проверить, стоили больше, чем что-либо другое на земле.

Наверное, именно в таком настроении он готовился к своему долгому путешествию, пока продолжался танец, а белые люди обвиняли его в том, что он возглавил восстание.

XIV

СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Новость о намерении вождя уйти, которую шпион донес агенту, заставила его действовать немедленно. В соответствии с инструкциями департамента он пошел к полковнику Дрону, командиру гарнизона, и договорился арестовать вождя, прежде чем тот встанет на следующее утро. Арест должны были произвести местные полицейские, но войска должны были находиться на расстоянии, позволяющем оказать поддержку, и разделить честь!

Руководители полиции были врагами вождя. Особенно злобным был Бритый Голова. Причина была в следующем: когда Сидящий Бык посетил племя Кроу в 1884 году, Бритый Голова сопровождал его. Однажды ночью во время танца Кроу грубо оскорбили гостей, и Бритый Голова хотел убить их, но вождь посоветовал говорить мягко. «Мы не должны ссориться», — сказал он и ушел. Бритый Голова был очень зол и за его сдержанность назвал Сидящего Быка трусом, хотя на самом деле один-единственный жест этого безрассудного глупца мог бы вызвать бурю возмущения во всем лагере. После этого он не упускал ни одной возможности оскорбить и раздражать вождя, который терпеливо сносил это, зная, что резкий ответ только ухудшит ситуацию.

Большая Голова, лейтенант полиции, также был против вождя; по правде говоря, весь отряд был тщательно подобран из тех, кто приживался в агентстве или из янкитонезов, готовых за деньги белых людей действовать против вождя, чье презрение к таким предателям и слабакам было хорошо известно. Во времена власти Сидящего Быка эти фракции существовали. Галл и Серый Медведь завидовали его великой славе, хотя Галл никогда не был действительно нелояльным. Серый Медведь же был нелояльным и не упускал ни одной возможности навредить своему старому вождю. Это позорно говорить о

моем народе, но некоторые из них, ради новой формы и двадцати долларов, готовы были убить своих кровных родственников. Свидетельством тому являются так называемые «разведчики» армии в Аризоне.

Мой отец говорит, что Сидящий Бык выступал против любого насилия, но я должен признать, что его сторонники были вооружены и поклялись защищать его от жестокого обращения. Возможно, он с благодарностью принял их верность, и когда он решил отправиться на поиски Мессии, они попросили пойти с ним всем составом.

Мне не показалось бы странным, если бы он решил никогда не покидать свой народ живым.

Он старел, и изгнание означало бы для него медленную смерть. Насколько он знал о плане агента посадить его в тюрьму, я не знаю, но я слышал, как он отстаивал свое право (которое комиссар устно ему предоставил) приходить и уходить, как любой другой гражданин штата. Как вождь своего народа, он считал грубой несправедливостью, когда ему говорили: «Ты не должен пересекать эту линию». «Пока я ухожу мирно и кормлю себя, я не вижу, какое право имеет агент возразить. Вашингтон сказал это, и я ухожу».

В ночь перед отъездом он обратился к «Молчаливым едокам». «Будьте мирны, не делайте ничего резкого, — сказал он, — ждите моего возвращения. Я еду навестить Мато. Возможно, у него есть для нас новое послание. Возможно, он снова посетил Мессию. Если нет, то мы пойдем вместе».

Он был на танцах до полуночи и, будучи уставшим, все еще крепко спал, когда незадолго до рассвета Бычья Голова и семь других отступников тихо собрались вокруг его кровати.

Когда Бычья Голова положил на него руку, вождь открыл глаза и тихо спросил: «Что вам нужно?»

«Молчи. Агент хочет, чтобы ты пришел к нему», — тихо ответил Бык-Голова. «Вставай быстрее».

Вождь некоторое время лежал, погруженный в раздумья. Он видел вооруженных людей и знал, что они враги. На другой стороне комнаты спала его жена с детьми. Соппротивление означало бы смерть. Он не хотел умирать на ее глазах.

«Хорошо», — сказал он спокойно, — «я пойду». Он частично поднялся. «Но я должен одеться. Холодно, я хочу надеть свое новое пальто. Позвольте мне разбудить жену, чтобы она принесла его».

Бык-Голова, менее жестокий, чем Бритая Голова, сказал: «Хорошо. Мы подождем», но когда жена поняла, зачем пришли эти люди, она начала плакать: «Они заберут его», и это разбудило детей, которые тоже начали плакать.

Вскоре послышался быстрый бег. Взяв свои одеяла и спрятав ружья под одеждой, «Тихие едоки» поспешили на помощь, не зная, что происходит, но готовые к бою.

Весь лагерь был в смятении, прежде чем Бычья Голова смог оттащить Сидящего Быка к порогу.

Одним из первых из старой гвардии был Медвежий Ловец, человек с горячей решимостью, который громко крикнул: «Они забирают нашего вождя. Давайте помешаем им».

Булл Хед ответил: «Агент отдал приказ. Не мешайте!»

Медвежий Ловец снова крикнул: «Давайте остановим это», и, отбросив свое одеяло, направил винтовку на Бычью Голову и выстрелил. Предатель упал, но, падая, застрелил

вождя. Почти в тот же момент Бритая Голова, вероломная собака, воспользовался возможностью, чтобы пустить пулю в великое сердце моего вождя, который упал и умер, не сказав ни слова, в то время как над его безжизненным телом продолжалась битва.

Некоторое время слышались только крики воюющих и треск их ружей. Когда все закончилось, восемь «Безмолвных Пожирателей» лежали мертвыми рядом со своим вождем, а вместе с ними пали четыре предателя, которые встретили свою трагическую смерть, ошибочно полагая, что выполняют долг, — они будут вечно прокляты за то, что убили своего вождя по приказу белого человека.

Укрывшись в доме, другие предатели убили немого сына вождя и были на грани того, чтобы быть сожженными «Безмолвными Пожирателями», когда звук пушки на холме возвестил о приближении солдат. Предатели были спасены синими мундирами.

Хорошо, что тело моего вождя попало в руки его почтенных врагов, потому что оно было изуродовано, когда полковник вмешался. Были воины сиу, настолько злобные, что они были готовы раздавить беспомощную голову мертвого льва, но белый командир гарнизона принял все меры, чтобы кости вождя лежали нетронутыми в смерти.

Хирург форта Йейтс принял тело и подготовил его к погребению. На следующий день во второй половине дня тело было зашито в брезент, помещено в гроб и похоронено в северо-восточном углу военного кладбища без церемоний и с небольшим количеством скорбящих, хотя далеко отсюда мой народ ждал в неутолимой скорби по поводу кончины своего великого вождя.

И так, несмотря на вандализм белых людей и предательство красных, прах моего вождя покоится в заброшенном уголке унылого маленького военного кладбища, недалеко от Великой Грязной реки, которая была восточной границей его земель. Летом дерн нагревается под палящим солнцем, а зимой покрывается снегом, но ранней весной дикие розы цветут на первозданном дерне над его костями. Никто не ухаживает за могилой, никто не посещает ее, и все же имя, написанное на этой побеленной доске, надежно хранится на стенах пантеона краснокожих, вместе с именами Красной Куртки и Текумсе, Осеолы и Черного Ястреба. Цивилизация проходит над его лицом, но пята угнетателя не может стереть из истории его народа имя «Та-танк-йо-танка», Сидящий Бык.

Он олицетворял эпическую, трагическую историю моего народа. Его жизнь охватила период между днями нашей свободы и гибелью всех наших обычаев. Он видел, как пришли захватчики, и наблюдал, как исчезли бизоны. За полвека своей сознательной жизни он был свидетелем больших перемен и понял трагическую историю моего племени больше, чем любой другой краснокожий.

Это слова моего отца, вождя «Молчаливых едоков», и его голос дрожал, когда он их произносил: «Та-танк-йо-танка был великим вождем и хорошим человеком. В нем не было ничего плохого. Он всегда был миротворцем, справедливым и честным в своих поступках. Он заботился только о благе своего народа. Он был бескорыстным и заботливым по отношению к другим. Он станет великим, как гора, по мере того, как уходит в прошлое. Он был вождем краснокожих, и мы больше никогда не увидим такого, как он. Если Великий Дух не ненавидит своих краснокожих детей, наш Отец счастлив в доме духов — на земле возвращающихся бизонов».

КОНЕЦ

СНОСКИ:

[1] В индейском употреблении слово «медицина» следует понимать как магическую силу. Шаман может лечить больных, но целитель не обязательно является шаманом. Шаман — это провидец, йог.

[2] В основном правдивый рассказ об инциденте, хорошо известном пограничникам.

КНИГИ О ИНДЕЙЦАХ *Издательство HARPER & BROTHERS*

Издательство Harper заслужило репутацию благодаря тому, что в его списке представлено множество лучших книг об американских индейцах — книг по истории, традициям и романтике индейцев, написанных такими авторитетами, как Фредерик Ремингтон, Хэмлин Гарланд, Баффало Билл (У. Ф. Коди) и другими. Читатели всех возрастов найдут среди перечисленных ниже книг увлекательные и ценные книги об индейцах.

«КОНЕЦ ТРОПЫ» Х. КАРРУТА

Одна из лучших приключенческих историй, когда-либо написанных, рассказывает о зиме, проведенной в одиночестве юным героем в шахтерском лагере, и о его встречах с индейцами и дикими зверями.

«Приключения Буффало Билла» У. Ф. Коди

Автобиография Буффало Билла. Аутентичная история жизни индейских пионеров.

«OLD TIMES IN THE COLONIES» (*Старые времена в колониях*) К. К. КОФФИНА

Яркая картина ранних трудностей колонистов в Америке. Описания войн с индейцами создают незабываемый образ.

«Охотник на оленей» ДЖЕЙМСА ФЕНИМОРА КУПЕРА

Одна из самых убедительных историй о временах первопоселенцев, когда западная часть штата Нью-Йорк была нашей самой дальней границей.

«Пленник навахо» КАПИТАНА К. А. КЕРТИСА

Захватывающая история о жизни первых пионеров с достоверным историческим фоном.

КНИГА ИНДЕЙЦЕВ, Н. КЕРТИС

Всемирно известная книга об индейской музыке, искусстве и фольклоре, полученная от самих индейцев. Содержит подлинные репродукции племенных песен, а также произведений искусства и ремесел.

«Сапоги и седла» МИССИС Э. Б. КАСТЕР

Захватывающий рассказ о жизни на равнинах. Главными героями являются генерал Кастер и его семья.

«ИСТОРИЯ ИНДЕЙЦЕВ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ» Ф. С. ДРЕЙКА

Новое издание этой книги, основанное на всех историях индейцев. Иллюстрации Генри Питца передают дух индейцев и романтику их прошлого.

КНИГА АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ, ХЭМЛИН ГАРЛАНД

Иллюстрации Фредерика Ремингтона. Замечательная книга, частично историческая, частично романтическая. Рассказы и зарисовки из жизни индейцев от двух человек, которые знали и любили индейцев.

КАПИТАН СВИТОЙ СЕРЫХ ЛОШАДЕЙ, ХЭМЛИН ГАРЛАНД

Романтическая история молодого армейского офицера, назначенного начальником индейской резервации в Форт-Смите.

«Красная стрела» ЭЛМЕРА ГРЕГОРА

Художественное произведение, основанное на глубоком знании жизни краснокожих в первые дни существования нашей страны.

КНИГИ О ИНДЕЙЦАХ *Издательство HARPER & BROTHERS*

ВОЕННЫЙ ПУТЬ И ОХОТНИЧИЙ ТРОП ЭЛМЕРА ГРЕГОРА

Сборник рассказов об индейских мальчиках из разных племен.

Исчезающий американец, Зейн Грей

Поучительная картина проблем современных индейцев и их конфликта с современной цивилизацией. Величайший роман Зейна Грея.

«СОКРОВИЩНИЦА АСТЕКОВ» Т. А. ЖАНВЬЕ

Захватывающая история о поисках сокровищ среди руин мексиканской индейской деревни.

«ПЕРЬЕ ФЛАМИНГО» КИРКА МАНРО

Классическое произведение художественной литературы, основанное на глубоком знании жизни индейских пионеров.

КРИВЫЕ ТРОПЫ ФРЕДЕРИКА РЕМИНГТОНА

Сборник реальных историй о ранних днях Запада, рассказывающих о сражениях с индейцами и о принесении закона в отдаленные уголки цивилизации.

«СЛЕДЫ ПОНИ» ФРЕДЕРИКА РЕМИНГТОНА

Реальные истории с ковбоями, индейцами и бандитами, рассказанные в повествовании, гораздо более ярком, чем художественная литература.

«Красный мустанг» У. О. Стоддарда

Захватывающие приключения с индейцами апачи.

«Говорящие листья» У. О. Стоддарда

Приключения индейской девушки и ее приемной белой сестры.

Две стрелы, *автор* У. О. Стоддард

История молодого индейского мальчика и попытки его белых друзей дать ему образование.

КНИГА ИНДЕЙСКИХ ХРАБРЫХ, *автор* КЕЙТ СВИТСЕР

Сборник биографических очерков о знаменитых индейцах в ранней истории Америки.

С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ ЛА САЛЛЕ, Вирджиния Уотсон

Аутентичный рассказ об исследованиях Ла Салля и его французских последователей. Увлекательное переплетение вымысла и истории.

«Красный перышко» ЭДВАРДА Х. УИЛЬЯМСА

История мальчика из пограничного поселения, его пленения индейцами и драматического побега.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ КРАСНОГО ПЕРЬЯ» ЭДВАРДА Х. УИЛЬЯМСА

Дальнейшие приключения Дика Вебстера после его возвращения в пограничный форт. Рассказы о войнах с индейцами и охотничьих приключениях.

КНИГА О ИНДЕЙЦАХ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

Сборник рассказов об индейцах, написанных различными известными авторами.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

Очевидные типографские ошибки и ошибки в пунктуации были исправлены после тщательного сравнения с другими случаями в тексте и консультации с внешними источниками.

Некоторые дефисы в словах были незаметно удалены, а некоторые добавлены, когда в оригинальной книге было обнаружено преобладающее предпочтение.

За исключением изменений, указанных ниже, все орфографические ошибки в тексте, а также несогласованные или архаичные выражения были сохранены.

Стр. 194:	«while	our	brethern»	заменено	на	«while	our	brethren».
Стр. 200:	«ut	we	come»	заменено	на	«But	we	come».
Стр. 218:	«Will	your	break down»	заменено	на	«Will	you	break down».
Стр. 219:	«of	the	widsom of»	заменено	на	«of	the	wisdom of».
Стр. 219:		«Menneconjous»		заменено	на			«Minneconjous».